

наш
XX
век

ИЛАРИОН АВКСЕНТЬЕВИЧ

ТОЛКОНЮК

★
РАНЫ ЗАЖИВАЮТ МЕДЛЕННО

ЗАПИСКИ ШТАБНОГО ОФИЦЕРА

Наш XX век

Илларион Толконюк

**Раны заживают медленно.
Записки штабного офицера**

«Центрполиграф»

2017

УДК 355/359-05
ББК 63.3(2)622

Толконюк И. А.

Раны заживают медленно. Записки штабного офицера /
И. А. Толконюк — «Центрполиграф», 2017 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07501-7

Мемуары эти, написанные еще в советское время, между 1971 и 1991 годами, абсолютно не похожи на издававшиеся тогда во множестве мемуары советских фронтовиков. Фактов и суждений, неудобных для официальной советской версии истории войны, в них так много, что на основе их одних можно выстроить другую версию, с официальной не имеющую ничего общего. При этом автор был убежденным коммунистом, который и сам иной раз спохватывался, что пишет что-то не то, что-то «очерняющее» или «недооценивающее». Воспоминания Толконюка дают также исключительно наглядное представление о причинах, по которым на освобождение территорий, потерянных в сорок первом за четыре месяца, потребовалось два-три года; он рисует картину крайне негибкого, излишне централизованного управления войсками, не позволявшего нижестоящим командирам вовремя влиять на развитие событий, а вышестоящих заставлявшее подменять нижестоящих. Толконюк ярко высвечивает и характерное для советских командиров пренебрежение профессионализмом, подмену его «волевизмом». В общем, картина войны, постепенно восстанавливаемая независимыми историками, получает более чем существенное подкрепление. Сведения немецких источников и рассекреченной советской военной документации полностью подтверждаются мемуарами советского офицера.

УДК 355/359-05
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-07501-7

© Толконюк И. А., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	47
Глава 6	58
Часть вторая	68
Глава 1	68
Глава 2	74
Глава 3	79
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Илларион Толконюк

Раны заживают медленно.

Записки штабного офицера

От автора

Для чего я пишу эти воспоминания

В последнее время, как у нас в Советском Союзе, так и за границей, широко вошло в моду писать мемуары или другого рода воспоминания. Разразилась своеобразная мемуарная эпидемия. Пишут буквально все, достигшие, как правило, преклонного возраста. Особенно активно взялись за писательский труд пенсионеры и старики-военные, принимавшие то или иное участие в Великой Отечественной войне Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 годов.

Книжный рынок переполнен мемуарами авторов всех калибров и рангов: больше тех, кто калибром покрупнее, кому легче продвинуть свое творение в печать. А сколько пишут просто в корзину, с чуть теплящейся надеждой как-нибудь пробиться к цели в бесконечной очереди на подступах к издательствам, не поддается даже приближенному учету. Среди пишущих свои воспоминания немало и таких, которые не только далеки от писательского ремесла, но и расписываются с ошибками. В общем,

Как только стал товарищ старым,
Писать берется мемуары.

И каждому пишущему представляется, что все другие авторы мемуаров безбожно врут, а он один освещает абсолютную и объективную истину, так необходимую для просвещения неразумных, но жадных до истории потомков. О грехах своих, промахах и наделанных в жизни глупостях не пишет никто. А сколько их было!

Хотя изданные до сего времени мемуары и разношерстны по тематике, объему, стилю, внешнему оформлению, в них нетрудно уловить нечто общее. Почти каждый автор буквально выпячивает свою особо выдающуюся роль в освещаемых событиях, явно преувеличивая значение, роль, мудрость и героизм своей персоны, привлекая в свидетели, как правило, мертвецов, которые не могут возмущаться или протестовать. Мертвые, как говорится, не вопиют.

Может показаться, что и я заразился этой мемуарной лихорадкой и, будучи захвачен бурным потоком мемуаристов, взялся за перо. Не стану опровергать такого мнения. Может быть, это так и есть. Хочу лишь заметить, что я уже в среднем возрасте украдкой подумывал решиться на этот шаг и кое-что записывал по ходу дела. Сначала так, на всякий случай, а затем все серьезнее и серьезнее меня охватывала забота о том, чтобы не забыть чего-либо важного и значительного. Когда я был помоложе, полон энергии, то направлял свою активность на практическую работу. Но уже тогда имел в виду в свое время попробовать силы на поприще литературы, а вернее, мечтал облачить свои мысли в печатную форму. И я зафиксировал свои планы на будущее. Остался в памяти лишь небольшой отрывок на этот счет:

Сложу в труде иль на войне
Свои израненные кости.
Надеюсь, место будет мне

На Новодевичьем погосте!
А если долго проживу
И стану немощным и старым,
Переберусь тогда в Москву
И там возьмусь за мемуары.

Из этого видно, что и я именно к старости толкал себя на путь мемуаристов.

И вот теперь это время неумолимо наступает. Сажусь за стол и принимаюсь за воспоминания.

Мне не суждено было стать выдающимся военным или государственным деятелем. Ни во время войны, ни в послевоенный период я не вышел в полководцы, да и не стремился к этому. Поэтому у меня нет ни оснований, ни тяги к тому, чтобы оставить потомкам свое жизнеописание. До Великой Отечественной войны, как и многие мои сверстники, я окончил техникум, военное училище и военную академию, прослужив в армии 38 лет. Во время войны я был обычным штабным офицером, каких было много, выполнял свои скромные обязанности, рвался в бой с врагом где следовало и где не следовало, был дважды тяжело ранен, награжден несколькими орденами и медалями. После войны служил на ряде должностей среднего порядка: высоко не поднимался и низко не опускался. В звании генерал-лейтенанта меня настигла старость. А сколько мне подобных! И если все напишут свои мемуары, то вряд ли у кого-нибудь хватит времени, чтобы их прочитать. И все же что мне остается делать, если не взяться за воспоминания. Молодежь, как говорится, живет мечтами, а старики – воспоминаниями. Что же, попробую и я. Пусть это будет моим последним свершением. Авось издадут и, может быть, кто-либо прочитает. Неплохо придумано. Не правда ли?

В моих воспоминаниях читатель найдет описание эпизодов из моей ничем не примечательной жизни и свидетельство всего того, что мне приходилось наблюдать и делать в таком виде, в каком все это запечатлено в моей памяти. Итак, за дело!

Часть первая

Дорога на войну

Глава 1

Новобранец

1

Моя военная служба началась в начале 30-х годов. Прекрасное, хотя сложное и трудное то было время. Великая и многострадальная страна наша успешно освобождалась от экономической разрухи, вызванной Первой мировой и Гражданской войнами. Могучие руки и плечи раскрепощенного труда возводили на необъятных просторах Родины заводы и фабрики, кулачество ликвидировалось как класс, завершалась коллективизация многомиллионной крестьянской мелкоты. Молодое Советское государство, ломая злобное сопротивление врагов всех мастей и оттенков, наливалось созидательными силами, приступив к построению нового, социалистического общества. Но мировой капитализм, перепуганный и озлобленный опасным для него примером первого в мире рабоче-крестьянского государства, бешено вооружался и готовился задушить молодую Советскую республику любыми средствами. По Европе поползла зловещая тень фашизма, Италию и Германию взбесила коричневая чума. Японские самураи провоцировали военные конфликты на наших дальневосточных границах. Черные тучи опасности сгущались все больше, назревала новая война. Одним словом, международная обстановка вынуждала партию и правительство Страны Советов серьезно взяться за дальнейшее укрепление обороноспособности государства, увеличение мощи Красной армии.

Неизбежный в связи с этим рост численности вооруженных сил вынуждал по-новому решать проблему командных и политических кадров. Расширялись существующие и создавались новые военные школы. В них набирались молодые люди как добровольно, так и по специальному призыву. Говорили, что в военные школы должен идти цвет советской молодежи. Отбор был самый тщательный, кандидаты, кроме проверки здоровья и способностей, просеивались через классовое решето. В это самое решето волей судьбы и сложившихся обстоятельств был брошен и я прямо со студенческой скамьи. После неоднократного просеивания я стал курсантом Киевской артиллерийской школы с гордым чувством и твердым намерением стать командиром Красной армии.

Меня призвал и направил в артшколу военкомат города Нежина на Украине, где я учился в Институте профессионального образования имени Н.В. Гоголя. Процесс призыва в армию был сложный. Сначала пришлось писать подробнейшую автобиографию и заполнять длинную анкету с перечислением ближайших и дальних родственников. Потом медицинская комиссия – отбор по признакам здоровья: организм исследовался по всем канонам военно-медицинской науки. Оно бы и ничего, исследуйте, пожалуйста, жалко, что ли? Но беда в том, что в составе комиссии были представлены и молодые женщины-медики. А это уже другое дело. Осматривали-то в натуральном, так сказать, виде, в чем мать родила. И на тебя, голого со всех сторон, должны глазеть посторонние женщины. Да я и перед родной матерью ни за что на свете не предстал бы нагишом. Но деваться некуда; пришлось, сгорая от стыда, показывать себя принародно ничем не прикрытым. Раздеваюсь до подштанников.

«Нет, – говорят, – снимайте и кальсоны!» Долго я возился, нарочно оттягивая время, но меня торопили, подкрепляя требование юмором. Вынудили наконец оголиться. Прикрыв неловко грех ладонью, я предстал перед комиссией в ярко освещенной просторной комнате, но убирать руку от определенного места не хотел; ее отвел силовым приемом какой-то верзила под веселый хохот присутствующих. Кроме меня, конечно. Мне было не до смеха.

И вот меня осматривают, заставляя поворачиваться в разные стороны: заглядывают в рот, уши, глаза, нос. Велят читать буквы на табличке, закрывая по очереди то правый, то левый глаз. Что-то шепчут, а я повторяю. Требуют делать такие движения, как колют дрова. Задают нескромные, знаете ли, вопросы: приходилось ли мне, к примеру, колоть дрова, подразумеваемая совсем другие действия. Дают альбомы с разноцветными цифрами и другими знаками, проверяя способность различать цвета. Сунули листок со строчками беспорядочно расположенных букв – и галдят, стучат линейками по столам, создавая адский шум, чтобы рассеять мое внимание, а я в это время должен одну букву зачеркивать, другую подчеркивать, третью округлять карандашом, четвертую оставлять нетронутой – и мысленно считать эти буквы по сортам.

Проделав все эти веселые упражнения, я сел, голый конечно, на маленький круглый стульчик, как мне указали. Включили мотор – и стульчик завертелся, как волчок. Все в моих глазах слилось, запрыгало, завертелось, затуманилось. До тошноты. Когда вращение прекратилось, я не мог разобраться, где что, даже комиссия показалась в еле проглядном тумане. Мне приказали выйти из комнаты. Вместо дверей я направился в противоположный угол, забыв одеться, и полез на стенку, посадив шишку на лбу.

Первый сеанс приемных, отборочных процедур несколько охладил мое желание стать красным командиром. Но это было лишь предисловие к первому уроку по военному делу.

О военной службе я имел в то время самое смутное представление. В глухом селе бескрайней Тургайской степи, где проходило мое детство, военных не было. Гражданская война не прокатилась по тамошним местам; смена власти проходила без кровопролития, путем бурных словопрений не за круглым столом, а у церковной ограды, с применением вместо оружия крепких мужицких кулаков.

Отец мой в армии не служил и в войнах не участвовал. На германскую войну его не мобилизовали из-за какой-то болячки. Правда, он был мобилизован колчаковцами, по пути в уездный город Атбасар удрал и возвратился домой, хоронясь с неделю в стогу соломы, пока опасность не миновала. Он все же подобрал где-то и подарил мне винтовочный патрон. Я высверлил в скамье дырку, вставил в нее патрон вниз пулей, приложил к капсюлю гвоздь и огрел по шляпке молотком, замыслив произвести выстрел. Пуля воткнулась в глинобитный пол комнаты, а раздробленным капсюлем поранило мне руку. Глухой звук выстрела, незнакомый запах пороха и сочившаяся из моей ладони кровь всполошили чуть ли не все село. Замотав раненую руку тряпкой, мать отдубасила меня лозняковым прутом, отклонив протест отца, вставшего на мою защиту. Потом я выковырял пулю из земли и, играя ею, нечаянно проглотил. Этим и ограничилось мое первое знакомство с военным делом. Так что, когда я поступал в артиллерийскую школу, мне предстояло распахивать, как теперь говорят, вековую целину военного поля. Все это было впереди. А пока что в составе команды подобных же рекрутов посадили меня в вагон – и поезд увез нас в Киев, куда я ехал впервые.

2

Приехали к вечеру. На вокзале нас встретил коренастый старшина Овдиенко, скрипя ремненным снаряжением и звеня шпорами. Он построил прибывшую команду в две шеренги у вагона и начальственно выкрикнул:

– Здравствуйте, товарищи!

– Здорово, – ответили отдельные смельчаки нестройным хором.

Большинство промолчало.

– Поздравляю вас с прибытием в нашу легендарную артиллерийскую школу! – продолжал старшина властным голосом. Не надеясь, что мы сможем достойно ответить на поздравление, он без паузы приступил к наставительной речи: – Слушайте внимательно! Я дам короткий инструктаж, чтобы вы не натворили глупостей, пока не освоитесь с обстановкой. Вопросов не задавать!.. Вы попали в артиллерию – грозный вид оружия, где говорят пушки, а музы, как сказал поэт, молчат. Знаете ли вы, что означают черные петлицы с красной окантовкой? – Он притронулся рукой к воротнику шинели. – Не знаете! А вот что они означают: черные петлицы – это земля, а красные канты символизируют кровь людскую... Разрывы мощных артиллерийских снарядов глубоко вспахивают поле боя, меняя лицо земли, и обильно увлажняют грунт вражеской кровью... Когда я скомандую «шагом марш», вы делаете первый шаг в прославленную артиллерийскую школу, что на Соломенке; это будет шаг в командирский корпус красной артиллерии. Но сразу в школу я вас не поведу: это святая святых – и ваша дорога туда идет через баню. Там смоят с вас прах штатской жизни, убьют постороннюю живность, которая пока что кое на ком держится, и только тогда вам будет позволено переступить порог проходных ворот школы. Наследник капитализма – союзник контрреволюции – вошь не должна проникнуть в курсантскую казарму, в нее вы попадете не сразу, а не ранее как через две недели, после строгого карантина. До этого будете размещены в помещении батареи обслуживания... Баня – у Еврейского базара. Кто знает Киев, тот представляет, что идти километра полтора, менее чем полчаса ходу умеренным солдатским шагом. Пойдем на виду у киевлян. Идти стройно, являя бравый вид и выше голову! И с песней.

Нас перестроили по четыре в ряду, старшина проверил по списку и скомандовал:

– Шагом...

Некоторые шагнули, не дождавшись команды «марш»; строй смешался.

– Отставить! – выкрикнул Овдиенко грозно. – Шагом... марш!

Строй двинулся уже более организованно. Старшина подсчитал ногу:

– Ать-два, ать-два; левой, левой, левой!

Шеренги выправились, и мы пошли по слабо освещенной улице.

– Запевай! – выкрикнул старшина и запел первым:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья
и вместо сердца – пламенный мотор.

Мы подхватили кто как мог, повторяя за запевалой:

Все выше, и выше, и выше
стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
спокойствие наших границ...

Чем дальше, тем песня лилась дружнее, организованнее. В паузах старшина подсчитывал ногу:

– Ать-два, ать-два; левой, левой, левой!

Перед баней строй остановился. Старшина пояснил: сначала войдем в грязную половину. Сбросите с себя весь ваш штатский хлам, сложите его в мешочки. Их вам выдадут.

На бирках напишете фамилии и оставите барахло на скамьях. Тряпье ваше будет подвергнуто дезинфекции раскаленным паром в специальной камере и будет лежать на складе три месяца, на случай ежели кто будет отчислен. А кто останется в школе, получают свое майно и бесплатно отправят по почте куда захочет: оно больше не потребуется. Ничего с собой не оставлять! Вам все выдадут, вплоть до носового платка, иголки и ниток.

«Пропала моя дорогая каракулевая шапка», – констатировал я с горечью, когда уловил, что она будет предана раскаленному пару. Так оно впоследствии и случилось.

Когда мы разделись, несколько парикмахеров приступили нас обрабатывать, готовить, значит, к помывке: оголосили машинкой под нулевку, сбрили волосы на остальных частях тела, в том числе на недоступных обычно глазу местах, оставив нетронутыми только брови; все, что ниже и выше бровей, начисто лишилось растительности. Выдали по куску хозяйственного мыла и жесткие, как проволочные, мочалки и запустили в моечную, с расставленными на отполированных телах скамьях оцинкованными круглыми тазами.

– Смыть всю дрянь до самых костей! – приказал старшина, зашедший в моечную в белом халате поверх гимнастерки, внешним видом напоминая ветеринарного фельдшера. Он многозначительно пояснил: – Яички вшей, у кого водится этот классовый враг, спрятаны глубоко в порах кожи. Если их не выдрать мочалкой с мылом и не смыть горячей водой, они останутся и через несколько дней из них выведется новое поколение паразитов, которое тоже оставит в коже яички. И так без конца. А вшивый курсант что паршивый конь. Это учтите...

В чистой половине нам выдали новое белье, пахнущие дегтем юфтовые сапоги с портянками, новые солдатские грубошерстные шинели и кожаные поясные ремни. Защитного цвета гимнастерки и синие бриджи дорогого английского сукна (мериновосовые), чистые и красивые, но далеко не новые, выдали как рабочее обмундирование. Старшина пояснил, что это обмундирование осталось еще от юнкеров, но оно лучше нового. Вместо шапок нас снабдили островерхими буденновскими шлемами с красными жестяными звездами на лбу.

3

В школе нас завели в солдатскую столовую батареи обслуживания, а не в курсантскую и подали ужин: горячая гречневая каша с мясом в бачках на десятерых (мы делили ее по порциям сами), сливочное масло, сахар, черный и белый хлеб по порциям, чай. Затем повели строем в казарму той же батареи и распределили по железным кроватям с аккуратно заправленными постелями. В прикроватных тумбочках находились предметы личного туалета и гигиены. Одним словом, было все необходимое для жизни и быта.

Мы, как новички, молча присматривались друг к другу и к непривычной обстановке. Спать легли по команде дежурного.

В 6 часов утра – подъем по сигналу. Раздетых до пояса, нас вывели на пятнадцатиминутную физзарядку. Еще было темно, но двор освещался электрическими фонарями на высоких столбах. Ночью выпал снег, и обжигающий ветерок с поземкой при пятнадцатиградусном морозе щекотал по бритым подмышкам, облизывал живот, бока, спину холодным языком. Побегав положенное время, мы возвратились в показавшуюся вдруг родной и уютной казарму, покрытые дымчатым инеем; от наших тел исходил сизый пар. Обмывшись под медными кранами умывальника – один сосок на пять человек, – мы оделись и под командой дежурного, назначенного из курсантов старшего курса, пошли на конюшню.

В теплом, ярко освещенном электричеством помещении вестибюля конюшни нас построили в одну шеренгу, поставив полукругом. Явился старшина Овдиенко. В ожидании начальства он заметно волновался. Тут же перед нами как-то неожиданно возник командир батареи курсантов Алексей Михайлович Манило – подтянутый, аккуратный, в идеально подогнанном обмундировании, в коричневых лайковых перчатках молодой человек со спа-

лой в петлицах. По внешнему виду, по всему существу своему это был эталон командира Красной армии, который наглядно олицетворял военную школу и показывал, каким должен быть в конце концов каждый из нас через три года обучения и воспитания.

– Товарищи курсанты! – приняв рапорт старшины и поздоровавшись с нами по-уставному, обратился к нам командир батареи. – Перед вами боевой артиллерийский конь (он показал поворотом головы на появившегося тут же огромного битюга, выведенного дневальным по конюшне). В паре с таким же своим собратом он ходит в коренной упряжке 122-миллиметровой гаубицы. Впереди коренной пары в орудие впрягаются еще две пары, именуемые уносами. Пока что кони составляют единственную артиллерийскую тягу; они входят в боевой состав артиллерии, как и боевые расчеты красноармейцев и орудия, именуемые материальной частью. Только в совокупности эти элементы составляют боевое подразделение. Конь верно и хорошо служит, если за ним надлежащий уход: достаточная и своевременная кормежка, водопой, ветеринарный надзор и чистка два раза в день. В военной школе вы будете с первого дня иметь дело с боевым конем. Сегодня я расскажу и покажу вам, как нужно обслуживать своего боевого друга...

Говоря уверенным, ровным голосом, он попутно показывал все приемы практически: как чистить корпус коня, гриву и хвост, копыта передних и задних ног; как поднимать и держать на своей коленке ногу коня, как проверять подковы, протирать белой влажной тряпочкой глаза и ноздри. Инструктаж закончился указанием, как чистить детородные члены животного. Причем командир батареи ни разу не назвал коня лошадью, а именно конем. Назвать строевого коня лошадью в школе считалось чуть ли не оскорбительным. Слово «лошадь» употреблялось, лишь когда речь шла о мероприятиях с конским составом: «чистка лошадей», «выводка лошадей» и т. и.

Тут же мы узнали, что конь или кобыла белой масти, как ни странно, более чисто-плотны, чем, скажем, гнедые, вороные, карие; их легче и проще чистить и содержать в порядке. За кем из нас будет закреплен конь белой или серой масти, тому здорово повезет, сделал вывод каждый новобранец.

Нас повели к станкам, где стояли на привязи кони, и показали, как следует накладывать в кормушку сено, как кормить коня овсом, как поить, как содержать в порядке кормушку и станок. За каждым закрепили по коню, назвав клички; сказали возраст, норы и привычки. Видимо для острастки, командир батареи предупредил со всей строгостью, что если находят в шерсти коня вошь, то об этом докладывается письменно по команде, вплоть до наркома обороны товарища Ворошилова, как о чрезвычайном происшествии, с вытекающими последствиями. Чистота, а значит, качество чистки проверяется белым носовым платком путем протирания шерстяного покрова, гривы и хвоста. Потемнение платка или следы перхоти на нем влекут наказание чистильщика, как за дисциплинарный проступок.

О ужас! Мне не повезло. Попался огромный ломовик гнедой масти с хитрющими красными глазами и с явным наличием перхоти в хвосте и гриве. Толстые мохнатые ноги тяжело стояли на массивных свинцовых подковах. Звали коня Вепрь. Рядом стояла его напарница по коренной упряжке – кобылица Ванда, такая же огромная, мощная, с закрученными в кольца усами на верхней губе. Говорили, что эта пара в одном из боев с белополяками, попав под артиллерийский обстрел красных, носилась в ужасе по полю боя и, перемахнув линию фронта, оказалась в распоряжении красноармейцев, впряженная в орудийный передок. С той поры неизменно служит красной артиллерии. За боевые заслуги и огромный рост они получали повышенную норму овса.

Меня предупредили, что при чистке Вепря рекомендуется перебрасывать через его спину поясной ремень: тогда он стоит спокойно, смирно; без этой предосторожности так и норовит наступить на ногу или укусить. Оказывается, думалось мне, с конем, как и с человеком, необходимо наладить хорошие взаимоотношения и добиться взаимопонимания.

Иначе не избежать беды: можно получить любую травму, даже стать калекой. Проводив командира батареи, старшина Овдиенко скомандовал: приступить к чистке... Вепрь вначале стоял смирно и косил на меня огненным глазом. Я перекинул поясной ремень через его спину и увлекся работой. И вдруг Вепрь с удивительной проворностью наступил мне на ногу, намертво вмяв ступню в упругий пол стойла. Всю тяжесть своего грузного корпуса он перевалил на шkodливую ногу, и я не своим голосом взвыл от боли; острые шипы подковы впились в сапог и мертвой хваткой зажали ступню. Преодолевая адскую боль, я попытался столкнуть Вепря с ноги, но и не тут-то было: конь не шелохнулся. Сбежалась вся батарея. По команде старшины: «Взяли!» курсанты стали толкать упряма; он стонал человеческим голосом, но даже не ослабил нажим. Наконец общими усилиями удалось освободить окаменевшую ногу. После этого происшествия я хромал с неделю.

После чистки лошадей – завтрак. На прием пищи расписанием дня отводилось 10 минут от команды «садись» до команды «встать». Без этих команд не разрешалось ни сесть за стол, ни встать из-за стола. Кто не успевал уложиться в отведенное время, поднимался по общей команде, не доев свою порцию. На это не обращалось внимания, и никому скидок на медлительность не делалось. Поэтому все ели поспешно, стараясь не отставать от товарищей и своевременно употребить все, что подано.

Первые занятия перемежались с неожиданным юмором. Как-то нам выдали винтовки со штыками и построили для отработки приемов с оружием. Среди нас оказался нежный и робкий, с розовым девичьим лицом и тонким пискливым голоском курсант Вася Жук. Старшина вызвал этого самого Жука из строя и перед лицом товарищей приказал ему, предварительно показав, как надо делать, подать команду «на плечо». Жук долго мучился: то густо краснел, то бледнел – и никак не мог решиться приступить к делу. С кончика его носа, несмотря на мороз, стали ниспадать крупные капли пота. Доведя до красного каления видавшего виды старшину, он наконец решился. Придав страдальческое выражение физиономии, он робко пропищал: «А ну, хлопцы, беримтэ гвинтивкы на плэчи та будэм почынаты...» Взрыв хохота чуть ли не сорвал занятия; многие смеялись до слез и стали неуправляемы. Грозные окрики старшины с трудом водворили порядок. Подобные веселящие эпизоды были не единичны, и некоторые занятия проходили с юмором и запрещенными требованиями дисциплины репликами в строю.

В карантине мы пробыли больше положенного времени. Дело в том, что нас ежедневно по утрам проверяли на вшивость. У большинства, конечно, никаких вшей не находили. А если и обнаруживалась какая-то там приبلудная, то после бани и смены нательного и постельного белья такие случаи встречались все реже и реже. Но, к несчастью, был среди нас курсант Мищенко, с которым вши расставаться не хотели; вошь у него находили ежедневно. Овдиенко пояснил однажды, что паршивая овца все стадо портит. «Хорошо еще, что Мищенко не конь, а человек, – говорил он, – а то бы пришлось командованию ежедневно представлять о нем донесение, вплоть до наркома обороны, как о ЧП». Когда в течение недели проверки оказались безрезультатными, наш карантин окончился – и мы были переведены в курсантский корпус, распределены по подразделениям и включены в общую учебную жизнь школы. В карантине мы немного втянулись в режим, освоились с непривычными условиями жизни, в общих чертах были ознакомлены с программой обучения и условиями военной службы. Младших командиров назначили к нам из числа курсантов старших курсов. От командира взвода и выше начальники были штатные – кадровые командиры и политработники. Воинских званий тогда в Красной армии не было, и начальников называли по занимаемым должностям: товарищ командир взвода, батареи, дивизиона и т. д. Знаки различия они носили по штатным категориям в виде кубиков и шпал на петлицах; младшие командиры носили соответственно треугольники, а высший командный состав – ромбы. На

петлицах гимнастеров и шинелей курсантов красовались три желтые буквы «КАШ», что означало – Киевская артиллерийская школа.

Вот таким порядком началась моя военная служба, длившаяся более сорока лет: от курсанта военной школы до генерал-лейтенанта – первого заместителя командующего войсками военного округа. Самым памятным и самым важным в моей службе этапом была Великая Отечественная война Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 годов, участником которой мне пришлось быть от ее начала и до победоносного окончания.

Глава 2

Курсантские годы

1

Киевская артиллерийская школа имени П.П. Лебедева, курсантом которой я был зачислен с ноября 1933 года, размещалась в отдельном военном городке по Воздухофлотскому шоссе на окраине украинской столицы. Это место называлось Соломенкой. Рядом по направлению к аэродрому располагалась школа морских летчиков, а с другой стороны, на некотором отдалении, – 5-я пехотная школа.

Территория нашей школы была ограждена добротным забором с широкими въездными воротами, они круглосуточно охранялись нарядом и открывались по мере надобности. Рядом с воротами имелась калитка для прохода одиночек и небольших групп, следующих без строя по пропускам. Перед городком школы простирался обширный плац, служивший местом различных учебных занятий. Этот плац правым дальним углом примыкал к старому, недействующему кладбищу, поросшему деревьями и кустарником и служившему прекрасным уголком для утомленного времяпровождения местной молодежи и курсантов. К плацу подходил трамвай № 8, здесь была его конечная остановка. «Восьмерка» была единственным средством сообщения с центральными районами города. Трамвай всегда набивался пассажирами до отказа.

На переднем плане огражденной территории располагался главный корпус школы – старинное добротное трехэтажное каменное здание, где размещались курсанты. В этом вместимом здании находились: спальные помещения, Ленинские комнаты, учебные классы, столовая, клуб с зрительным залом, спортивный зал и административные службы. В глубине городка – все остальное: манеж для занятий по конному делу, конюшни и открытые конюезы, артиллерийские парки, склады, котельная; в тыловой части было нечто вроде сада – овражистый участок с небольшими деревьями и кустарником. За пределами городка, вне огражденной территории, располагались флигели с квартирами начальствующего состава.

В этом военном городке, куда я вошел сугубо штатским человеком, мне довелось прожить полных три года и выйти из него кадровым командиром Красной армии, лейтенантом-артиллеристом.

И вот, после карантина, одетый с ног до головы в красивую военную форму с тремя буквами «КАШ» (Киевская артиллерийская школа), набитыми желтой краской на черных с красной окантовкой петлицах шинели и гимнастерки, обутый в начищенные до блеска юфтовые сапоги с металлическими подковками и звенящими шпорами, подпоясанный кожаным ремнем с латунной пряжкой, я почувствовал себя другим человеком. Недавнее мальчишество и студенческие вольности быстро вытеснялись из моего характера. Я стал считать себя вполне серьезным человеком, обдумывающим все детали своего поведения, отдающим отчет за каждый поступок. Словом, ко мне пришло понятие, что теперь я по-настоящему человек государственный, целиком отдавшийся на службу своей великой Советской Родине и больше сам себе не принадлежу, моя судьба отныне определяется судьбой страны, судьбой того народа, которому призвана служить Красная армия.

По мере того как я знакомился с историей школы, с героическим прошлым и настоящим РККА, вникал в программу обучения и воспитания, в результате чего курсанты должны будут перевоплотиться в военных профессионалов, во мне все больше и больше утвержда-

лось намерение преодолеть любые трудности и оправдать надежды тех, кто остановил свой выбор на мне, комплектуя школу курсантами.

В воображении смутно вырисовывались три длинных года учебы и трудной солдатской службы, через которые предстояло пройти, прежде чем прикрепить к петлицам два красных кубика и артиллерийскую эмблему и стать командиром взвода. Что придется пережить за эти три года и какая ждет меня командирская судьба после школы – над этим задумываться пока не приходилось: молодость была готова на все.

2

Школа представляла собой хорошо продуманный, четко организованный и прочно сложившийся воинский организм. Она состояла сначала из трех, а затем из четырех дивизионов, командования и управления, подразделений обслуживания и обеспечения. Имелся политотдел во главе с комиссаром школы, редакция и типография многотиражной газеты. Была хорошо оборудованная медицинская часть и, конечно, гауптвахта. Своей бани не было, и курсанты мылись по графику в гарнизонной бане три, кажется, раза в месяц.

Каждый дивизион делился на три линейные батареи и взвод управления. Во главе дивизионов стояли опытные и солидные командиры с тремя шпалами в петлицах: штатная категория, соответствовавшая должности командира полка. Батарея состояла из взводов, делившихся, в свою очередь, на отделения и оружейные расчеты. В батарее было три орудия: 122-мм гаубицы или 76-мм пушки. Позже появились и 152-мм мортиры. Тяга – конная: впрягалось по шесть коней в орудие. Командиры орудий, взводов и начальники постарше имели персональных верховых лошадей.

По строевому расчету школа представляла полностью укомплектованный по штату военного времени артиллерийский полк. В составе полка и его подразделений проходили тактические и тактико-строевые занятия с практической отработкой обязанностей личного состава, огневая служба, строевые занятия, конная подготовка и т. д. Собственно военной службой и занятиями по строевому и боевому расчету, воспитанием, привитием курсантам дисциплины и всевозможных навыков руководили командиры и политработники подразделений; их помощниками были командиры орудий и отделений, помощники командиров взводов и старшины батарей, назначавшиеся из курсантов старших курсов.

Теоретические занятия по всем дисциплинам проводились преподавателями: военные и политические предметы преподавали кадровые командиры и политработники разных служебных категорий, а общеобразовательные – штатские специалисты (вольнонаемные). Иностранные языки преподавали женщины.

За успеваемость, соцсоревнование, состояние дисциплины, боевую слаженность подразделений, внутренний распорядок, несение караульной службы и внутренний наряд несли ответственность строевые командиры. Они пользовались дисциплинарными правами, определенными уставом, имели право поощрять и наказывать подчиненных.

Практические занятия проходили преимущественно в районе артиллерийских парков, конюшен, в манеже и на плацу. На тактические учения и боевые стрельбы в составе дивизиона и полка выходили походным порядком на Дарницкий артиллерийский полигон. Маршрут проходил почти через весь город, что вынуждало по городу маршировать ночью. Местность на полигоне представляла собой бугристое плато, покрытое сыпучими и вязкими песками и сосновыми перелесками. На лето выезжали в Ржищевские лагеря, где был полный простор для всяких учений и стрельб.

Начальником школы первые два года моего в ней пребывания был высокообразованный и опытный артиллерист Алексей Иванович Гофе, носивший два ромба. На третий год школу возглавил известный в то время артиллерийский начальник Т.А. Бесчастнов. Комис-

сар школы – П.И. Мазепов. Во главе дивизионов стояли солидные и авторитетные артиллеристы Снегуров, Барсуков, Эрикайне.

Военно-теоретические дисциплины вели знающие и любящие свое дело, умеющие вложить в головы слушателей нужные знания высококвалифицированные методисты. Среди них нельзя не отметить таких, как Стрельбицкий – преподаватель тактики артиллерии, Муфель, излагавший теорию устройства орудий и порохов, теоретические основы артиллерийской стрельбы, Брысов, возглавлявший преподавание военной топографии. Он был известен не только как отличный специалист и беззаветный любитель своей специальности, но и как изобретатель знаменитого брысовского круга, облегчавшего подготовку исходных данных для стрельбы, – нечто вроде малой механизации. Видное место занимали и пользовались всеобщим уважением также Коханский, Сухоруков, Ведонеев, Самойлов и др. Все они буквально вкладывали душу, прививая своим питомцам любовь к артиллерии и давая глубокие и прочные знания по этому ведущему в школе предмету.

До поступления в военную школу я имел определенную общеобразовательную подготовку. Поэтому по точным и гуманитарным наукам учился легко и порой без должного интереса. На таких занятиях поначалу я не находил ничего нового и на уроках умудрялся читать художественную литературу и не вести конспектов. Достаточно сказать, что за три года учебы мне удалось прочитать сто один объемистый роман. Чтение на уроках, главным образом на лекциях, и отсутствие у меня конспектов приносили немало неприятностей, хотя я сдавал зачеты и экзамены успешно – выручала память.

Что касается новых для меня, военных предметов, то они меня захватывали, вызывали значительный интерес и поглощали с головой. Особенно полюбили такие темы, как устройство артиллерийских систем, порохов, теория стрельбы, военная топография, военнo-химическое дело, ветеринария, история Гражданской войны и некоторые другие. К изучению, скажем, теории стрельбы предварительно подвели разделы из высшей математики: теория вероятностей, теория ошибок и т. д. Изучение военной топографии начиналось, к примеру, с общей характеристики земной поверхности, магнетизма, вращения Земли, естественного рельефа местности, географических и геодезических данных. Это развивало любознательность и привлекало большой интерес к изучаемому предмету.

3

После карантина я попал курсантом взвода управления 2-го дивизиона. Командовал взводом очень старательный, немного суетливый и предельно подвижный блондин лет двадцати восьми – тридцати, по фамилии Садовой. Бросалось в глаза, что он до умопомрачения боялся начальства, но в обращении с подчиненными курсантами проявлял высокомерие и несдержанность, как бы любуясь своей властью над людьми. Это приводило к поспешности в отдаваемых приказах и оставляло неприятный осадок; его не полюбили курсанты с самого начала, но, как ни странно, не боялись. Вследствие этого он нередко попадал в неловкое положение: над рядом его поступков подсмеивались откровенно и беззастенчиво. Главной же его слабостью была привычка при любом замечании в его адрес старших начальников сваливать вину на подчиненных. Таких людей не уважают ни начальники, ни подчиненные. Чаще всего выигрывают те, кто вину подчиненных смело принимают на себя, не боясь ответственности, как бы ограждая подчиненного от наказания старшими начальниками, а с провинившимся подчиненным уж сами выясняют отношения. Садовой не обладал такими качествами и потому, по-видимому, почти не продвигался по службе многие годы старательной службы, считая такое положение несправедливым, и вынашивал обиду, которую невольно вымещал на подчиненных. Дивизионом командовал Михаил Михайлович Барсуков, носивший три шпалы. Он отличался всегдашней серьезностью, неразговорчивостью

и казался сухим и суровым. Все у него получалось неторопливо и капитально. Если что-либо внушал подчиненному, то делал это своеобразно: не повышал голос, не выговаривал, не упрекал, а тихо и монотонно задавал нудные вопросы один за другим; лучше бы выругал или наказал. Помнится такой случай. Куда-то я стремительно бежал по коридорам, толкая встречавшиеся двери плечом. Проскакивая одну из дверей, я неожиданно столкнулся с Барсуковым лоб в лоб и проскользнул раньше начальника, не уступив ему дорогу, что являлось грубым нарушением если не дисциплины, то субординации; во всяком случае, это был дерзкий, недопустимый поступок. Так поступил я не умышленно, конечно, а второпях, механически, не успев сориентироваться. Командир дивизиона меня остановил, вернул и потребовал повторить встречу с начальником, но уже по всем правилам. Затем состоялся такой диалог.

- Почему вы не уступили мне дорогу?
- Не заметил, товарищ командир дивизиона.
- А почему не заметили?
- Торопился.
- А почему торопились? Куда?
- На построение. Боялся опоздать.
- А почему боялись? Вы трусливы?
- Мало оставалось времени. Я не труслив, но не хотел иметь неприятности.
- А почему оставалось мало времени? От кого неприятности?

Своими вопросами и тоном, каким он их ставил, воспитатель завел меня в тупик. Вдоволь натешившись моей растерянностью, он постоял некоторое время, глядя на провинившегося юнца пронизывающими глазами, и отпустил, приказав, с подчеркнутой вежливостью, доложить о случившемся и полученных замечаниях своему непосредственному начальнику – командиру взвода Садовому. Пришлось выполнить неприятное приказание и получить от отчаявшегося Садового жуткий нагоняй; дело обошлось без дисциплинарного взыскания только потому, что Садовой посчитал это неуместным, поскольку командир дивизиона не приказал наказать меня.

Михаил Михайлович Барсуков два года был командиром дивизиона, в котором я состоял курсантом сначала взвода управления, а потом 5-й батареи под командованием Алексея Михайловича Манило. Много раз за это время Барсуков имел со мной дело. Мы встречались и впоследствии, через многие годы, когда я был уже полковником на войне, а он командующим артиллерией и членом Военного совета Западного фронта, генерал-полковником артиллерии. Последние годы он служил в Главной инспекции Министерства обороны, и в бытность мою начальником штаба и первым заместителем командующего военным округом мы встречались как старые знакомые и часто беседовали по душам. Он всегда считал меня своим воспитанником и говаривал об этом при случае.

Первые месяцы пребывания в школе я испытывал определенные затруднения морального порядка; были некоторые симптомы, порождавшие неуверенность в том, что удастся удержаться в школе и окончить ее. Вот один из таких симптомов.

Зачислив курсантами, нас продолжали досконально проверять. Проверяли не только способности и здоровье, но и социальное происхождение. В результате проверки кое-кто из моих однокашников был отчислен преимущественно по мотивам социального происхождения; у одного выявился факт скрывания им раскулачивания деда, у другого выяснился факт судимости брата или другого родственника, у третьего – имевшийся в свое время батрак у родителей и т. и. Выяснено это было путем посланки представителей школы по местам проживания родителей для проверки анкетных данных на месте. Меня эта сторона дела не беспокоила, хотя впоследствии стало известно, что и на мою родину приезжал человек с такой задачей. Беспокоило другое. Я оставил студенческую скамью в институте, поступив в

армию фактически самовольно, без согласия горкома комсомола и комсомольского комитета института, членом которого был избран. Они официально не могли запретить мне поступить в военную школу, но посчитали оставление института нежелательным. Этого я не учел и поэтому с комсомольского учета снят не был. А в военные школы тогда принимались лишь коммунисты и комсомольцы; я поступил как член ВЛКСМ. Стали ставить на комсомольский учет, но моей комсомольской учетной карточки не было. Пришлось обратиться в Нежинский горком комсомола с просьбой выслать документ, подтверждающий мою принадлежность к комсомолу. Ответ не обрадовал: «За самовольное оставление института и убытие без снятия с учета из комсомола исключен...» – гласила официальная бумага. Это влекло непереносимое отчисление из школы. Куда податься? В институт я возвратиться не мог, пропустив около двух месяцев учебы. Да и самолюбие не позволяло являться с повинной. А исключение из комсомола не вселяло надежды на восстановление в правах студента. В поисках выхода я написал откровенное письмо первому секретарю ЦК комсомола Украины Андрееву. И это решило дело: вскоре из Нежина в политотдел школы пришла моя учетная карточка и меня поставили на учет.

Учиться мне было легко. Из всех предметов на первых порах давалась тяжеловато только физическая подготовка; до школы я систематически физкультурой не занимался, а поэтому оказался немоощным. Пришлось наверстывать упущенное самостоятельными тренировками до изнеможения. Давалось мне это дело медленно и трудно. Лишь со временем я смог выполнять положенные по программе сложные упражнения на турнике, брусьях, кольцах, коне. Короче, потребовались месяцы упорного труда за счет свободного времени, чтобы подтянуться до требуемого уровня. И все же физическая нетренированность принесла мне впоследствии серьезную неприятность. Прошла примерно половина первого года обучения. Школа находилась в Ржищевских лагерях, где проводились тактические учения и боевые стрельбы. Командование школы должно было представить в округ сведения о сдаче норм ГТО. Но этот вопрос по какой-то причине упустили и решили по-пожарному организовать сдачу норм без должной предварительной подготовки. Во второй половине жаркого дня нас вывели на исходный рубеж в трусах и майках и приказали бежать по трассе 5 километров. Кросс засчитывался тем, кто пробежит дистанцию, кажется, за 22 минуты. И мы побежали. Параллельно бегущим гарцевал на горячем коне заместитель начальника школы М.А. Буковский: он контролировал бег и подбадривал бегущих, зная, что нас к этому не тренировали и не готовили. Для меня лично этот кросс обернулся тяжелым испытанием: на второй половине дистанции в животе что-то стало подниматься вверх и давить под ребрами; давило все сильнее и сильнее до невыносимости, затрудняло дыхание, сердце готово было вырваться из грудной клетки. Появилась мысль сойти с дистанции, остановиться и отдышаться. Но, стараясь пересилить боль и не подвести товарищей и начальство, я подпихивал кулак поочередно то под правое, то под левое ребро, как бы преграждая путь чему-то тому, что, поднимаясь снизу, невыносимо давило под ребрами. И бежал; бежал. Достигнув с невероятным трудом финиша, лег на землю и постепенно преодолел перебои дыхания и сердцебиения. В норматив по времени я вложился и норму ГТО по бегу сдал.

Через некоторое время в школе организовывался авиационный факультет, предназначенный готовить артиллерийских летчиков-наблюдателей, способных наблюдать с самолета цель, места разрывов своих снарядов и корректировать стрельбу по ненаблюдаемым с земли объектам. Отбирали курсантов для этого факультета со вторых курсов. Годность по состоянию здоровья была главным критерием. Проходил врачебную комиссию и я. Но меня забраковали, обнаружив значительное расширение сердца – последствия кросса. Я не стал летнабом, а расширение сердца осталось на всю жизнь.

Вернемся, однако, во взвод управления 2-го дивизиона, куда я был определен после карантина, о чем упоминалось выше.

4

По строевому расчету меня определили коноводом к командиру дивизиона Барсукову. Это была моя первая военная должность.

Командир взвода Садовой долго и подробно меня инструктировал, внушая важность обязанностей коновода; главное – понравиться начальнику. В мои обязанности входило: при подъеме по тревоге я должен был стремительно бежать на конюшню, седлать коня командира дивизиона и своего и ехать к квартире Барсукова, будить его, а когда он выйдет, подержать стремя, чтобы начальнику было удобнее сесть верхом, затем быстро садиться на своего коня и следовать позади начальника, куда бы он ни ехал. Когда начальник спешивается, моя задача – предупредить его в этом, держать коня и подавать его снова, как только потребуются. Перед тем как вести коня без седока, стремяна должны быть подтянуты плотно к седлу, чтобы не болтались, а перед посадкой следует отпустить их на должный уровень, измерив путище по длине руки. Все это я уяснил, но был огорчен такой непривлекательной должностью: она мне казалась холуйской и унижительной; с самого начала я искал способ отделаться от такой роли. Но как? Просто отказаться было бы недопустимой дерзостью. Размышления привели к решению повести себя так, чтобы Барсуков сам от меня отказался. И это удалось.

С объявлением первой же тревоги я все делал вопреки полученной инструкции. Оседлав комдивовского Богатыря, серого в яблоках великана, и сев на своего Донца, я поехал к флигелю, где жил Барсуков; постучал в окно и стал дожидаться, не спешившись. Стремяна у седла на Богатыре были подтянуты, и я их отпустить не удосужился.

Командир дивизиона вышел, натягивая на ходу лайковые перчатки, посмотрел на меня продолжительно с еле уловимой улыбкой, подошел к Богатырю, попробовал подпруги, отпустил стремяна и с необыкновенной ловкостью поднялся в седло. Мы поехали на плац, где ожидал своего командира построенный дивизион. Я держался рядом с начальником, следуя слева. Он подозрительно и с явным любопытством косил на меня левым глазом. Я не забыл, что при приближении к фронту дивизиона мне надлежало отстать и свернуть к флангу строя, но, умышленно этого не сделав, продолжал ехать рядом с Барсуковым.

Вот мы выезжаем на плац, следуем перед строем; комдив останавливается, поворачивает послушного коня головой к строю и здоровается. Я делаю то же самое, но, конечно, молча; поднеся руку к головному убору.

Комвзвода Садовой, стоящий в строю верхом, неистово, но так, чтобы это не было слишком заметно, подает мне знаками требование немедленно удалиться. Но я прикидываюсь простачком, не понимаю, в чем дело, и продолжаю свое.

Дивизион выступает на марш. Барсуков пропускает колонну мимо себя; я тут же рядом с ним, а не позади. Потом он обгоняет дивизион размашистой рысью и какое-то время едет во главе его. Затем снова съезжает с дороги, становится лицом к проходящей колонне, осматривая ее от головы до хвоста. Я не меняю избранную тактику. Садовой кипит, но покинуть строй и отозвать меня для надира не смеет. А Барсуков молчит, будто не замечая моей дерзости.

На первом же привале я был смещен с должности коновода, как не справившийся с обязанностями. За сорокалетнюю службу в армии это было единственное снятие меня с должности; огорчаться не следовало, так как снят я был без понижения: понижать некуда, ибо более низкой должности не было. Меня лишили персонального коня и направили во взвод для следования пешим порядком. А несчастный комвзвода Садовой получил от комдива нагоняй и замечание за неудачный подбор коновода.

Меня определили в отделение связи коммутаторщиком, проинструктировали и вручили технику: коммутатор «КОФ». Это была небольшая коробка с плечевым ремнем.

Аппарат рассчитан на шесть номеров и использовался для управления огнем дивизиона: к нему подключались телефонные провода, соединяющие наблюдательные пункты батарей с наблюдательным пунктом дивизиона. Я должен был слушать подаваемые команды и повторять их для абонентов, переключая то и дело соответствующие кнопки. Дело простое, и освоить его не представляло труда.

На одном из учений на Дарницком полигоне комдив ехал на своем Богатыре быстрой рысью из района огневых позиций на НП. Поравнявшись с местом, где я сидел со своим «КО-Фом», Богатырь попал в занесенную снегом песчаную траншею, свалился, перевернувшись через голову, и повредил себе передние ноги. Барсуков ловко вывернулся из-под падающего коня, но все же здорово ушибся и не мог подняться. Я кинулся к нему, глубоко утопая в мягком снегу, перемешанном с песком, и помог командиру подняться, отряхнул с него снег, поправил съехавшее с плеч снаряжение, отыскал оброненный бинокль. За этот подвиг мне была объявлена устная благодарность.

Через некоторое время меня назначили командиром отделения связи. Таким образом, я стал уже не просто курсантом, а начальником, командиром, имеющим в подчинении своих сокурсников и товарищей.

За время обучения в школе я занимал ряд должностей младшего комсостава: после командира отделения связи я был командиром вычислительного отделения, подготавливавшего исходные данные для стрельбы с использованием измерительных инструментов, специальных таблиц и полевого планшета; был командиром орудия, помощником командира огневого взвода. Командирская должность, конечно, приносила лишние хлопоты, взваливала на курсанта дополнительную нагрузку и ответственность, но была полезной: давала определенную командирскую практику, прививала навыки работы с людьми, учила пользоваться предоставленной властью, развивала чувство ответственности; создавала хоть маленький, но авторитет. Курсантам, занимавшим должности младших командиров, платили рублей на пятнадцать больше в месяц, чем рядовым курсантам. А главное, они, как правило, имели закрепленных коней и в походах, на стрельбах и учениях ездили верхом, а не ходили пешим порядком, что немаловажно.

На тактические учения и для проведения боевых артиллерийских стрельб мы выходили зимой на Дарницкий артиллерийский полигон, где буквально утопали в песках, перемешанных конскими ногами и колесами орудий с сыпучим снегом, а летом выезжали на Ржищевский полигон, добираясь туда по Днепру на баржах. Там мы проводили в напряженной учебе почти все лето.

Если Дарницкий полигон отличался песками и огромным сосновым лесом, затруднявшими передвижение и ограничивавшими видимость, так нужную артиллеристам, то Ржищевский полигон имел свои особые условия: песчаные бугры, поросшие кустарником вроде лозняка; между буграми – болотистые впадины с массой малярийных комаров. Огромные желтые насекомые нас буквально заедали; работать на планшете ночью из-за них было настоящей пыткой: при освещении планшета фонарем, без чего работать нельзя, они сплошной массой облепливали лицо, шею, руки, лезли в глаза, нос, уши, рот, противно звенели и очень болезненно кусали. Проведешь по щеке или лбу рукой – и сгребашь липкие ломти грязи, образовавшиеся из смятых насекомых. Большая часть побывавших там курсантов переболела малярией. Заболел и я. Эта скверная болезнь протекала в тяжелой форме: сначала поднималась высокая температура, делавшая человека беспомощным, угнетала и высасывала силы; болела голова, бросало в дрожь. Постепенно болезнь переходила в хроническую и не отпускала годами: время от времени проявлялась приступами – повышенная температура, дрожь тела, ощущение зябкости, потеря аппетита. Она провоцировалась при охлаждении или перегреве тела, отдельными видами пищи: дыня, спелые помидоры, виноградное вино и т. д. Лично меня малярия преследовала лет десять; она исчезла незаметно во время

войны на фронте, видно не выдержав тягот фронтовой жизни. Медицинская служба старалась лечить больных и проводила профилактические мероприятия: хинизация тогда была единственным средством борьбы с этим коварным заболеванием, и то малоэффективным. Всех нас поили жидкой хиной – самая противная процедура, какие я только знал. Давали хину и в порошках. Это только приглушало болезнь какое-то время, но не избавляло от нее.

Мне, как пострадавшему от малярии, показалось, что принимаются не все меры для избавления людей от этого несчастья. И вот я написал фельетон и послал в газету «Красная звезда». Фельетон назывался «СОН». В нем говорилось, что однажды в малярийном бреду мне приснился начальник Центрального медицинского управления Красной армии. Будто его принес в зубах к нам на полигон исполинский малярийный комар. В иронической форме излагались всяческие приключения в борьбе высокопоставленного медика с малярийным гигантом; побеждал комар, а не человек, вооруженный медицинской наукой. Фельетон не был напечатан, но из Москвы прибыла специальная комиссия для расследования и принятия мер на месте. Последовали конкретные мероприятия; стали заливать нефтью с самолетов болотистые места, как первоисточники комариного нашествия. В результате комаров заметно уменьшилось, меньше стало маляриков.

Здесь уместно вспомнить и о другом моем фельетоне, направленном на борьбу за справедливость и защиту человеческого достоинства. Дело было так.

Первые месяцы нас не пускали в городской отпуск: на всю школу был наложен общий карантин в связи с какой-то эпидемией среди местного населения – грипп или что-то другое, вызывавшее массовое заболевание. Всю зиму мы не выходили за ворота школы, кроме как в баню, на учебный плац или на полигон, и то только в строю. Впервые разрешили увольнение, кажется, в апреле. Порядок бытовал такой: желавшие пойти в город после завтрака до обеда или после обеда до отбоя, а иногда и на целый день записывались у командира отделения, и список передавался старшине батареи; старшина докладывал командиру батареи на утверждение. Уходящим выдавались увольнительные записки. Старшина выстраивал увольняемых, тщательно осматривал и инструктировал правилам поведения в городе, а затем строем вел их к дежурному по школе. Тот тоже придирчиво осматривал внешний вид, проверял на выдержку знание правил поведения и давал разрешение на выход строем за ворота. Пройдя ворота, строй распускали; курсанты стремглав бросались к трамваю, силой вталкивались в переполненный обычно вагон и ехали в центр города, где и бродили: кто просто шлялся по Крещатику, кто шел в кино, кто в парк, а кто к знакомым или родственникам. Для наблюдения за поведением курсантов в городе назначались командиры подразделений; это же входило в обязанности всех начальников, оказавшихся на улицах и в общественных местах. Прогуливавшемуся курсанту приходилось смотреть в оба, чтобы вовремя увидеть старшего и первым отдать честь или не быть замеченным с папирсой в зубах.

Пошел и я в первое увольнение. Собственно, идти было некуда; родственников и знакомых у меня в городе не было, я просто решил пошататься по Крещатику, посмотреть его достопримечательности. Возвращаясь и по установленному правилу иду к дежурному по школе с докладом о возвращении и что за время моего нахождения в городском отпуске замечаний и предупреждений не имею. Дежурный приказывает идти в санчасть на санитарный осмотр. Иду – раздеваюсь до пояса и подвергаюсь осмотру на вшивость; проверка, не принес ли в школу городскую вшу. Не принес. Делают отметку в увольнительной записке, это дает право идти в подразделение.

Давно заведенная в школе неприятная процедура ни у кого не вызывала протеста, но меня она возмутила и толкнула написать первый в жизни фельетон (это было раньше фельетона о комарах). Ни с кем не посоветовавшись, тайком от товарищей и начальства пишу фельетон под названием «Вошь и санчасть». В нем язвительно, в сатирической форме высмеивался порядок возвращения курсанта из увольнения: факт проверки на вшивость рас-

смастеривался как унижение достоинства советского человека, недоверие к нему; косвенное оскорбление киевлян, с которыми могло быть общение уволенного курсанта. Послал свое творение в окружную газету. Мне не верилось, что фельетон может быть опубликован, но думал таким путем добиться отмены унижительного осмотра на вшивость, хотя, кажется, никто, кроме меня, не считал это унижительным и неправомерным. Прошло несколько дней, я уже было чуть ли не забыл о фельетоне, как случайно встретился в коридоре с комиссаром школы П.И. Мазеповым, знавшим меня в лицо. Вместо ответа на приветствие, комиссар остановил меня с необычной для него веселостью:

– Это ты разделал в фельетоне под орех наши порядки? Ну и молодец! – Он залился хохотом, хватаясь за живот и покровительственно похлопывая меня по плечу.

Я, конечно, смутился и побежал за газетой. Фельетон действительно был напечатан полуподвалом на внутренней странице газеты. Вскоре осмотр на вшивость побывавших в городе курсантов отменили без всяких словопрений.

И вот вызывает меня к себе в кабинет комиссар школы, минуя всю лесенку прямых начальников, и говорит:

– Остроумный фельетон у тебя получился. – Обращение на «ты» должно было означать знак особого внимания. – Давно так не смеялся. У тебя, брат, сатирический талант. Учись этому щепетильному делу. При окружном Доме Красной армии есть литературное объединение, занятия проводятся по субботним вечерам. Я записал тебя туда; ходи заниматься.

Я так и поступил. Занятия в объединении дали мне возможность близко видеть и слушать многих украинских писателей: Тардова, Ивана Ле, Качуру, Л. Первомайского, П. Усенка, П. Тычину, З. Тулуп и др. Общим руководителем был Тардов, а непосредственно занимался с нами писатель Коваленков, известный в те времена под именем Косарик.

Я аккуратно посещал занятия до окончания школы и понемногу пробовал писать стихи.

Командир взвода Садовой выказывал явное недовольство моим участием в этом далеком от курсантских обязанностей мероприятии: ему не нравилось еженедельно отпускать меня в город.

Как-то проводился семинар молодых писателей Украины и я был приглашен в нем участвовать, нужно было два дня отсутствовать в школе. Садовой воспротивился отпустить меня с пропуском учебных занятий. Пришлось обратиться к комиссару школы. Мазепов приказал не чинить мне никаких препятствий. Слухи об этом распространились среди курсантов, и меня стали считать чуть ли не писателем.

Военную присягу мы принимали в первый год обучения в День Красной армии. На площадь привели молодых курсантов всех киевских военных школ, выстроили у памятника Богдану Хмельницкому. Правда, памятник виден не был: его обшили досками, укрыв от глаз будущих командиров; он в те времена не пользовался уважением, как атрибут старого строя. Кто-то читал вслух текст присяги, а мы повторяли хором.

После отстрела начального упражнения из винтовки и принятия присяги нас стали назначать в караул, сначала во внутренний, а потом и в гарнизонный. Несение караульной службы, особенно гарнизонной, считалось большим доверием, было облачено какой-то таинственностью и приравнялось к выполнению боевой задачи. Поэтому мы шли в караул с большим душевным волнением и старались не заснуть на посту, не допустить ошибки при смене с поста или при проверке бдительности.

Курсантская жизнь, насыщенная разными событиями, все же казалась протекающей медленно, и до окончания школы была целая вечность. А тут еще при школе организовали краткосрочные курсы по подготовке командиров взводов, получавших после их окончания по одному кубiku в петлицу, что соответствовало будущему званию «младший лейтенант». Наиболее слабо успевающих курсантов отчислили из школы и послали на эти курсы; через

полгода они окончили курсы и стали командирами. Мы это считали несправедливым по отношению к нам и завидовали счастливым.

Как бы ни был переуплотнен распорядок дня, я находил время много читать. Начитавшись разных романов и под их влиянием, я вздумал переменить свое положение. Решаю предпринять шаги, чтобы перейти из артшколы в военно-инженерную академию. И вот тайком от всех пишу письмо начальнику военно-учебных заведений РККА Е.С. Казанскому: прошу и по-своему обосновываю просьбу – перевести меня слушателем академии. Я высказал готовность сдать вступительные экзамены даже по конкурсу. Написал и послал.

Ответа долго не было. Начались переводные экзамены за второй курс. В округе в это время проводились большие маневры. Школу послали собирать парашюты при выброске воздушного десанта. Там я впервые увидел многих прославленных в Гражданскую войну военачальников, занимавших высокое положение в армии: К.В. Ворошилова, командующего войсками Украины и Крыма Якира, его заместителя Дубового, члена Военного совета округа Амелина и др. Видел и военных представителей иностранных армий.

Как только вернулись в школу, ко мне подошел Садовой и, отведя в сторону, заговорщицким голосом спросил, зачем меня вызывают в Москву. Чувствовалось, что взволнован. Я вспомнил письмо к Казанскому, но сделал вид, что ничего не знаю. Вокруг меня началась всякая возня, перешептывание; выдали новое обмундирование, тщательно подогнав по моей фигуре, а шинель спешно пошили новую по командирскому покрою. Совсем не поношенные хромовые сапоги, выданные как выходные, тоже заменили на новенькие. Командировочное предписание мог подписать только начальник школы, но он был на маневрах. Пришлось ждать. Поэтому я смог уехать с недельным опозданием. Меня заботливо провожали, на вокзал отвезли на машине; сам Садовой сопровождал до вагона.

Приехал в Москву. Прихожу на улицу Фрунзе, 19, по указанному в предписании адресу. Там, в белом здании с колоннами, мне предстояло предстать перед начальником УВУЗ Казанским, носившим четыре ромба. Это волновало и бросало чуть ли не в дрожь. Охватило такое чувство, что я с радостью вернулся бы в школу. Но отступления не было. Получаю пропуск и захожу в огромный подъезд с массивными дубовыми дверями: часовые, проверка пропуска, официальность – все это как-то давило и возбуждало воображение. Поднимаюсь на второй этаж и иду по длинному коридору, смотрю на номера кабинетов и читаю надписи над дверями. Вот кабинет начальника Главного политического управления Я.Б. Гамарника. Стараясь ступать тихо, не нарушая торжественной тишины.

Вот и кабинет Казанского: дверь полуоткрыта. Захожу в приемную, стараясь не вызывать волнения. Миловидная молодая женщина встретила вежливо, с приятной улыбкой; предложила сесть, дала журнал и кипу газет.

– Подождите немного, – сказала она. – Вас сейчас примут.

Секретарша скрылась за дверью другой комнаты, обитой дерматином. Вскоре она возвратилась и вышла из приемной. Вернулась и снова пошла в кабинет начальника с папкой в руках. Выходя, она оставила дверь открытой.

– Заходите, – сказала она с нескрываемым сочувствием, – представьтесь по всем правилам.

За столом сидел солидный и красивый мужчина средних лет, в отутюженной военной форме с двумя ромбами на петлицах. Нетрудно догадаться, что это не Казанский. Я вытянулся и стал представляться. Но он неторопливо поднялся, вышел из-за стола и протянул мне руку, не дав закончить рапорт. Предложив мне садиться, начальник снова сел за стол. Перед ним лежали бумаги, одна из которых была мне знакома – мое письмо Казанскому.

– К сожалению, – проговорил он мягким, приятным голосом, – вас не может принять товарищ Казанский, он срочно уехал в Ленинград. Жалел, что не увидится с вами. Поручил мне, его заместителю, принять вас и от его имени переговорить. Вас это не очень огор-

чает? Начальник УВУЗ понимает вашу просьбу, – продолжал заместитель, перелистывая мое длинное письмо с какими-то пометками. – Но это считается нецелесообразным. Судя по письму, не приходится сомневаться, что вы успешно сдадите экзамены в академию. Да вас туда можно зачислить и без экзаменов. Но поймите, – это ничем не оправдано. Мы берем в академии и гражданскую молодежь, на некоторые факультеты. В кандидатах недостатка нет. Но какой смысл брать вас из артшколы и засаживать на пять лет за учебу? Через год вы артиллерийский командир. Стоит ли лишать армию молодого командира без серьезных на то оснований? Конечно же нет.

Товарищ Казанский высказал пожелание, чтобы вы по-прежнему продолжали учебу в артшколе и успешно закончили ее. Он будет следить за вашей учебой. По окончании школы начальник Управления приглашает вас заехать к нему представиться уже в роли артиллерийского командира; он обязательно хочет видеть вас через год. Надеюсь, вы меня поняли?

– Так точно, понял, – ответил я невесело, уяснив, что затея с академией рухнула.

– Ну вот и хорошо, договорились. Я так и доложу товарищу Казанскому, – заметил высокий собеседник. – Передайте привет и наилучшие пожелания от товарища Казанского и меня товарищу Гофе. Доложите ему о нашей беседе. Разрешаю вам пару дней провести в Москве: сходите в театр, кино или еще куда. А потом поедете. Где вы остановились?

– Пока нигде. Да устроюсь как-нибудь.

– Зачем же как-нибудь? Поезжайте в гостиницу Центрального дома РККА. Место для вас найдется, администратор получит указания, – заключил беседу начальник.

В приемной секретарша вручила мне билеты в два театра и проводила до лестницы.

В поезде я обдумал свой поступок задним числом и пожалел о нем. Меня мучила совесть: ведь, обращаясь с письмом непосредственно к начальнику УВУЗ, я грубо нарушил уставные требования, действуя через головы своих ближайших прямых начальников. Придется держать ответ, если дело получит огласку. Теплый же прием в Москве немного успокаивал. Я решил доложить о причинах вызова и содержании беседы только начальнику школы и комиссару, хотя по правилам субординации должен доложить непосредственному начальнику – командиру взвода.

Прямо с вокзала являюсь в кабинет начальника школы. Постучался и, не дождавшись ответа, резким движением открыл дверь и шагнул.

В ответ на стук А.И. Гофе шагнул мне навстречу, и мы столкнулись лбами. Я растерялся и дал задний ход, отступив за порог. Начальник школы возвратился в кабинет и позвал меня, успокаивая. Он уже знал о беседе со мной в Москве и как она возникла, поэтому мне не пришлось подробно докладывать.

Пока я ездил, в школе шли переводные экзамены, и я вынужден был пропустить несколько предметов. Как быть? Сдавать особо не хотелось, да и время было упущено. Начальник учебного отдела Любимов распорядился засчитать мне экзамены по средним показателям. Это меня вполне устраивало, поскольку средние годовые показатели были высокие. Таким образом, я был переведен на третий курс без экзаменов.

5

Третий год учебы был самым напряженным: завершалось освоение трехгодичной программы, проходили стажировки в частях на должностях среднего командного состава, проводились зачетные стрельбы боевым снарядами и тактические учения, шилось выпускное командирское обмундирование, готовились служебно-боевые характеристики на будущих командиров.

Школу часто поднимали по боевой тревоге и выводили на полигон. Поднимут часа в четыре утра и ведут на преждевременный завтрак. Кормят усиленно и рекомендуют съесть

несколько граммов соли; это, дескать, должно уменьшить жажду на марше в жаркий день: нужно только стойко вытерпеть первый ее приступ. Каждый имел флягу с водой для полоскания рта и смачивания пересохших губ, но не для питья, ибо вода в жару не утоляет жажду, а, наоборот, усиливает ее, человек исходит потом и быстро истощает силы. Преимущественно на рассвете мы шли походным порядком по городу, проходя коммунальный мост через Днепр в Дарницу. Путь долог, поэтому в центральном районе Киева устраивался малый привал, на котором курсанты сбивались в небольшие группы, курили, рассказывали анекдоты, обменивались шутками. Все это быстро восстанавливало силы и повышало настроение.

При проведении стрельб боевым снарядом своеобразно прививалась определенная ответственность за экономию народных средств. На выполнение упражнения выделялась строго обоснованная норма снарядов, рассчитанная на безошибочную подготовку исходных данных и умелую пристрелку цели. Стреляющий курсант получал боевую задачу пристреляться и перейти на поражение; скажем, уничтожить группу пехоты или подавить пулеметную точку. Указывалась на местности конкретная цель. Курсант, зная условия упражнения и руководствуясь курсом огневой подготовки, выступал в роли командира батареи: он должен был глазомерно подготовить исходные данные для стрельбы, подать команды на огневую позицию, одним орудием пристрелять цель по наблюдениям знаков разрывов и затем перейти на поражение взводом или батареей. Лишний, то есть необоснованно выпущенный, снаряд резко снижал общую оценку стрельбы, а сэкономленный, соответственно, повышал ее. Приучая нас к экономному расходованию снарядов, приводили такой довод: один, дескать, 122-мм снаряд равен стоимости колхозной коровы. Следовательно, напрасно выпущенный снаряд – это выброшенная на ветер колхозная корова.

Мне довелось стрелять именно 122-мм батареей и сэкономить не только корову, но и время на подготовку данных, что дало повод чувствовать себя в этот день чуть ли не героем, получив отличную оценку.

Как-то начальник школы объявил боевую тревогу не ночью, как обычно практиковалось, а во второй половине дня, под конец мертвого часа. Шинели висели на вешалке в коридоре, а хлястики от них были в прикроватных тумбочках спального помещения. Такой порядок возник стихийно и давно. Кто-то потерял хлястик и встал в строй без него, нарушив форму одежды, за что получил дисциплинарное взыскание. Тогда он украдкой снял хлястик у соседа и прицепил на свою шинель. Пошла цепная реакция: курсанты снимали хлястики один у другого. Чтобы не иметь неприятности, мы, вешая шинели на вешалку, сами снимали хлястики и уносили в прикроватные тумбочки. Поднятые по тревоге, большинство курсантов второпях забыли захватить хлястики и встали в строй без них. Начальник школы наблюдал прохождение батарей, стоя у проходных ворот, и обратил внимание на отсутствие хлястиков на наших шинелях. Мы тут же были возвращены в казарму. Начальник школы не стал, вопреки ожиданию, ни распекать, ни агитировать за порядок: он распорядился сшить несколько десятков запасных хлястиков и держать их у дежурных по подразделениям в специальных ящиках; их можно было брать любому и в любое время. Это было простое и мудрое до гениальности решение – хлястики больше не пропадали и не было нужды снимать их с шинелей; из ящиков не был взят ни один хлястик, так как все хлястики оказались налицо. Неприятное явление исчезло само по себе.

Говоря о тогдашней военной школе, нельзя обойти и так называемый женский вопрос. Да, именно женский вопрос. А он имел в жизни курсантов немаловажное значение. Можно выразиться так: если хочешь заставить молодого мужчину по-настоящему уважать женщину, лиши его на какое-то время возможности общения с ней. И это так.

В школе нам не часто случалось встречаться с женщинами и редко пользоваться их обществом в свободной обстановке. Поэтому многие из нас смотрели на девушку или на молодую женщину как на какое-то высшее, почти недоступное существо, чувствовали

неловкость и смущение в их присутствии, не находили, что сказать, и нередко, как бывает в таких случаях, говорили не то, что следовало, иногда даже глупость. Как упоминалось выше, первые месяцы нас вообще не пускали в городской отпуск, а когда увольнение было разрешено, то отпускали по выходным дням на короткое время лишь небольшой процент желающих. Не все могли в незнакомом городе завести знакомство с девушкой, а тем более сдружиться: это удавалось лишь немногим из наиболее расторопных и умелых в таком тонком деле. В самой же школе женщины работали, конечно, в библиотеке и магазине, официантками в столовой. По сравнению с курсантской массой это были единицы. Да и те преимущественно замужние или в возрасте, курсанты для них интереса не представляли. Молодые девушки из официанток предпочитали сдружиться с курсантами выпускного курса, завтрашними командирами, и выйти за них замуж после выпуска; для этого они и устраивались в школу официантками на короткое время. Заведующий столовой пожилой старшина Поволоцкий с каждым выпуском впадал в отчаяние: почти все молодые официантки выскакивали замуж и уезжали; приходилось спешно набирать новых.

Чтобы дать нам возможность хоть изредка общаться с девушками в здоровой обстановке, время от времени в клубе школы устраивались вечера с танцами. На эти вечера курсантам разрешалось приглашать знакомых девушек; им выдавались пропуска для входа на территорию школы, если встречал у проходной пригласивший. В такие дни можно было наблюдать у ворот большую очередь киевских красавиц. И все же имел подругу далеко не каждый. Иногда наблюдались и драматические случаи: находились молодые сердцееды из выпускников, обещавшие своей подруге жениться, а когда приходило время сдержать слово, старались улизнуть; на перроне вокзала после отхода поезда порой виднелась плачущая одинокая красотка с поясным ремнем в руках, за который она ухватилась, когда неверный жених вскакивал на подножку уходящего вагона, расстегнув ремень, чтобы освободиться от цепких рук. Эти, хотя и редкие случаи подрывали доверие требовательных красавиц к курсантам, затрудняя знакомства и дружбу. Это еще больше разжигало тягу к молодым особам женского пола.

Я не завел подругу в Киеве. У меня была невеста в Казахстане, где я раньше учился в техникуме. Мы договорились пожениться, когда я окончу военную школу. Связь наша поддерживалась и укреплялась частой перепиской. В середине второго года моей учебы, когда невеста уже стала учительницей сельской школы, она приехала за три тысячи километров в Киев, чтобы увидеться со мной; остановилась в гостинице и сообщила мне телеграммой о своем приезде и что ждет меня. Было начало учебной недели, и командир взвода Садовой категорически отказал мне в городском отпуске хотя бы на пару часов и не разрешил обращаться по команде к старшим начальникам по такому маловажному вопросу. Невеста ждала три дня и уехала ни с чем, посчитав, что я избегаю встречи с ней. Вскоре она вышла замуж за местного агронома, не ответив ни на одно из моих оправдательных посланий.

В одно из увольнений мне выпал случай познакомиться с интересной молоденькой блондинкой – Тамарой Гончаровой. В первой же беседе она сказала, что никогда не выйдет замуж за военного. Ее старшая сестра допустила такой необдуманный, по словам Тамары, шаг и теперь вынуждена мучиться всю жизнь. Муж ее, командир батальона, все время занят на службе, приходит домой поздно и не каждый день, уставший, мятый, в грязных сапогах, и чуть свет уходит. Супруги редко бывают вместе, не могут по-людски сходить в театр или кино. Дети почти не видят отца. Поэтому живут недружно, скандалят и ревнуют друг друга. Моя новая знакомая такими словами глубоко меня обидела, дав понять, что наше знакомство ничего хорошего обещать не может. Больше попыток познакомиться с киевлянками я не предпринимал, надеясь уладить размолвку со своей далекой невестой; о ее замужестве я узнал позже...

Наступил долгожданный день выпуска в первых числах ноября 1936 года. Остались позади три года напряженной курсантской учебы и солдатской службы, выпускные государственные экзамены, стажировки и зачетные боевые стрельбы; написаны и утверждены служебно-боевые характеристики. Нам пошили новое командирское обмундирование, выдали скрипучее ременное снаряжение, хромовые сапоги со шпорами. Полученные командирские фуражки массового пошива нам не нравились, и многие из нас заказали красивые фуражки у частника, заплатив втридорога. Начальник школы Бесчастнов, сменивший на этом посту Гофе, уже съездил в Москву с проектом приказа наркома обороны о присвоении нам лейтенантских званий и назначении на должности в войска.

Вспоминая о выпускных экзаменах, прошедших в общем-то с большим подъемом и вполне успешно, нельзя обойти молчанием один юмористический казус. Знание русского языка проверялось так. Чтобы сохранить в тайне текст диктанта, его решили устроить одновременно для всех военных школ Киева; текст диктанта был утвержден единый. Это был отрывок тургеневского рассказа «Муму». Усадив экзаменуемых всех школ за столы, диктовали по радиотрансляционной городской сети. Слышимость была нечеткой, и некоторые слова точно уловить удавалось с трудом. Многие курсанты, не расслышав как следует ту или иную фразу, изрядно напутали. К примеру, фразу «А Герасим греб да греб» одни написали «А Герасим прет да прет», другие – «...врет да врет» и т. п. Вскоре после этого экзамена в окружной газете появился фельетон под названием «А Герасим прет да прет». С саркастическим юмором высмеивались устроители такой формы диктанта. Фельетон огорчил руководителей экзаменов, а нас хорошо развеселил и позабавил. Автор фельетона остался неизвестным.

Значение персонального воинского звания я уяснил раньше из одного показательного случая. Примерно за год до нашего выпуска в Красной армии были введены воинские звания. Их присваивали приказом наркома обороны каждому командиру. Это было сделано и с постоянным составом нашей школы. В просторном коридоре выстроили весь начальствующий состав школы и два старших курса; строй замер в гнетущей тишине по команде «смирно». Зачитывался приказ наркома обороны К.Е. Ворошилова о присвоении персонального звания каждому нашему командиру и преподавателю. Люди ждали упоминания своей фамилии с душевным трепетом, ибо имели место неожиданные, труднообъяснимые случаи. Большинству присваивались звания, примерно равные тем служебным категориям, которые они имели. Например, носил три шпалы – получал звание полковника, две – майора, одну – капитана и т. д. Некоторых же вдруг ошарашивали как обухом по голове; вместо двух или трех шпал оставляли одну или вместо шпал – кубики. Таким образом кое-кто из старшего командного состава переводился в средний. Называлась из приказа фамилия и присвоенное звание, человек выходил из строя строевым шагом, и ему вручались знаки различия – шпалы или кубики по количеству, соответствовавшему присвоенному званию. И вот упоминается фамилия одного из командиров, две шпалы, и называется присвоенное звание – «старший лейтенант», тот теряет сознание и с грохотом падает на паркетный пол. Его уносят в медпункт, и церемония продолжается. Оказывается, получившие пониженное звание стыдились своих сослуживцев, знакомых, жен, детей и других родственников; глубоко переживали такое тяжелое потрясение. Нужна была железная воля, чтобы не выказать убийственного горя. Лишь со временем, на опыте долголетней службы, я понял причину таких глубоких потрясений и значение в армии воинских званий, по которым подчиненные судят о способностях, опыте, уме и заслугах лица, имеющего звание выше того, которое носят сами, хотя нередко это не так. Однако вернемся к нашему выпуску.

Одетых в новенькую командирскую форму, скрипящих пахнущим приятно снаряжением и звенящих шпорами, нас построили и повели в специально для этого случая подготовленную курсантскую столовую. Столы были поставлены вплоты длинными рядами,

накрыты белоснежными скатертями, уставлены красивой посудой, бутылками и холодными закусками.

Коньяки, водка, вина, с вытянутыми наполовину пробками из бутылок, икра, ветчина и другие вкусные снадобья ожидали своих счастливых потребителей. Мы заняли свои места за столами, но не садились, а стоя ожидали церемонии, пощупывая в карманах заветные лейтенантские кубики по два на каждую петлицу; в них заранее приготовлены дырочки для кубиков. Остается лишь укрепить эти кубики на петлицах – и мы лейтенанты красной артиллерии. Стоим в приподнятом настроении и в торжественном ожидании момента посвящения нас в командиры. Здесь же наши начальники и преподаватели военных дисциплин. Молчание. Стоим. Ждем. С не совсем ясной обидой я обдумываю свою служебно-боевую характеристику. В целом она отличная, но в бочку меда влита ложка дегтя: командир взвода не преминул указать, а старшие инстанции утвердили, что я «болезненно самолюбив». Эта фраза, следует заметить, забегаю вперед, фигурировала в моем личном деле почти все сорок лет службы: ее просто переписывали из одной аттестации в другую, не отдавая отчета, положительно или отрицательно она меня характеризует. И все же записывалась она в аттестации как явление в моем характере отрицательное. А я считал самолюбие чертой положительной, неотделимой от воли человека.

Широкая дверь в столовую распахнута настежь. В проеме показалась группа ожидаемых руководителей партии и правительства Украины и военного округа. Впереди С.В. Косиор и И.Э. Якир. В дверях возникла небольшая, но многозначительная заминка: командующий войсками Украины и Крыма Якир старается пропустить вперед первого секретаря компартии Украины Косиора, но тот отступает в сторону и вежливо подталкивает вперед Якира. Но Якир упорствует, и заминка кончается тем, что Косиор проходит первым; идя между рядами собравшихся, он приветственно пожимает свои руки, как бы имитируя рукопожатие с нами. За ним следует Якир и затем все остальные. Косиор маленького роста, с бритой круглой головой, подвижный и веселый. Среди идущих вслед за Косиором и Якиром – начальник и комиссар школы. Мы кричим «ура!» и аплодируем. Они тоже аплодируют. Высокие гости зашли за длинный стол, поставленный торцом к залу. Зачитывается приказ о выпуске молодых артиллерийских командиров и присвоении нам лейтенантских званий. Выслушав, быстро вдеваем кубики в петлицы и становимся лейтенантами. Председательствует Якир. Начинаются короткие поздравления и напутственные речи. Последним стал говорить Косиор. Но ввиду маленького роста его плохо видно из-за стола, заставленного вазами с цветами и фруктами, бутылками и яствами. Якир, зайдя сзади, берет Косиора под мышки, легко поднимает и ставит на стул. Косиор сопротивляется, но в конце концов остается стоять на стуле. Мы аплодируем в знак одобрения жеста командующего. Косиор говорит ясно и четко. В который раз уже нам внушают, что учеба в военной школе – это только основа нужных командиру знаний и первые его шаги в службе Родине, а настоящая учеба и работа будут в войсках. Много было высказано теплых слов в наш адрес и добрых пожеланий и напутствий. Официальную часть вечера закрыл Якир, сообщив, что правительство Украины дает нам торжественный ужин. В зале появляются официанты из киевских ресторанов. Начинается пир: тосты, звон бокалов, хлопки вылетающих из бутылок шампанского пробок. Мы вначале ведем себя сдержанно, стеснительно, затем смеем все больше и больше. Шум говора усиливается, переходя в непрерывное гудение слившихся воедино сотен молодых голосов. Между официальными тостами – разговоры, взаимные поздравления, пожелания, уверения в вечной дружбе. Последний тост провозглашает Косиор. Он не ссылается ни на занятость, ни на усталость, а говорит как-то по-дружески, доверительным тоном:

– Как бы ни хорошо с вами, дорогие товарищи, но мы должны вас покинуть; пора и честь знать. Наше присутствие вас связывает. Вам надо побыть одним, в своем дружном коллективе, без постороннего глаза. В своей курсантской семье вы сегодня проводите послед-

ний день. Завтра разъедетесь в разные концы нашей необъятной Родины, и кто знает, когда еще и кому из вас придется свидеться и в какой обстановке. Продолжайте веселиться в своем кругу. Не будем вам мешать.

Высокие гости фотографируются с нами по группам, прощаются и уходят. Мы допиваем и доедаем все, что оставалось, и переходим в зрительный зал на следующий этаж. Там толпятся в ожидании танцев приглашенные некоторыми выпускниками киевские красавицы. Начался поистине молодежный бал. Стали расходиться только к утру. Вновь испеченные лейтенанты разбрелись по городу; кто провожал знакомую девушку, а кто просто бродил бесцельно, прощаясь с городом, в котором проведены три больших года. Благо дело, теперь не требовались ни разрешения на выход в город, ни увольнительные записки. Дежурный по школе организовал сбор по городу нескольких перебравших спиртного и не в меру веселившихся питомцев школы: по улицам на машинах сновали патрули, разыскивали нарядных лейтенантов и увозили их в школу, предлагая отоспаться.

Нам предоставили месячный отпуск, выдали двухмесячный оклад денежного содержания по должности командира взвода, документы для бесплатного проезда по железной дороге к месту проведения отпуска и, затем, в часть назначения на службу.

У меня был хороший друг Николай Павлович Голуб, мой однокурсник и товарищ по литературному объединению; он обладал завидным талантом литературного критика и необыкновенными способностями. Мы решили попроситься послать нас для прохождения службы в одну часть. Обращаемся к начальнику школы с рапортом об изменении приказа, которым я был назначен в Новороссийск, а Голуб на Дальний Восток. Мы изъявляли готовность ехать вместе в любое место. Но получили отказ, мотивированный тем, что надо было сказать об этом раньше. Пришлось разлучиться с горечью и грустью.

Моя дорога в Магнитогорск к родителям, где я решил проводить отпуск, лежала через Москву. Вспомнил начальника УВУЗ РККА Казанского и его желание видеть меня после окончания школы с рапортом в новом качестве. Приехал в Москву и позвонил в Наркомат обороны. Мне сказали, что товарища Казанского перевели на другую должность и его в Москве нет. Окольными путями узнал, что он назначен военным атташе, кажется во Францию. Встретиться с ним мне было не суждено ни в те памятные времена, ни в последующем.

Глава 3

В артиллерийском полку

1

После первого командирского отпуска, проведенного у родителей в Магнитогорске, в декабре 1936 года я прибыл к месту службы в Новороссийск. Предписание гласило, что я назначен командиром взвода в 22-й артиллерийский полк 22-й стрелковой дивизии. Но такого полка в Новороссийске не оказалось. Дело в том, что за время, прошедшее от подписи приказа до прибытия в пункт назначения, произошли важные события: 22-я дивизия, штаб которой дислоцировался в Краснодаре, была отправлена на Дальний Восток. Вместо нее в тех же пунктах дислокации частей сформирована 74-я дивизия. Поэтому я и оказался во вновь сформированном 74-м артполку.

Временно исполнял обязанности командира полка чуткий и умный начальник штаба майор Малышев. Он с нескрываемым огорчением сообщил, что определяться на квартиру я должен сам, подыскав частную, как поступают все молодые командиры. Несемейных, дескать, командиров гарнизон жильем не обеспечивает.

Полк был территориальный, существовавший по сокращенному штатному расписанию: до штата военного времени он развертывался за счет призыва приписного состава из местных военнообязанных граждан, необходимое имущество поставлялось из народного хозяйства, а оружие и военное снаряжение хранились на складах НЗ. Командиры основных подразделений были кадровые. Имелась материальная часть артиллерии, определенная часть конского состава. Солдат и младших командиров в линейных подразделениях не было. Для обучения и слаживания подразделений личный состав запаса привлекался на учебные сборы два раза в году: зимой и летом. Причем летние сборы проводились, кажется, двухмесячные. В этот период проходили учебные и тактико-строевые занятия и тактические учения, оканчивающиеся боевыми артиллерийскими стрельбами. В междусборовое время мы были заняты командирской учебой, как в учебном заведении. Материально наши занятия обеспечивала батарея обслуживания, имевшая кадровый личный состав, материальную часть артиллерии, приборы, стрелковое оружие, лошадей и т. п. В основном приходилось заниматься в классах под руководством командиров батареи и дивизиона. Больше всего занимались артстрелковой подготовкой, огневой службой, марксистско-ленинской учебой по 8 часов в день и ходили начальниками караула и дежурными по полку.

С первых дней я увидел, что не получил того, что ожидал: взвода у меня не было и совершенствовать командирские навыки можно было только во время учебных сборов.

Вскоре, в связи с введением в батарею четвертого орудия, в ней было создано два огневых взвода, составлявших полубатарею. И я стал командиром полубатареи.

В первое время нам, выпускникам артшколы, по артстрелковой подготовке трудно было соревноваться с более опытными командирами, вышедшими из одногодичников — людей, призванных на военную службу из числа имеющих среднее и высшее образование. Рядовыми они служили один год, и если оставались в армии, то становились командирами взводов, получали воинские звания и далее проходили службу наравне со всеми. В артстрелковом деле они, как правило, были виртуозами. Теоретически по военным предметам, да и не только по военным, они были значительно слабее нас. Но в практической службе, в навыках стрельбы, в конной подготовке мы им намного уступали. Эти командиры были старше нас по возрасту и опытнее во всех отношениях. Нам пришлось многому у них учиться и перени-

мать сложившиеся в командирской среде традиции. Большинство из них было подлинными мастерами артиллерийского дела. Подтверждением этому может служить, к примеру, выходец из одногодичников лейтенант Г. Полуместный. Выскочит он, скажем, при перемещении батареи, на высотку верхом на коне, бросит взгляд в сторону огневой позиции и на еле заметную впереди цель — и исходные данные для открытия огня готовы. Он это делал, не пользуясь ни картой, ни компасом, ни биноклем; буквально с ходу подавал команды и вел пристрелку цели по наблюдениям знаков разрывов с невероятной точностью. Нам, молодым командирам, это чудо казалось чуть ли не каким-то колдовством. Со временем секрет был разгадан. Оказывается, по четкости тех или иных деталей местных предметов он безошибочно глазомерно определял расстояние до цели и огневой позиции, углы измерял по насечке делений угломера на нижнем срезе козырька фуражки, незаметной постороннему глазу; насечка ему заменяла бинокль. Вычисление исходных данных для стрельбы такой виртуоз производил устно с помощью выработанных практикой мнемонических правил. Одногодичники вначале превосходили нас и в вопросах полной подготовки данных, где использовались топокарты, планшеты, специальные масштабные линейки, циркули-измерители, брысовские целлулоидные артиллерийские круги и таблицы логарифмов. Все это у нас, молодых командиров, вызывало досаду и зависть. Но через три-четыре месяца командирской учебы многие из нас не только сравнялись с виртуозами, но и превзошли их.

2

В период летних учебных сборов развернутый до полного штата полк выходил для проведения тактических учений и боевых артиллерийских стрельб в Саратовский лагерь (под Краснодаром), где был и артиллерийский полигон. На сборах я становился командиром полнокровной батареи, получал в подчинение и под ответственность около двухсот красноармейцев, конский состав в качестве орудийной тяги, четыре орудия и другое. Надо было обучать призванный на сборы личный состав, командовать на занятиях и учениях. Дорвавшись до настоящего живого подразделения, я старался показать, что не напрасно три года учился в военной школе. Иногда случались и неприятности, вызванные моим чрезмерным командирским рвением. Выведу, например, огневые взводы в поле и давай отрабатывать чуть ли не цирковые трюки. Быстроту и четкость действий орудийных расчетов и упряжек я считал главным в боевой подготовке. Ради этого я иногда пренебрегал техникой безопасности, не боясь ответственности за возможное ЧП. Несясь карьером впереди полубатареи на своем гнедом красавце с красными флажками в руке, вдруг бросаю флажки в точки, куда должны стать орудия, и взмахом флажка подаю команду занять огневую позицию. Взводы на полной скорости развертываются, и, когда орудие наезжает на флажок, цепко расположившийся на лафете красноармеец поддевает специальным ломиком под шкворневую лапу, рычагом сбрасывает орудие с передка и слетает вместе с ним. Упряжка далее уже без орудия, с одним передком, не сбавляя скорости, уносится в укрытие. Орудие приводится к бою моментально, намного перекрывая нормативы. Этот трюк не был предусмотрен руководством и инструкцией и таил в себе возможность несчастного случая. Но я на свой страх и риск упорно применял этот и другие подобные методы обучения. Мне делали замечания, упреки и внушения, особенно командир дивизиона подполковник И. Булев, но я продолжал свое, терпеливо перенося неприятности. К удивлению, прямые начальники прямо не запрещали мне проявлять инициативу и не прибегали к дисциплинарным взысканиям. Это я принимал за негласное поощрение и продолжал свою линию.

Однажды на полковом учении с боевой стрельбой я должен был провести зачетную стрельбу 122-мм гаубичной батареей (4 орудия) шрапнелью по движущейся цели. Руководил стрельбой и принимал зачет начальник артиллерии 9-го стрелкового корпуса комбриг П.Н.

Афросимов. Это был известный и авторитетный артиллерист, неизменно ходивший с бритой головой и носивший красивую клинообразную черную бороду. Высокий и худощавый, с образцовой выправкой и всегда серьезный и официальный. В полку он бывал редко, и до этого момента я его видел только один раз, да и то со стороны. Его мы знали как строгого, требовательного, но справедливого начальника, побаивались и в его присутствии старались показать себя с наилучшей стороны.

Узнав, что этот высокопоставленный артиллерист будет лично принимать у меня стрельбу, да еще шрапнелью, – это упражнение считалось наиболее сложным, я волновался, ожидая руководителя стрельбы на своем НП. И вот он, в сопровождении командира полка и командира дивизиона – моих ближайших прямых начальников, появляется на автомобиле, идет по ходу сообщения в траншею на высоте. Я его встретил и доложил о готовности к выполнению боевой задачи. Он поставил задачу по карте и включил секундомер. Стрелять я должен был на основе полной подготовки исходных данных. На этом я сэкономил время, что давало лишних 10 баллов. Оставалось сэкономить один снаряд – и отличная оценка обеспечена. Но дело сложилось по-иному.

Сделав несколько пристрелочных выстрелов одним орудием, наблюдая в бинокль места разрывов по отношению положения цели, – наступающая пехота – по тени от облака разрыва и пыли, поднимаемой при ударе шрапнельных пуль о землю, подаю команду для сострелки веера: по одному снаряду из каждого орудия (четыре снаряда, десять секунд выстрел) – и впился глазами через бинокль в район цели, стараясь мгновенно зафиксировать в уме каждый воздушный разрыв, измерив расстояние их от цели и отклонение по горизонту и высоте и взаимное расположение разрывов между собой. И вот все четыре разрыва вспыхнули на равных интервалах; даже не потребовалось корректировать веер. Можно было переходить на поражение. Мысленно я поблагодарил старшего на огневой позиции. И вдруг... несчастье! Раздался пятый выстрел. Онемев от неприятной неожиданности, я все же нашел в себе силы проследить за разрывом: высоко над целью блеснул огонек и поплыло по ветру белое облачко. И тут я не выдержал и сорвался: напряженные и без того нервы дали осечку. Контроль над поступками был утрачен.

– Коня! – заорал я, забыв о присутствии комбрига и других моих начальников. Не спросив разрешения и самовольно прервав стрельбу, я вскочил на коня и галопом помчался на огневую позицию, находившуюся в 4 километрах позади НП. Это было непростительно дерзкий поступок с моей стороны, но я об этом не думал. Я был крайне возмущен старшим на огневой позиции лейтенантом Полуминским. У меня и накануне стрельбы была к нему серьезная претензия, а тут еще этот безобразный поступок с лишним выстрелом! Это фактически сводило на нет мою зачетную боевую стрельбу, да еще в присутствии высокого начальства. Мое возмущение кипело, и я был готов избить Полуминского. На ходу соскакиваю с коня и набрасываюсь на и без того очумевшего лейтенанта:

– Что вы, Полуминский, наделали?! Это диверсия! Вы нарочито подвели не только меня! Опозорили всю батарею, дивизион, полк!.. – Я задохнулся от ярости.

Лейтенант Полуминский, маленький и жалкий, со сбившейся набок пилоткой на лысой голове, с повисшими на одном ухе круглыми очками, весь потный и бледный, побелевшими губами, заикаясь, еле слышно пробормотал:

– Виноват... простите, товарищ лейтенант!.. Выстрелы мы считали по стреляным гильзам. Гильза от правого орудия залетела в траву, и я ее не заметил. И мы второпях, на всякий случай, дали еще один... А он оказался пятым...

Мне вдруг стало жаль этого несчастного приписника. Ничего больше не сказав, я быстро вернулся на НП.

Комбриг Афросимов, как будто ничего не случилось, приказал:

– Подайте следующую команду, лейтенант! Перерыв в стрельбе не будем принимать во внимание.

Я подал команду на поражение: батарея должна была сделать четыре беглых выстрела из каждого орудия. Но руководитель остановил стрельбу и подвел итог. Я, конечно, ожидал неудовлетворительную оценку, поскольку подготовка огневых взводов лежала на моей ответственности, и строгое дисциплинарное взыскание за недопустимый поступок. Но комбриг, видимо успевший обсудить создавшееся положение с моими ближайшими начальниками, особенно с тогдашним командиром полка, душевным на редкость полковником Граматовичем, спокойно спросил:

– Как вы поступили со старшим на батарее? Небось дали волю кулакам или обматерили в присутствии подчиненных?!

– Какой с него спрос, товарищ комбриг? Дело сделано, и его уже ничем не поправишь, – ответил я с непроходимой тоской в голосе.

Руководитель стрельбы улыбнулся, переглянулся с командиром полка и объявил оценку – «отлично».

– А огневыми взводами занимайтесь как следует! – сказал он и, попрощавшись, уехал.

Такое чуткое и гуманное обращение меня совершенно обезоружило, и я не стал наказывать лейтенанта Полуминского. Пришлось простить ему и вчерашнюю оплошность.

Вечером накануне стрельбы я рано лег отдыхать, чтобы отоспаться перед сложной и ответственной стрельбой. Полуминскому приказал получить на гарнизонном складе по наряду 24 шрапнельных выстрела. Получив боеприпасы, он зашел ко мне в палатку и доложил о выполнении поручения. Я на всякий случай спросил его, как выглядят снаряды.

– Снаряды как снаряды, – пояснил лейтенант, – с острыми длинными взрывателями.

– Так это же гранаты, а нужны шрапнели! – забеспокоился я и вскочил с постели. – Ведь в наряде было указано, какие выстрелы должен был выдать склад!

Полуминский невразумительно ответил, что в помещении склада было темно и, наверное, кладовщик не смог толком разобраться.

Пришлось среди ночи обращаться к дежурному по караулам и просить его вызвать начальника склада, приказать ему вскрыть хранилище и заменить снаряды.

Инженер цементного завода Полуминский, лет на десять старше меня, был призван из запаса на учебный сбор. Достаточных навыков артиллериста не имел и обе ошибки допустил незаметно.

Так легко отделавшись за свой безобразный и недопустимый поступок во время зачетной стрельбы, я все же сделал для себя серьезный вывод и будто повзрослев, стал более вдумчив в своих действиях и с еще большим рвением продолжал службу. Все шло хорошо, но недолго. Нагрянувшие вскоре неожиданные драматические события отодвинули деловую сторону службы на задний план, затмили в памяти все лучшее, наводнив душу острыми переживаниями.

3

Как-то собрали весь командный состав в полковом клубе на экстренное и неплановое собрание. Комиссар полка старший батальонный комиссар Толмачев сделал сообщение об аресте и осуждении специальным трибуналом под председательством С.М. Буденного группы известных военачальников, среди которых оказались и такие видные герои Гражданской войны, как Якир, Уборевич и др. Они обвинены в измене Родине и объявлялись врагами народа. Их присудили к расстрелу. Это было неожиданным и потрясающим известием. Совершенно неожиданно в нашу мирную трудовую жизнь врзались события, последствия которых трудно было представить. Нельзя было не подумать о том, что в стране раскрыт

далеко зашедший военный заговор, возглавляемый высокопоставленными деятелями Красной армии. К нему причастны многие командующие военными округами. Это говорило о широком размахе подготавливаемого мятежа, направленного на свержение советской власти и восстановление капитализма в нашей стране. Вызывало тревогу и то, что отзвуки этого заговора не проникли в нашу среду. А это означало, что заговорщики готовили переворот тщательно, сумев до последнего момента сохранить организацию и коварные замыслы в глубокой тайне. В таком случае заговорщики могли быть и среди нас, строго замаскированными. Доверие к старшим начальникам стремительно рушилось. Появилось и стремительно разрасталось взаимное недоверие между близкими товарищами и друзьями. Поэтому мы уклонялись от откровенного обсуждения случившегося. Наряду с этим, как это бывает в подобных случаях, появились люди, громогласно осуждавшие врагов народа, с пеной у рта доказывая свою преданность партии и народу, хотя их об этом никто не спрашивал.

И все же, уединяясь по два-три человека, некоторые из нас тайно, как истинные заговорщики, делились тревогой и недоумением. Как могло случиться, мусолился вопрос, что люди, не щадившие ни крови, ни самой жизни в борьбе за завоевание и защиту от врагов советской власти и идей ленинизма, встали на путь измены?

В это же время был восстановлен ранее отмененный институт военных комиссаров, что прозрачно показывало необходимость в усилении контроля над строевым командным составом, вызванного появившимся недоверием к нему, как некогда к перешедшим на сторону советской власти офицерам царской армии – военспецам.

Начались аресты в полках и в штабе дивизии; они проводились втихую, по ночам. Первым был арестован командир дивизии комдив Кильвейн.

Собрали весь командный состав дивизии на стадионе в Абинском учебном лагере и зачитали обращение ко всем военнослужащим Красной армии. Обращение, как помнится, было за двумя подписями: Ворошилова и Ежова. В нем говорилось, что в армии существует контрреволюционный заговор. Многие причастные к нему разоблачены славными чекистами и арестованы. Но есть еще и оставшиеся на свободе. Некоторые из них, дескать, осознав свое заблуждение, являются в органы с повинной. Указывалось, что в отношении тех, кто явится добровольно с повинной и сознается в принадлежности к врагам народа, может быть поставлен вопрос об оставлении их даже в армии. Тех же, кто не откликнется на гуманный призыв, ждет суровая революционная кара. Это обращение означало, что кто-то подозревает и в нашей среде наличие врагов народа, что вызвало еще большее смятение умов. Мы молча разошлись поздно вечером по частям, не решаясь заговорить друг с другом. Я и старший лейтенант Ткачев, командир одной из батарей не моего дивизиона, пошли вместе. Остаться наедине самим с собой не хотелось, да и настроение ко сну не располагало. Сели на скамье в парке возле штаба дивизии. Мы с Ткачевым не были близкими друзьями, но доверяли друг другу. Сам по себе возник разговор о создавшейся ситуации. Верить не хотелось, но и не верить было невозможно. Ткачев спросил меня:

– А ты заметил какие-либо признаки того, что у нас в полку есть враги народа? Ведь если они есть, то должны же кое-кого из нас тоже втягивать в эту авантюру: вербовать, скажем, агитировать...

Я ответил отрицательно, сказав, что ко мне по этим вопросам никто ни прямо, ни косвенно не обращался.

Мы долго беседовали и разошлись по палаткам и легли спать поздней ночью. Утром (это было воскресенье) я спал долго. Часов в девять, когда уже высоко поднялось и жарко светило солнце, меня разбудила приехавшая в лагерь навестить мужа элегантная красавица жена Ткачева Алла. Она вошла в мою палатку и с растерянным волнением набросилась с вопросами:

– Где мой муж? Что с ним случилось? В его палатке невообразимый беспорядок. Что это может значить? Ты, говорят, вчера вечером был с ним вместе. Где он теперь?..

Я быстро оделся, и мы вошли в палатку Ткачева. Бросился в глаза полный разгром: личные вещи и книги разбросаны на полу, чемодан разорван и валялся прямо под ногами у входа. Любимой ткачевской собаки-овчарки не было.

– Ничего не понимаю, – сказал я растерянно. – А ты не спрашивала о Ткачеве у дежурного по полку? Он не может не знать, если что случилось ночью.

– Спрашивала, – отвечает сквозь слезы. – Он мнется и ничего толком не говорит. Что-то скрывает...

Мы пошли в штаб полка; она осталась у здания, а я зашел к дежурному.

– Что тебе известно о Ткачеве? Где он? Его ищет жена и волнуется.

– Я ничего не могу сказать, – отвечает дежурный лейтенант Чевола. – Если тебе так нужно знать, спроси у начштаба. Он у себя в кабинете.

Начальник штаба полка майор Малышев, рано прибывший в штаб несмотря на воскресный день, выслушал меня и, не поднимая опущенной головы, сказал:

– Ткачев сегодня ночью арестован. Больше ничего не знаю. Он помолчал и как бы неохотно спросил:

– Ты, говорят, был с ним вместе вчера вечером. Говорил ли он что-либо такое... изменническое?

– Абсолютно ничего, – отвечаю нервно. – И на врага народа он не похож. Вы лучше меня это знаете.

– Если бы знал... – задумчиво молвил майор и разрешил мне идти.

Узнав то, о чем не могла не догадываться и без моего сообщения о постигшей мужа участи, Алла Ткачева поплакала несколько минут и затем спросила, вытирая слезы розовым платочком: где она должна теперь искать мужа. Я ничего не ответил, и она уехала в город.

Кажется, в 1943 году я случайно встретил Ткачева, тогда уже полковника, в 33-й армии Западного фронта. Он тогда командовал 1-м полком в 1-й артиллерийско-противотанковой истребительной бригаде и исполнял обязанности командира бригады. Это было в тяжелых боях где-то под Витебском.

4

В этой туманящей сознание и раздирающей душу обстановке 1937 года от всего командного состава потребовали сдать личное оружие, которое мы носили при себе всегда. Наганы с того момента выдавались только при заступлении на дежурство, при смене с дежурства или с караула они сразу же сдавались на склад.

Этот беспрецедентный акт я воспринял болезненно и с недоверием. Я истолковал его как разоружение личного состава Красной армии. Для чего? – спрашивал я себя. Неужели руководство страной или высшее командование не стало доверять армии? Или же это делают те же враги народа под благовидным предлогом, чтобы легче было свергнуть советскую власть?

«Не сдам пистолет, что бы со мной ни случилось!» И это мое решение было непоколебимым. Тогда уже командовал полком вместо Граматовича, назначенного с повышением, полковник Струнин, грубый и суровый начальник, живший с женой, как говорили, дочерью попа, и огромной собакой, с которой полковница не расставалась. С командным составом полковник общался редко, только официально, и относился к подчиненным высокомерно. Как мне пришлось убедиться впоследствии за многолетнюю службу, такие люди неумны и уважением не пользуются. Видимо, поэтому Струнина в полку не любили, но побаивались.

Однажды в лагере пришел он в полк перед началом занятий и на расстоянии метров в двести увидел меня. Вспомнив о не сданном мной пистолете, Струнин заревел угрожающим тоном:

– Лейтенант Толконюк, ко мне!

Я пошел к нему, не ускоряя шага.

– Бегом, ко мне!.. – продолжал грозный начальник окрики.

Не стерпев хамства, я замедлил шаг. Заело самолюбие. Выведа нетерпеливого полковника из берегов самообладания, я наконец подошел к нему. Мы зашли в его кабинет. И тут он дал волю своему возмущению:

– Почему не сдали пистолет? В Соловки захотели? Десять лет получить набиваетесь?! Положите на стол пистолет! Я приказываю!..

– Не могу выполнить такого приказания. Не имею права. Пока я командир Красной армии и ношу военную форму, обезоружить себя не позволю никому, – заявил я, стараясь не терять самообладания.

– Вы что, хотите быть умнее всех? – продолжал распекать меня грозный командир. – Только вы один до сих пор не выполнили приказа. Я не потерплю у себя в полку такого безобразия! На Соловки упеку!

Я почти ничего не знал об этих злополучных Соловках. Тем не менее чаша моего терпения переполнилась и горькая обида полилась через край. Потеряв контроль над собой, не отдавая отчета своим поступкам и не думая о возможных последствиях, я в горячности отпарировал:

– Мне лучше десять лет отмучиться на обещанных вами Соловках, чем продолжать службу в вашем задрипанном полку. Я не преступник!

Более подходящего слова, чем «задрипанный», у меня не нашлось. Наступило тягостное молчание. И вдруг полковник прервал его неожиданно спокойным голосом:

– Наверное, у вас пистолет давно не чищен. Заржавел. Дайте я проверю и тут же верну вам, если он ухожен. Потом поступайте как знаете. Я не намерен нести ответственность за таких вот... как вы.

– Не выйдет, товарищ полковник, обезоружить меня даже обманным образом. Пистолет у меня можно изъять только у мертвого. Пока я при оружии, я не беспомощный и могу постоять за себя. А безоружный я ничто. Разрешите идти?

Не дождавшись ответа, я по-уставному повернулся кругом и вышел.

Не далее как через сутки меня пригласили на бюро батарейной комсомольской организации. Секретарем был один из подчиненных мне командиров взводов. Он открывает заседание и объявляет повестку дня: «Об антипартийном высказывании комсомольца Толконюка». Кто против? Никого против не оказалось.

Я был потрясен такой постановкой вопроса и не знал, как реагировать. Антипартийных высказываний я не допускал. В чем же дело? Тем временем секретарь продолжал:

– Он назвал наш полк задрипанным. А полк-то наш советский, а значит, и партийный...

Я очнулся от потрясения, почувствовав несерьезность секретаря, и, промолвив лишь одно слово: «Дураки!» – покинул заседание. Бюро решило исключить меня из комсомола «за антипартийное высказывание». Но те же члены бюро, приняв такое крайнее решение, к удивлению стали относиться ко мне подчеркнуто внимательно, с явной услужливостью и покорностью, проявляя строгую дисциплинированность, будто ничего не случилось.

На второй день меня вызвал комиссар полка Толмачев и сообщил, что решение бюро о моем исключении из комсомола он отменил без вынесения на общее собрание.

– Сдай пистолет – и все образуется – не приказал, а посоветовал комиссар.

Я ничего не ответил.

Поведение мое обсуждалось и на партбюро полка. Моему другу еще по военной школе члену партбюро Михаилу Ларионову было поручено повлиять на меня и уговорить сдать пистолет. К тому же он был как бы прикреплен ко мне, чтобы следить за мной и сдерживать от крайних поступков. Михаил держал меня в курсе всего, что происходило вокруг меня в партбюро и у командования полка. В разговоре наедине он предостерегал меня, что если я не сдам пистолет, то меня арестуют за невыполнение приказа. Но я не внял его советам, а лишь заявил: если меня арестуют, то пусть арестовывают всех; тогда будет видно, что подвергаются арестам совсем невинные люди.

В Особый отдел меня ни разу не вызвали, что можно было ожидать. Они-то нашли бы способ отнять у меня оружие. Но почему они этого не сделали, осталось загадкой, по крайней мере для меня. Правда, ко мне приходил обслуживающий полк сотрудник Особого отдела НКВД: он угрожал и требовал отдать ему пистолет. Я категорически отверг требование, заявив, что ни разоружать, ни арестовывать себя не позволю, так как не чувствую за собой никакой вины.

– Вы можете просто застрелить меня из-за угла: другим способом взять меня не удастся, – твердо высказался я.

Особист посмеялся и, сказав, что никто меня не собирается ни арестовывать, ни расстреливать из-за угла, удалился ни с чем.

После этого взялись за меня посерьезнее. Мой вопрос рассматривали непосредственно на бюро комсомольской организации полка. Без моего присутствия. Решили исключить и вынесли на общее собрание. Выступали многие за и против исключения. Дали мне слово. Мои объяснения сводились примерно к следующему. Разоружаться не желаю и не считаю себя вправе сдавать пистолет. Я принял присягу – с оружием в руках защищать советскую власть. И я эту присягу выполню в любых условиях. Советская власть – это моя власть. Она меня воспитала с пионеров, дала военную профессию, вооружила и поручила защищать ее. Как же я, в случае необходимости, буду ее защищать безоружный?

Довод этот не был убедительным и своеобразно оскорблял тех, кто покорно разоружился. А это были все, кроме меня. Ведь при необходимости оружие выдавалось личному составу незамедлительно. Я это знал. И все же упорствовал, объясняя свое упорство неясностью происходящего. Кто-то попытался в выступлении обвинить меня в недоверии органам госбезопасности, но эта попытка прошла мимо внимания собрания: никто всерьез ее не принял.

По большинству голосов из комсомола меня не исключили. Так за пару недель повторялось два раза. С каждым разом количество голосов против меня увеличивалось. И когда первая очередь приписников учебный сбор закончила и был набран другой состав, не знавший ни меня, ни моей истории, на первом же собрании я был исключен из комсомола большинством в 12 голосов. Мало того, когда подошла очередь предоставить мне слово, в зале поднялся какой-то Клочков и с возмущением заявил следующее:

– Мы вывешиваем лозунги с призывом не превращать собрание в трибуну для врагов. Так почему же мы должны предоставлять ему слово?

Воспользовавшись вдруг возникшим шумом в зале, я поднялся на трибуну и дал ответ: сильно бдительному оратору. Большинство в 7 голосов слово мне было предоставлено. Но это ничего не изменило. Меня исключили. Но решение вступало в силу после его утверждения партийной комиссией дивизии. Я был серьезно обеспокоен и, не став дожидаться утверждения, обратился с письмом к комиссару дивизии, подробно объяснив ему свое поведение и создавшуюся ситуацию. Решение не сдавать пистолет я не изменил. Оно во мне укрепилось еще больше, когда стало известно, что из шестнадцати лейтенантов, прибывших в полк вместе со мной из училища, девять уволено из армии по мотивам политического недоверия. Я знал своих однокурсников и за каждого мог поручиться.

Комиссар дивизии по фамилии, кажется Фидюнинский, вызвал меня к себе и, прежде чем приступить к разговору, вернул мне мое письмо. Разговор был коротким:

– Почему вы упорствуете со сдачей пистолета? Ведь это неповиновение приказу.

– Потому что, в случае чего, он мне понадобится для защиты советской власти, а может быть, и своей личности.

– Что вы один, даже с пистолетом, можете в этом отношении сделать? Это же смешно, если не сказать больше.

– Пусть так. Но все же хоть что-то да сделаю.

– Значит, вы думаете, что советской власти что-то или кто-то угрожает?

– Поскольку завелись враги народа, заговорщики, да еще в рядах Красной армии, угроза налицо.

– Логично. Но у нас есть кому заботиться о безопасности советской власти.

– Сложившаяся обстановка мне совершенно непонятна. Кто и зачем разоружает командный состав? Чтобы безоружных передавать как цыплят? Голыми руками? Какое основание не доверять нам, красным командирам?

Комиссар долго молчал и о чем-то думал. Казалось, что забыл про меня.

– Вот что я тебе скажу, сынок, – вдруг заговорил он ласково, перейдя на «ты». – Мне самому непонятно, что творится. Я – комиссар дивизии, старый большевик, выдававший виды и побывавший в разных переплетках, и то не могу разобраться, что творится. А тебе, сосунку, еще труднее. Не думай, что я не понимаю тебя. Да и тех, кто тебя исключил из комсомола. А пистолет сдай. Это нечто просто несерьезное, если не сказать больше. Давай будем с тобой умнее и выше всего этого. – Помолчав с минуту, он продолжил разговор следующими словами: – Давай договоримся так: ты сейчас пойдешь в полк и сдашь пистолет, как будто ничего и не было. А я обещаю отменить решение об исключении тебя из комсомола. Это мое право, и я им воспользуюсь. На этом и покончим. Не будем усложнять и без того сложных дел наших. Не будем усложнять... – повторил он фразу и, не закончив ее, сказал: – Договорились?

– Договорились! – подтвердил я машинально, не успев обдумать предложение уважаемого коммуниста.

Весь разговор с комиссаром, с которым я не был знаком ранее, не имел бы для меня такого значения, каким оказался, и не изменил бы решения о пистолете, если бы не фраза, брошенная им как бы невзначай: «Мне самому непонятно, что творится». Не знаю почему, но эта фраза меня подрубил под корень. Я проникся глубоким уважением и полным доверием к этому уже изрядно поседевшему человеку. Ослушаться я был не в состоянии, хотя он мне и не приказывал, а просто по-человечески дал совет.

Я ушел с чувством какого-то облегчения, прозрения и с уверенностью в лучшее будущее, которое во мне было почти утрачено. Пистолет я сдал в тот же день и остался в комсомоле, даже не получив никакого взыскания. У меня остался неразрешенным вопрос: почему не отняли у меня пистолет силой? Почему, наконец, меня не арестовали? Думается, что командование и Особый отдел не хотели иметь лишнего ЧП, могущего произойти, если бы я стал обороняться.

А может быть, меня оградила от трагического исхода дела моя молодость? Мне тогда шел двадцать четвертый год. Никто из молодых офицеров в полку арестован не был. Некоторых просто уволили по каким-то политическим мотивам. Виною тому был комиссар полка Толмачев, выразивший политическое недоверие многим командирам в данных им характеристиках. За это он потом поплатился. А командир полка Струнин вскоре был арестован как враг народа. Был ли он врагом – не знаю.

5

Я продолжал нормально служить. Возня с пистолетом и комсомольское разбирательство на мою службу заметно не повлияли.

В 1938 году я подал заявление в кандидаты партии. Меня приняли. Комиссар Толмачев также не воспрепятствовал приему. Он лишь сказал на бюро, когда меня принимали, что я заражен есенинщиной, но я, дескать, осознаю это и, как он надеется, исправлюсь.

Тогда же меня перевели в Управление Северо-Кавказского военного округа в Ростов-на-Дону, назначив на мобилизационную работу с допуском к секретам особой важности. К ноябрю 1938 года приказом наркома обороны мне досрочно было присвоено воинское звание «старший лейтенант».

Глава 4

В аппарате военного округа

1

В окружной аппарат офицеры подбирались очень тщательно. Чтобы быть удостоенным чести служить в таком высоком военном учреждении, как Управление округа, надо было обладать кристально чистой биографией, иметь отличную аттестацию и служебно-политическую характеристику, хорошее общее развитие, прилежность в работе и умение хранить военную и государственную тайну; уметь четко формулировать свои мысли, схватывать указания начальников с полуслова и грамотно разрабатывать служебные документы; быть выдержанным и дисциплинированным, чтобы в твоей преданности делу партии и народа ни у кого не было ни малейшего сомнения. Но и это не все. Надо, чтобы тебя заметил кто-либо из старших начальников и убедился в твоей пригодности к работе в высоком учреждении. И при всех этих качествах назначение не могло состояться без согласия и специального допуска Особого отдела к назначению и секретной работе. Это было решающим. Одним словом, кадры подбирались, как тогда говорили, по деловым и политическим качествам.

Почему же при таких жестких требованиях выбор пал на меня? Дело в том, что к лету 1938 года, в связи с проведенными арестами, в Управлении округа образовалось значительное количество вакантных должностей. Интересы дела требовали их срочно заполнить. И источником доукомплектования окружного аппарата были главным образом подчиненные штабы и войска. К тому же начальник артиллерии округа полковник Н.Д. Яковлев (ставший впоследствии маршалом артиллерии), беседуя с офицерами нашего полка, обратил на меня внимание при обсуждении нового Полевого устава. Видно, я ему приглянулся.

Признаться, я не был в восторге от выпавшей чести. Мне нравилась строевая служба, повседневная работа с живыми людьми, а не с бумагами.

Я был убежден, что в мои молодые годы, когда служба только начиналась, не следовало менять строй на штаб. Но тогда никто и не думал считаться с желанием назначаемого, речь могла идти только о том – подходишь или не подходишь. Приказ состоялся. И я, вместе с Иваном Шведковым, назначенным в адъютанты начальника артиллерии, распрощался с полком и уехал в Ростов-на-Дону к новому месту службы – старший помощник начальника мобилизационного отделения Управления начальника артиллерии округа. Об ожидавших меня обязанностях я не имел ни малейшего представления. Шел я в совершенно неизвестные мне среду и обстановку, где ни меня никто не знал, ни я не знал ни одного человека, с которыми предстояло работать. Само понятие «штаб округа» ассоциировалось в моем сознании как какая-то недостижимо высокая гора, приближение к которой вызывает робость и головокружение. Тем не менее пришлось переступить этот высокий порог и встать на новую ступеньку служебной лестницы.

2

Полноправным работником окружного аппарата я стал не сразу. Прежде всего предстояло представиться нескольким начальникам и получить разрешение на допуск к работе, связанной, оказывается, с документами особой важности, и пройти определенное испытание, выполнив ряд поручений, не имеющих прямого отношения к моим обязанностям. Мой непосредственный начальник майор Н.А. Пелевин повел меня представлять начальникам, стоя-

щим на разных ступенях служебной лестницы: начальник отдела артснабжения, начальник артиллерии, комиссар Управления артиллерии, комиссар штаба, начальник штаба и, наконец, член Военного совета округа. Все они задавали мне различные вопросы, бегло просматривали мое личное дело, сопровождавшее меня в руках Пелевина, и говорили напутственные слова, делая упор на мою ответственность за поручаемое дело. Визиты закончились последней фразой члена Военного совета дивизионного комиссара Шекланова: «Можно допускать к работе».

Мне выдали постоянный пропуск в штаб с большой красной цифрой «3». Эта цифра давала право беспрепятственного входа в любой отдел штаба, в том числе и на третий этаж, где размещались все отделения и отделы, связанные с мобилизационно-плановой работой. Работавшим на третьем этаже полагалась 15-процентная надбавка к денежному окладу за секретность и выдавались талоны на бесплатные завтраки. Мой месячный оклад, к удивлению, теперь равнялся окладу командира полка. Первое испытательное задание, полученное от майора Пелевина, заключалось в следующем. На основе многочисленных табелей по артиллерийскому снабжению, приложенных к штатам военного времени, и совершенно секретных списков дислокации войск по гарнизонам, с помощью специальных таблиц и норм, схем мобразвертывания и расценок я должен был сделать массу вычислений и составить объемистый справочник о потребной складской площади для хранения артиллерийского вооружения, стрелкового оружия, боеприпасов и другого имущества, которое поставляется в войска по линии отдела артснабжения, по каждой части и по каждому гарнизону, с указанием стоимости строительства складов в денежном выражении. Легко представить, насколько сложным было задание для молодого и неопытного в таких делах офицера. Производство вычислений на логарифмической линейке я знал в совершенстве, владел и канцелярскими счетами. Но этого было недостаточно. Пришлось осваивать и вычислительные манипуляции на арифмометре. Такая чисто, казалось, бухгалтерская работа меня, строевого командира, не могла ни радовать, ни устраивать. Но отступать было некуда, и я взялся за дело. Пришлось засиживаться в кабинете до поздней ночи. В общем, все свое время я проводил за работой, за исключением сна и приема пищи. Дорabатывался до того, что когда поздним вечером шел с работы по плохо освещенному Буденновскому проспекту, то на спинах идущих впереди людей и на асфальте явно видел прыгающие цифры.

Месяца через два я положил на стол начальника объемистую тетрадь справочника, пропитанного, если так можно выразиться, моим обильным потом. Майор Пелевин вынул из сейфа давно сделанный, отпечатанный на машинке и красиво оформленный том подобного справочника и сверил его с моим детищем по итоговым цифрам. Он многозначительно улыбнулся, похвалил мое старание и передал плод моего двухмесячного труда на сжигание вместе с черновиками секретных материалов. Моей досаде не было границ: жаль было затраченного попусту времени.

— Теперь можете приступать к своей основной работе, — удовлетворенно заявил Пелевин. Заметив мое растерянное недоумение, майор добавил: — Не огорчайтесь. Не думайте, что потрудились напрасно. Это вам пригодится.

Основная моя работа заключалась в подобных же расчетах, составлении служебных бумаг, заявок и отчетов, а также в поездках по гарнизонам в составе различных комиссий и в одиночку для разнообразных проверок и инспекций.

3

Проходя службу в окружном аппарате, я не терял надежды вернуться в войска на командную должность. Служба в строю мне была более по душе и ближе к моему темпера-

менту и характеру, да и более понятна. Я был убежден, что в строю принесу больше пользы, чем в штабе, и теперь, прослужив почти сорок лет в штабах, не изменил этого убеждения.

Мой командирский стаж и служебное положение давали право на поступление в военную академию. Мне полюбилась артиллерийская специальность, и я решил поступить в Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского. Поэтому заранее готовил себя к вступительным экзаменам. Подал рапорт и получил вызов в Москву. Но начальник артиллерии меня не отпустил, хотя до этого дал ход моему рапорту. Он предложил мне учиться на вечернем отделении Военной академии имени М.В. Фрунзе, открывавшемся при штабе округа в Ростове-на-Дону. Другого выхода не было, и я последовал его совету. Возглавлял отделение академии начальник штаба округа генерал-майор А.Н. Никишов. Он же читал основные лекции по оперативному искусству и военной истории.

Это был человек, обладавший обширными знаниями, культурный и в высшей степени добросовестный и вежливый, отлично знавший уставы и тактику. Одним словом, для отделения академии это был бесценный клад. Специальные дисциплины преподавали соответствующие начальники родов войск и служб. Занятия увязывались, следовательно, с практическими делами войск, что очень ценно. Занятия проводились три дня в неделю по шесть и более часов, захватывая два последних часа рабочего дня, что не очень нравилось нашим непосредственным начальникам, вынужденным отпускать нас раньше времени с работы. Каждый год из трех лет обучения нас вызывали в Москву, где мы, находясь в академии по несколько месяцев, проходили обучение под руководством квалифицированного профессорско-преподавательского состава, сдавали переводные, а затем и выпускные экзамены. Не будучи оторванными на длительное время от практической работы, слушатели вечерних отделений не уступали слушателям основных факультетов.

Мне, офицеру мобилизационного отделения, приходилось засиживаться на работе до поздней ночи или неделями находиться в командировке. Поэтому посещать вечерние занятия было почти невозможно, я много пропускал. Не было времени и на самостоятельную работу. Возникли трудности и трения с начальниками. Лишь благодаря поддержке Н.Д. Яковлева, а затем, после его ухода в другой округ, душевного и заботливого генерала Клича, заменившего Яковлева после возвращения из Испании, мне удалось продержаться два учебных года. Но и Клич, побывавший несколько месяцев на Финском фронте, был переведен на Дальний Восток, а вместо него прибыл генерал И.П. Камера, известный в то время артиллерийский начальник. Пользуясь какими-то штатными изменениями, меня вывели за штат, решив избавиться от отвлекавшегося от служебной работы на академические занятия сотрудника. Камера предложил мне должность в Краснодаре. Я должен был оставить учебу в академии, не дотянув до ее окончания один год. Мне этого не хотелось, и, в поисках выхода, я обратился за помощью к полковнику Воробьеву, не заинтересованному терять слушателей. Он выразил готовность помочь, заявив, что не может допустить даже мысли о том, что я могу уйти из академии, не окончив ее. Иван Иванович представил меня начальнику оперативного отдела штаба округа, тогда уже носившему на груди орден Ленина, полковнику И.Н. Рухле. После беседы со мной Рухле поставил вопрос о переводе меня к нему в оперативный отдел на должность старшего офицера по зенитной артиллерии. Это дало мне возможность окончить академию и получить хорошую практику по оперативной подготовке. Но генерал Камера согласился отпустить меня из артиллерии только до окончания академии, после чего собирался вернуть и назначить по своему усмотрению. К сожалению, этому, совпадавшему с моим желанием намерению не суждено было сбыться.

Почти трехлетний отрезок моей службы в окружном аппарате и учебы в академии был сложным периодом в жизни Красной армии. Международное положение нашей страны отличалось напряженностью. В Европе бушевала Вторая мировая война. На нашей границе в разных местах возникали военные конфликты: боевые действия с японскими милитари-

стами в районе реки Халхин-Гол, освобождение Бессарабии, война с Финляндией, ввод войск в Прибалтийские государства, освобождение западных областей Украины и Белоруссии. Эти события прямо или косвенно затрагивали все стороны жизни нашего государства. Они особенно сказались на войсках всех военных округов: шло развертывание, перевооружение и реорганизация войск, переиздавались уставы и наставления, расширялась подготовка военных кадров, проводились крупные тактические учения и маневры.

Северо-Кавказский военный округ считался внутренним округом, он далеко отстоял от вероятных районов военных действий и служил источником мобилизационного развертывания, формирования, обучения и отправки в приграничные округа соединений и частей, групп офицерского и политического состава. Нельзя было даже отдаленно предположить, что до территории округа когда-либо докатится пожар войны. Количество соединений и специальных частей в округе все увеличивалось за счет новых формирований и прибывших после окончания войны с Финляндией. В частности, к нам прибыл с Финского фронта 34-й ск. В этих условиях штаб округа не успевал поворачиваться. Дело осложнялось еще и тем, что командование и руководящий состав управлений и отделов часто меняли: одни уходили, другие приходили. За три года сменилось несколько командующих округом и начальников штаба.

Командующими побывали, после Каширина, Голубев, Качалов, Ефремов, Тимошенко, Конев. У каждого из них был свой подход к делу, свои требования, принципы и увлечения. Например, Тимошенко любил тактику и непрерывно проводил лично тактические учения от батальона до дивизии. М.Г. Ефремов увлекался стрельбой из личного оружия и физической подготовкой, И.С. Конев – военными играми и проверкой боевой готовности с подъемом по тревоге целых соединений. Все это ставило штаб в крайне тяжелое положение: надо было приспособливаться к требованиям каждого нового командующего и начальника штаба. Случались и казусы. Вот два из них. На должность командующего прибыл генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. С первых же дней он поставил штаб в щекотливое положение. Понесут ему на подпись ту или иную служебную бумагу. Он бегло просматривает ее и грубо отбрасывает, не подписав. Но почему не подписал, не говорил; это оставалось загадкой. Докладчик снова и снова ее просматривал, все находил правильным и докладывал на подпись заново. Повторялась та же картина. Весть об этом разошлась по всему штабу, и люди терялись в догадках, но разгадать секрет так и не могли. Только спустя несколько дней, через приехавшего с ним адъютанта выяснилось, что командующий подписывал бумагу, если под ней заделывалась подпись совершенно невероятным образом: «*Ефремов. М.*». Без точки после фамилии и инициала бумага отвергалась. Первый же документ с так сделанной подписью был подписан без слова. Как-то генерал Ефремов перед рассветом объявил Управлению округа боевую тревогу и весь офицерский состав вывез на стрельбище, находившееся километрах в десяти от города, и приказал стрелять из пистолетов по заранее подготовленным мишеням. Выполнивших упражнение щедро наградил ценными подарками, а невыполнившим объявил по выговору, хотя таких оказалось примерно половина, и приказал идти пешком в штаб. Они сумели добраться только к вечеру, и рабочий день был потерян. Впоследствии этот требовательный и своевольный генерал оказался истинным патриотом и героем. Осенью 1941 – зимой 1942 года он командовал 33-й армией на Московском направлении. В ходе наступления из-под Москвы часть сил армии глубоко вклинились на запад, подойдя к Вязьме. Противнику удалось выйти на ее коммуникации и окружить так называемую западную группировку армии. После длительных боев в невероятно тяжелых условиях эта группировка была ликвидирована противником. Ефремов неотлучно находился с окруженными войсками. Когда создалась явно безнадежная обстановка, высшее командование предложило ему вылететь из котла на самолете в последний возможный момент. Но командарм отклонил это предложение, заявив, что его можно спасти только вместе с армией. А если это невоз-

можно, то он разделит участь остающихся в окружении солдат и погибнет вместе с ними. Так он и поступил: в самый последний момент, при попытке немцев захватить его в плен, застрелился, но не сдался. Ефремов погиб как истинный солдат. Благодарная Родина увековечила его имя памятником на месте гибели. До этого он успел покомандовать, после СКВО, двумя округами и армией.

4

В вечерних отделениях Академии имени М.В. Фрунзе, созданных в ряде округов, учились офицеры разных рангов и возрастов: от лейтенантов до комбригов, получивших в 1940 году генеральские звания. В целом это было неплохо: мы, молодые и неопытные слушатели, перенимали от более подготовленных и умудренных опытом многолетней службы сокурсников их навыки и знания и многому научились. За пять месяцев до выпускных экзаменов нас вызвали в академию на итоговый учебный сбор. Мы прослушали ряд лекций опытного профессорско-преподавательского состава, с нами были проведены многие занятия на картах и на местности, консультации. Выпускные государственные экзамены мы, вечерники, сдавали вместе и наравне с слушателями основного курса. Делалось так, чтобы экзаменаторы не знали, кто из нас вечерник и кто с основного дневного курса. Успехи вечерников оказались несколько не ниже показателей тех, кто три года учился в стенах академии и не знал никаких забот, кроме учебы. Учили нас всесторонне и капитально. Мы получили нужные знания, но главным образом в области тактики до корпуса включительно и по военной истории. С оперативным искусством нас ознакомили лишь в общих чертах, ограничившись обзорными лекциями по наступательной и оборонительной операциям армии. Вопросы военной стратегии не затрагивались. Оперативное искусство и стратегия в программы не включались, это было прерогативой Академии Генерального штаба. Несколько странно то, что способы военных действий в ведущейся и все больше и больше разгоравшейся Второй мировой войне в Европе мы почти не изучали. Эти вопросы были ограничены двумя очень общими лекциями по тактическим приемам немецко-фашистской армии, без глубокого анализа и практических выводов. Это было большим пробелом в нашей подготовке, сказавшимся с началом Великой Отечественной войны.

Стремительное вторжение механизированных масс вражеских войск на нашу территорию, господство авиации противника, глубокое проникновение в нашу оборону танковых клиньев, массовое окружение врагом крупных группировок наших войск не предвиделись, и способы ведения боевых действий в таких условиях мы не изучали. С началом войны и в ее первом периоде все это на нас свалилось как снег на голову, и мы не были подготовлены к борьбе в такой неожиданной обстановке. Об этом пришлось горько пожалеть многим из нас. Следует, однако, заметить, что, будучи на пятимесячном сборе при академии, мы не были изолированы от происходящих в мире и в стране событий: лекции, взаимный обмен информацией, сообщения радио и газет в какой-то мере держали нас в курсе дела, но слишком вообще и порой извращенно. Мы в кулуарах вне занятий обсуждали военные действия в Европе и спорили до хрипоты между собой: одни предвещали победу Германии, другие верили в победу западных союзников. Но вопросы, связанные с возможным вторжением Германии в нашу страну, не приходили никому в голову. Казалось, что война в Европе настолько далека от нас и настолько нас не касается, что о ней не стоило много говорить. Видимо, поэтому мы в академии детально не изучали ни вероятных театров военных действий, ни операционных направлений, на которых можем оказаться в случае войны. Не нашлось учебных часов и для тщательного изучения организации, тактики и вооружения немецко-фашистских войск, хотя теория Гудериана о массированном использовании танков в современной войне, уже применявшаяся на практике, от нас не ускользнула. Но академия

к этому почти причастна не была. В общем, в вопросах возможной войны мы целиком полагались на наше высшее руководство и командование: они-то, дескать, знают все и, в случае необходимости, сумеют поступить соответственно. Мы помнили как-то сказанные К.Е. Ворошиловым слова: «Мы не только умеем воевать, но и любим воевать». В ходе войны мне не раз приходили на память эти самоуверенные слова «любителя воевать». Что касается умения, то он его полностью имел возможность проявить, будучи главнокомандующим Северо-Западным стратегическим направлением.

Не теряя связи с округом, я знал, что проходит скрытая мобилизация под видом учебных сборов, идет отправка войск на запад. Смысл происходящего мне был понятен из оперативного и мобилизационного планов, к которым я имел касательство, как офицер оперативного отдела. Хотелось скорее убыть к месту службы и взяться за живую работу. Ждать было недолго. К 1 мая государственные экзамены закончились, а после праздника нам выдали дипломы об окончании академии за подписями председателя госкомиссии генерала Красильникова и начальника академии генерала Хозина. Мы официально получили высшее военное образование.

Для каждого молодого человека, посвятившего себя военной службе, окончание академии имело немаловажное значение. Оно открывало широкие возможности в продвижении по крутой служебной лестнице и проявлении способностей в многогранной военной деятельности.

Я мысленно подводил итоги своей нелегкой более чем семилетней военной службы с удовлетворением и с гордым чувством. И все же из стен прославленной общевойсковой академии я выносил некоторое огорчение. Ведь я успешно окончил одну из лучших по тому времени артиллерийских школ, служил большую часть в артиллерии и гордился своей специальностью, считая себя артиллеристом до мозга костей. Мне тогда представлялось, что окончить артиллерийскую академию куда важнее, чем общевойсковую, тем более если это касалось артиллерийского командира. Обуревали опасения, что с окончанием общевойсковой академии придется лишиться полюбившейся профессии. Мои опасения оправдались, хотя это и не было обязательным. Но эту деталь я считал не столь уж важной и был всецело поглощен сознанием, что удалось получить высшее образование, и радужными перспективами. Мне было 27 лет, и служба складывалась благоприятно. С окончанием военной школы мне было присвоено звание «лейтенант», а через два года досрочно, в виде исключения, я получил очередное звание. Успешное командование полубатареей и батареей привлекло ко мне внимание старших начальников, и я был назначен с большим повышением на важную мобилизационную, а затем оперативную работу, что говорило об оказанном мне доверии. К тому же народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов наградил меня почетным знаком «Отличник РККА». Это удавалось далеко не каждому.

Одним словом, к маю 1941 года остались позади и три года напряженной учебы в академии без освобождения от службы, как говорится, без отрыва от производства, и волнения выпускных государственных экзаменов, и трудности совмещения службы с учебой.

Глава 5

Прием в Кремле

1

Получив диплом об окончании академии и торжественно отметив Первомайский праздник в Москве среди друзей и однокурсников, в первых числах мая 1941 года мне предстояло возвращаться в Ростов-на-Дону для продолжения службы в штабе Северо-Кавказского военного округа, где к тому времени состоял на должности старшего офицера оперативного отдела по зенитной артиллерии.

Хотя пять месяцев нахождения на итоговом академическом сборе пролетели быстро и почти незаметно, такой длительный отрыв от основной служебной работы и от семьи тянул поскорее вернуться домой. Все было готово к отъезду. И вдруг последовала команда: до особого распоряжения не разъезжаться.

В деятельности командования академии, среди курсовых начальников и преподавателей и некоторой части выпускников бросалась в глаза повышенная активность и озабоченность: что-то в узком кругу обсуждалось, составлялись какие-то списки, уточнялись биографические данные и учебные показатели выпускников, о чем-то перешептывались. Одним словом, что-то тайное и важное вошло в нашу среду, вызывая беспокойство и неопределенность. Одолеvalo любопытство докопаться до истины. Но это было не так просто. Излишняя любознательность всегда выглядит неприлично, а в военной среде вызывает если и не подозрение, то настороженность.

Огорченный тем, что отъезд откладывается, и пытаюсь выяснить внезапно возникшую новую ситуацию, я стал расспрашивать товарищей о случившемся, но ничего толком узнать не удалось. Мои домогательства вызывали кое у кого загадочные улыбки и намеки на нечто важное, таинственное и не подлежащее разглашению. Два моих близких друга и товарища по учебе Борис Пономаренко и Александр Иванов знали не больше моего.

Любопытство было удовлетворено только тогда, когда мне вручили красиво отпечатанное в типографии приглашение на правительственный прием и пропуск в Кремль за подписью коменданта Кремля генерала Спиридонова. Оба моих друга приглашений и пропусков не получили.

Дело в том, что на прием приглашались выпускники и начальствующий состав всех военных академий, в том числе и находящихся в других городах, их было много и, по-видимому, пригласить всех возможности не представлялось. Поэтому от каждой академии приглашалось ограниченное число выпускников и преподавателей. На кого падет счастливый выбор, решалось в академиях.

В академии имени М.В. Фрунзе, как и в других, включили в списки приглашенных тех, кто имел лучшие показатели в учебе по итогам выпускных экзаменов и кто был старше по воинскому званию, так как на заочных факультетах и вечерних отделениях учились офицеры в званиях от лейтенанта до полковника. Были даже комбриги и генералы. Имея воинское звание старшего лейтенанта, я не мог рассчитывать на приглашение по этому показателю. Меня не обошли, как отличника РККА и окончившего курс с высокими результатами.

Как бы там ни было, но я шел на исторический прием. Жаль было смотреть на огорченных и завидовавших мне товарищей, но ничего нельзя было изменить.

Вечером 5 мая вместе с другими счастливчиками я отправился в Кремль, где до этого ни разу не был и даже не мечтал побывать.

2

Кремлевский зал заседаний Верховного Совета СССР был заполнен исключительно военными. Чтобы лучше рассмотреть И.В. Сталина и четче расслышать его ожидавшееся выступление, я попытался пробраться поближе к первому ряду кресел. Но это мне не удалось: незнакомый офицер, наблюдавший за порядком, не пропустил меня ближе шестнадцатого ряда; он сухо заявил, что дальше проходить нельзя, так как там места предназначены для других лиц. Это меня несколько разочаровало, но препираться не было смысла, и я занял место в шестнадцатом ряду.

Вначале меня беспокоило опасение, что так далеко от сцены, где должен был появиться президиум, я не смогу хорошо рассмотреть и расслышать И.В. Сталина. А ведь в то время близко видеть вождя и слышать его живую, а не по радио речь считалось большим счастьем. И вот я становился человеком, видевшим и слышавшим живого Сталина и его ближайших соратников. Подвернется ли когда-либо в ближайшем будущем еще такой счастливый случай? Тогда я не мог предполагать, что мне придется неоднократно видеть И.В. Сталина, слышать его спокойную и до предела четкую речь и даже писать ему во время войны.

Успокоившись, я заметил телефон, встроенный в подлокотник кресла. Нетрудно было догадаться, что это устройство не что иное, как усилитель слышимости в зале. Опасения что-либо не услышать рассеялись.

Наступило назначенное время, и в помещении установилась торжественная тишина. Все с нескрываемым волнением ждали появления руководителей партии и правительства, захваченные интересом: действительно ли удастся увидеть вождя, услышать его голос? Что он скажет?

И вот слева из боковой двери на сцену выходят члены Политбюро и советского правительства: Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Буденный, Тимошенко и др. Среди них – единственная женщина, активная в то время общественная деятельница в Верховном Совете СССР Асланова.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, вежливо подталкиваемый И.В. Сталиным, выходит вперед и останавливается за центром большого стола. Как только руководители партии и правительства показались на сцене, весь зал загудел, присутствующие вскочили с мест и дружно зааплодировали. Раздались возгласы «Да здравствует товарищ Сталин! Слава партии Ленина – Сталина!» и другие подобные лозунги. Овация бушевала несколько минут. Аплодировали все находившиеся в зале и в президиуме. Аплодировал и сам Сталин. Восторженность не затухала, а нарастала. Жест рукой Тимошенко, приглашающий сесть, прервал овацию, и все заняли свои места. Шум круто оборвался, и в зале наступила глубокая тишина.

Выступление И.В. Сталина ожидалось всеми нами с неописуемым нетерпением и интересом. Это объяснялось не только тем, что нам посчастливилось видеть и слышать вождя, каждое слово которого считалось непогрешимой и мудрой аксиомой. Тому были более глубокие причины.

В Европе полыхала война. Гитлеровские полчища триумфальным маршем прошли почти всю Западную Европу, сметая на своем пути все и вся, разгромили Польшу и Францию, поработили народы многих стран, опутав их фашистской паутиной и развесив повсюду кровавые флаги со зловещей свастикой.

Геббельсовской пропагандой создавался миф о непобедимости германской армии, продолжавшей воздушную войну с Англией.

С гитлеровской Германией у нас был договор о ненападении, и казалось, нашей стране в ближайшее время ничто не угрожало. И все же события на Западе тревожили каждого из нас.

В академии при изучении международного положения вопросы взаимоотношений нашего государства с Германией затрагивались лишь вскользь, в общих чертах, без какой-либо существенной критики немецко-фашистского руководства. Касаясь военных действий в Западной Европе, нас очень общо знакомили с методами боевых действий и формами маневра германских вооруженных сил с точки зрения чисто военной. Наша печать в то время по вопросам взаимоотношений с Германией вела себя сдержанно и успокаивающе.

Не будучи в достаточной степени информированными по важнейшим международным событиям, мы нечетко представляли себе суть дела и часто спорили между собой по тем или иным моментам происходящего в мире, многое казалось непонятным и сомнительным. Кое-кто из нас высказывал соображения о том, что Гитлер прикрывался со стороны Советского Союза договором о ненападении и тем самым обеспечивал себе безопасность с востока при расправе с западными противниками, исключив какие-либо препятствия с нашей стороны. Некоторые же не соглашались с такими «политически незрелыми рассуждениями» и высказывали противоположные суждения, ничего не подвергая сомнениям. В этих спорах мимо нашего внимания не прошло и заявление германского министра иностранных дел Риббентропа в Москве после подписания упомянутого договора, когда он сказал, что надеется видеть Москву в ближайшем будущем еще более красивой. В этом заявлении некоторые наши товарищи усматривали далекоидущие намеки. Обсуждалась и недавняя поездка советской правительственной делегации во главе с Молотовым в Берлин, вызвавшая различные суждения в связи со слишком общими сообщениями печати об этой поездке. Было ясно, что возникли какие-то неразрешимые противоречия. Эти споры и рассуждения велись в кулуарах, возникая стихийно, ибо на занятиях и в официальных беседах такие проблемы не затрагивались. Здесь беседы не выходили за рамки сообщений печати, время от времени опровергавших тревожные слухи о недружественных поступках германского правительства по отношению к нашей стране. В то же время развертывание и наращивание сил Красной армии и перемещение войск к западным границам, о которых мы не могли не знать, красноречиво говорили о надвигающейся опасности войны. Во всем этом надо было разобраться. И мы ожидали, что выступление перед нами И.В. Сталина все прояснит, поставит точку над всеми суждениями и спорами.

Официальную часть правительственного приема, посвященную выпуску слушателей военных академий, открыл Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Он предоставил слово для рапорта правительству об очередном выпуске из военных академий нового отряда командиров РККА с высшим военным образованием генерал-лейтенанту А.К. Смирнову, бывшему в то время начальником Управления военно-учебных заведений Красной армии.

Генерал вышел на трибуну и ровным, спокойным голосом без видимого волнения доложил о результатах выпуска очередного отряда командиров с высшим образованием. Он отметил, что военные академии дают Красной армии квалифицированных, преданных партии и советскому народу политически грамотных командиров. Особый упор он сделал на то, что слушателей в академиях учили тому, что нужно в современной войне, в условиях, приближенных к боевым, что выпускники хорошо изучили новые образцы боевой техники и вооружения, которыми оснащается Красная армия благодаря заботам партии и правительства, благодаря самоотверженному труду советского народа, ничего не жалеющего для обороны своего социалистического отечества. Докладчика выслушали внимательно, не прерывая. Казалось, что руководство докладом удовлетворено. И мы и руководители поаплодировали оратору.

Затем с приветствием выступил Михаил Иванович Калинин. Всесоюзный староста тепло поздравил выпускников и преподавателей с достигнутыми успехами, дал короткое напутствие и высказал добрые пожелания нам в дальнейшей работе и службе на благо Советской родины. Михаил Иванович особо ярко подчеркнул тот момент, что в академиях мы получили только начальные теоретические знания и навыки командиров с высшим образованием. Указав, что нам предстоит и дальше кропотливо и много учиться самостоятельно на практической работе в войсках и штабах. Слушали мы М.И. Калинина с теплотой и любовью. Ведь это был наш глубокоуважаемый всесоюзный староста. Так его называли в народе.

И вот слово предоставляется Иосифу Виссарионовичу Сталину. Маршал Тимошенко сделал это объявление с особым ударением и возвышением голоса. Мы вскочили со своих мест и неистово зааплодировали. Аплодировал и сам Сталин. В зале стали раздаваться торжественные возгласы в честь вождя, в честь партии. Овация длилась несколько минут.

И.В. Сталин подходит к трибуне и кладет на нее маленькую бумажку, – по-видимому, на этой крохотной бумажке были перечислены вопросы, которые он намеревался осветить.

За трибуной Сталин не стоял, он занял положение между столом и трибуной. В ходе выступления он время от времени подходил к трибуне и мельком заглядывал в записочку, взяв и снова положив ее на место, занимал прежнее положение. Выступление не по бумаге, не по заранее написанному тексту вызывало к нему еще большее уважение. Не было заметно никаких признаков того, что его выступление стенографируется или как-либо фиксируется. Представители прессы не присутствовали. Нас заранее предупредили, что будет сказано что-то очень важное, доверительное только для нас, не подлежащее разглашению, и потому записывать выступление не разрешалось. Но я все же умудрился основной смысл речи незаметно записать в маленьком блокноте, предусмотрительно захваченном с собой. Записывал я отдельные фразы и слова так, чтобы смысл был понятен только мне одному, чтобы никто другой не смог разобраться в моих пометках. Это была неполная и краткая запись, но она позволяет воспроизвести в памяти главное содержание сказанного. Этот блокнотик прошел со мной всю войну, с ним я переплывал реки под огнем противника, ходил по территории, занятой вражескими войсками, и сберег его вместе с партийным билетом, удостоверением личности и пистолетом. Его я берегу и теперь, как дорогую реликвию. Вглядываясь в полустершуюся карандашную запись, я мысленно возвращаюсь в кремлевский зал, и в памяти звучит проникновенная и прозорливая речь И.В. Сталина в преддверии Великой Отечественной войны, неизбежность которой он предсказал уже тогда, предвидя ее вероятный характер, исход и последствия, вселил в нас уверенность в окончательной победе над сильным и коварным врагом.

Полагаясь на не подводившую меня память и скудную запись, я постараюсь изложить это историческое выступление главы партии и вождя советского народа в том виде, в каком оно мне запомнилось и представляется сейчас, спустя многие годы. Может статься, что я и допущу незначительные неточности и неисчерпывающую полноту речи И.В. Сталина из-за несовершенства человеческой памяти, подверженной размыванию потоком времени, но я уверен, что общий смысл ее передам правильно.

3

Свое выступление И.В. Сталин разделил на разные по значимости и объему части. Говорил он спокойно, ровным голосом, четко выражая каждое слово, очерчивая каждую фразу, как законченную мысль. Сильно заметный грузинский акцент не мешал четкости выражений и яркости речи. От этого она приобретала особую самобытную окраску и неповторимость.

Как только стихли аплодисменты, оратор сердечно приветствовал выпускников академий и поздравил с успешным окончанием учебы. С отеческой теплотой он оценил учебные старания слушателей академий и труд командиров и преподавателей. Выразил он это сердечно, коротко и больше не возвращался к этому вопросу.

Очаровывала последовательность выражения мысли, глубокая убедительность сказанного, взаимосвязь освещаемых вопросов и удачные переходы от одной концепции к другой. Речь дышала уверенностью, несомненностью суждений, ненавязчивостью. Она была свободна от самолюбования оратора и поучительности тона. Чувствовалось во всем, что говорит человек, обладающий широкой эрудицией, глубоким знанием дела и не кичащийся своим высоким положением в партии и государстве. Веяло простотой и душевностью.

Мы слушали его с непоколебимой верой и преданностью, с гордостью, надеждой и уверенностью в будущем, смотрели на него как на мудрого вождя и учителя, подхватившего великое знамя коммунизма из рук В.И. Ленина и с честью несущего это святое знамя к великой цели, возглавляя ленинскую партию и многомиллионные народные массы. Мы с сердечной теплотой смотрели на сидящих в президиуме его известных в народе соратников, с молодых лет посвятивших себя революции, прошедших тюрьмы и ссылки во имя будущего народа, отдавших себя целиком служению делу великого Ленина. Хотелось быть хоть капельку похожим на них, подражать им в работе и жизни, под их руководством идти в смертный бой на защиту завоеваний Великого Октября.

После приветствия и поздравления И.В. Сталин чуть заметно улыбнулся и перешел к замечаниям по рапорту генерала Смирнова и в адрес начальников академий, присутствовавших в зале.

В адрес генерала Смирнова он высказал примерно следующее:

– Только что докладывал правительству генерал Смирнов, отметивший, что в наших академиях учат тому, что нужно на войне. Говорил он неправду, и я ему не верю.

Это замечание вызвало настороженность и недоумение. Но все прояснилось с продолжением речи оратора. Сталин обратился к начальнику Военно-воздушной академии генералу Н.А. Соколову-Соколенку:

– Какие военные самолеты вы изучаете со слушателями? Старые? Несекретные? А новые современные образцы прячете от них под брезентом. Почему? Скажете, что эти самолеты секретные, – ответил он за начальника академии, стоящего в зале навытяжку. – Для кого секретные? Для тех, кто на них пойдет в бой? Так, что ли?

Соколов-Соколенок ничего сказать не решился, промолчал.

Затем оратор обратился к начальнику артиллерийской академии генералу Сивкову. Тот быстро поднялся с кресла и по-солдатски принял стойку «смирно».

– А вы какие орудия изучаете со слушателями? Тоже старые, несекретные?

Генерал Сивков также промолчал, не решившись что-либо сказать в свое оправдание. Да и как было оправдываться, когда Сталин говорил истинную правду.

Примерно таким же образом Сталин поднял с кресел и некоторых других начальников академий.

Развивая мысль, оратор перечислил образцы новых самолетов, танков, артиллерийских орудий, военных кораблей, отметив их высокие боевые качества и перспективу оснащения ими войск.

Мы были потрясены. Глава правящей партии откровенно говорил чистейшую правду. Для нас это был больной вопрос. Действительно, о последних образцах боевых самолетов, танков, артиллерийских систем и некоторых видов боеприпасов мы лишь слышали и имели довольно-таки смутное представление. Изучение устройства этого нового оружия и способов его боевого применения в академиях не практиковалось. Оно было строго засекречено. Даже тактико-технические характеристики новых образцов вооружения от нас скрывались.

Их знали только те офицеры, которые имели к ним непосредственное отношение по службе вне академии. И вот И.В. Сталин высказался, и довольно резко, откровенно и ясно в нашу пользу. Его забота о повышении боеспособности войск со всей прямотой прозвучала в этих публичных замечаниях, и мы еще больше утвердились в уверенности, что он все знает до мельчайших подробностей и что скрывали от нас новейшие перспективные образцы боевой техники неправильно, вопреки мнению правительства; что это явление расценивается руководством как ничем не обоснованное и как вредное недоверие к тем, кто пойдет в грядущие бои с именно новым, современным оружием, поступающим на оснащение войск.

4

Такая забота о подготовке военных кадров и знание истинного положения дел в этом вопросе со стороны руководства страны нас буквально окрыляли, вызвали еще большую гордость за причастность к военной службе. Упущения теперь будут устранены, думалось нам. Так оно впоследствии и было: новые, перспективные образцы вооружения стали изучаться не только в академиях, но и в военных училищах и в войсках.

Затем И.В. Сталин перешел к следующей и основной части своего выступления, представляющей наибольший интерес и значимость. Прежде всего он заметил, что мы, окончив академии и побывав на встрече с руководителями партии и правительства, разъедемся в войска. Нас спросят на местах, как оценивает руководство страной развитие международных событий? Какие теперь стоят задачи перед народом и вооруженными силами?

– Я хочу кое-что разъяснить вам по этим вопросам, чтобы вы были ориентированы, могли правильно рассказать о складывающемся положении в мире и как расценивает правительство текущие события и ближайшее будущее, – с явной озабоченностью обратился оратор к аудитории.

Для нас это было очень важно. В академии мы изучали тактику, основы оперативного искусства, уставы, военную историю, марксистско-ленинскую науку и другие вопросы учебной программы. Но острые вопросы текущего момента, создавшегося международного положения и внешней политики нашего государства нам преподавались лишь в общих чертах, в рамках газетной информации. Многие оставались непонятным, волнующим. Опровержение в печати слухов о готовящемся нападении фашистской Германии на Советский Союз, мотивов сосредоточения крупной группировки немецких войск в прилегающих к нашим западным границам районах, сообщений о неоднократном нарушении наших воздушных границ немецкими разведывательными самолетами вызывали самые различные кривотолки и недоумение. Хотелось услышать ответы на эти волнующие вопросы из уст самого Сталина, который должен внести ясность.

Развивая мысль, И.В. Сталин сказал, что за последние два года многое изменилось. Недавние военные конфликты в разных районах, в которых наша страна вынуждена была принимать участие, защищая свои государственные интересы, дали много важных и поучительных уроков. Они обогатили знаниями и более реальными взглядами на вещи тех людей, которые хотят обогащаться.

Мы, продолжал оратор, изучая уроки военных действий, извлекли определенный опыт из войны в Испании и особенно из недавней советско-финской войны. Здесь мы воочию столкнулись с принципиально новыми явлениями современной войны и сделали для себя практические выводы.

Красная армия теперь стала другой, чем была три-четыре года назад, пояснил он. Тогда основную ее силу представляла пехота, без механизированных войск, мало было авиации и танков. Главную массу армии составляли территориальные войска. Все это не соответствовало требованиям современной войны. Теперь мы создали кадровую армию, оснащенную

новейшими самолетами, танками, артиллерийскими орудиями, боевыми кораблями, средствами передвижения и многим другим. Удельный вес механизированных, моторизованных и танковых соединений и частей резко увеличился. Оратор открыто назвал количество имеющихся у нас дивизий и сколько из них мотомеханизированных и танковых в относительных показателях к общему числу дивизий. Он сделал особый упор на происходящий процесс дальнейшего развития нашей кадровой армии и оснащения ее новой боевой техникой. Упомянув о безграничной любви советского народа к своей армии и о заботе партии и правительства о ее бойцах – красноармейцах и командно-политическом составе, он перешел к рассмотрению войны в Европе. Прежде всего остановился на фашистской Германии. Тут же в моей памяти всплыл такой случай. Однажды мы стали приставать к лектору-международнику с вопросами, касающимися договора с Германией о ненападении. Разъясняя выгодность для нашего государства этого договора, он в конце концов отделался известной поговоркой: «Когда садишься ужинать с чертом, бери ложку подлиннее», что должно было означать: на договор надейся, но бдительности не теряй, будь готов к любому вероломству, особенно когда это касается такого партнера, как германский фашизм. Слова Сталина о взаимоотношениях с этой вероломной и воинственной страной, захватывающей и порабощающей одно государство за другим, представляли безграничный интерес.

В оценке И.В. Сталина положение выглядело так. Когда Германия, побежденная в Первой мировой войне, собравшись с силами, выступила за ликвидацию позорного и унижительного для немецкого народа навязанного ему Версальского договора, ее можно было понять. Но немецко-фашистское руководство, упоенное первоначальными легкими военными успехами, пошло дальше и выступило за гегемонию в Европе, навязывая свою волю другим народам, оккупируя их земли.

Война Германии носит несправедливый, захватнический характер, она направлена на порабощение народов. Ведется много разговоров, отметил далее оратор, распространяемых фашистской пропагандой, о непобедимости немецкой армии. Такие утверждения основываются на молниеносном разгроме Польши, а затем и Франции. Является ли в действительности немецкая армия непобедимой?

– Нет, не является! – ответил оратор на самим же поставленный вопрос. – Во-первых, непобедимых армий вообще не существует. Этот тезис относится и к немецкой армии, имеющей временные успехи...

Услышав это утверждение, я вспомнил распространенную у нас концепцию о непобедимости Красной армии. Но Сталин не сделал на сей счет никакой оговорки, следовательно, он относит понятие о непобедимости ко всем без исключения армиям, в том числе и нашей. Одним словом, заявление Сталина как-то не вязалось с утвердившимся понятием, хотя он и говорил не о Красной армии, а о германской. «Сталин знает, что говорит, – подумал я. – Ведь его указания ни по какому вопросу не вызывали сомнений».

Хотя это положение высказывалось таким непререкаемым авторитетом, как Сталин, впервые, для нас оно не было открытием по существу, ибо каждый здравомыслящий человек отдавал себе отчет в том, что каждая армия стремится к победе; личному составу внушается вера в непобедимость своей армии, что должно вселять уверенность в благоприятном исходе вооруженной борьбы. Но для победы в войне одной веры в конечную победу далеко не достаточно, хотя она, эта вера, играет немаловажную роль, рассуждал я мысленно. И все же внушать армии несомненную веру в ее непобедимость значило демобилизовывать усилия личного состава, направленные на подготовку к тяжелой и опасной войне с сильным противником, необоснованно снижать меру опасности и невольно сеять безответственность в понятии определенной части людей, не находящих логичным идти на смерть ради победы, которая и без этого якобы неизбежна для непобедимой армии.

Это были не просто досужие рассуждения. С такими отдельными явлениями приходилось встречаться в последующем, на войне. Мне представлялось, что И.В. Сталин высказывал тезис о том, что непобедимых армий не существует, не случайно. По-видимому, он имел здесь две цели: теоретически развеять миф о непобедимости немецкой армии – с одной стороны, и опровергнуть шапкозакидательские настроения, укоренившиеся в сознании некоторой части нашего общества в то время, – с другой.

– Во-вторых, – продолжал Сталин, – немецко-фашистская армия еще не имела перед собой достойного противника, способного переломать хребет ее бронированному чудовищу. Когда эта хваленая армия столкнется с по-настоящему сильной армией, она будет разгромлена наголову.

Он напрямик не сказал, что такой армией должна будет явиться именно Красная армия, само собой разумеется, что он имел в виду ее. В самом деле, в то тревожное время в мире не существовало армии, способной противостоять германским моторизованным армадам, кроме нашей Красной армии. В этом не было ни малейших сомнений. «Следовательно, нам придется помериться силами с кичащимися своей непобедимостью зарвавшимися фашистскими войсками», – подумалось мне.

– Говорить о непобедимости немецкой армии рано и в принципе неправильно, продолжал оратор. – Чем же объясняются успехи немецкой армии на данном этапе? – поставил вопрос Сталин. И тут же стал объяснять. Объяснение выглядело так.

Положение для немецкой армии сложилось намного благоприятнее, лучше, чем для французской или английской армии. А это очень важно, этого нельзя не учитывать. Здесь проявились глубокие причины. Наш великий учитель Владимир Ильич Ленин, особо подчеркнул оратор, как-то сказал, что разбитые, побежденные нации хорошо учатся. Со своей стороны я могу добавить, что и разбитые армии хорошо учатся. Так получилось и с Германией. Будучи разгромленной в Первой мировой войне, она извлекла горькие уроки из своего поражения, сделала необходимые выводы и создала мощные вооруженные силы, оснастив их современным вооружением и другой военной техникой. Под лозунгом реванша за поражение германская армия воспитывается в воинственном, захватническом духе, ей прививаются бесчеловечные, аморальные свойства, дух агрессии и порабощения других народов.

Вооруженным силам в Германии придается чрезвычайное значение: на их содержание, подготовку и развитие тратятся колоссальные средства. Стремление немецко-фашистских руководителей к установлению военной силой гегемонии в Европе, а затем и во всем мире превратило страну в гигантский военный лагерь. Все подчинено военным акциям, захвату чужих земель, разжиганию ненависти к другим народам, укоренению расистского мракобесия.

Упоенное легкими успехами, немецко-фашистское руководство потеряло голову и уверовало в свои безграничные военные возможности. Привилегированное положение военных в стране, особенно офицерского состава, необузданные грабежи и бесчинства в побежденных странах усилили завоевательские устремления немецких войск, утвердили в их сознании веру в безнаказанность и превосходство немецкой нации над другими народами.

Попустительство и уступки западных капиталистических держав, стремящихся направить Германию против Советского Союза, дали возможность ей захватить Западную Европу и мобилизовать весь ее военно-экономический потенциал для дальнейшего ведения агрессивных войн. Это намного усиливает военные возможности фашистской Германии. И все же фашистское руководство Германии ставит перед страной и ее вооруженными силами военно-политические цели, не соответствующие их реальным возможностям. Такая политика приводит к авантюризму, прикрываемому мифом о непобедимости.

Как бы ни развивались события в ближайшем будущем, в конце концов фашистская Германия будет разгромлена и поработенные народы Европы освободятся от фашистского ига.

– Какого же противника до сих пор имела перед собой германская армия? – продолжал развивать мысль И.В. Сталин. – Это устаревшие французская и английская армии. Франция и Англия, выйдя из Первой мировой войны победительницами, самоуспокоились, не извлекли из победы правильных уроков, слабо воспринимали новые явления, возникавшие с развитием исторического процесса и военного дела. Они смотрели не вперед, а назад, самодовольно упиваясь собственными победами. Эти страны не уделяли должного внимания своим армиям, переоценили свои захваченные благодушием армии.

Военные люди в этих странах оказались в самом невыгодном положении. Поэтому у них в армию шли и пополняли офицерский корпус только неудачники, которые не могли благополучно устроить свою жизнь в гражданских условиях.

Подчеркивая непопулярность армий в названных странах, победивших в Первой мировой войне, оратор со сдержанной улыбкой проиллюстрировал высказанную мысль примером.

– Ну, скажем, в Англии, например, дошло до того, что там порядочная девушка не выходит замуж за военного. Такое же примерно положение и во Франции. Это наглядно показывает положение там людей, посвятивших себя армии.

Эту часть своего выступления Сталин закончил тезисом, который я записал дословно. Он сказал: «Страна, которая не ценит и не любит свою армию, которая не готова носить ее на руках, не может иметь сильной армии».

Затем он коротко сказал о любви советского народа к Красной армии, об уважении у нас в стране к военнослужащим, о заботе о них. Чуть повысив голос, оратор отметил, что у нас лучшие люди идут в армию, становятся на защиту своей социалистической Родины, посвящая себя целиком военной службе, став красным командиром или политработником.

– Военная профессия у нас – профессия почетная. Делом чести считается военная служба, – закончил он эту часть выступления.

В последнем разделе речи И.В. Сталин остановился на внутреннем положении страны, назвав его прочным, и подчеркнул сложность обстановки в мире.

– Мы стоим на пороге большой войны, которой, по-видимому, избежать невозможно, – озабоченно заявил он. – Своей правильной политикой, и, в частности, договором с Германией о ненападении, мы выиграли определенное время. Но нам нужны хотя бы еще один-два года для перевооружения войск на новую боевую технику и освоение ее.

Подчеркнув необходимость всемерно повышать боеспособность Красной армии и флота и обратив внимание, не вдаваясь в подробности, на стоящие перед нами задачи, он выразил уверенность в мощи нашей армии и флота и что они справятся с возложенными на них задачами.

– А теперь, – закончил свое выступление И.В. Сталин, – товарищ Тимошенко приглашает вас на скромный товарищеский ужин.

Все вскочили с мест, и буря аплодисментов заполнила зал. Раздавались возгласы в честь товарища Сталина, партии, правительства. Овация долго не стихала. Аплодировали все, в том числе и Сталин.

Не спеша руководители ушли со сцены в ту же боковую дверь, что и вошли.

Взволнованные, с приподнятым настроением, с чувством гордости и собственного достоинства мы стали расходиться по банкетным залам, разыскивая свои места, указанные в приложенном к приглашению бумажном листочке.

5

Мне было определено место в Новом зале, уставленном длинными столами, покрытыми белоснежными скатертями. Красивая сервировка столов блистала непривычной роскошью. Тонкий фарфор и серебро слепили глаза. Столы, как говорится, гнулись от разнообразных закусок. Лежали и папиросы «Северная пальмира» без упаковки, россыпью, в длинных хрустальных папиросницах. Спиртных напитков на столах не было.

По обе стороны каждого стола садилось по десять человек. Когда все расселись, обнаружилось, что среди нас по краям стола оказалось два незнакомых человека в штатском. Это вызвало любопытство и стесненность. Кто эти люди и почему втерлись в нашу компанию? Началось перешептывание. Мы пришли к выводу, что эти свидетели были приставлены к каждому столу слушать наши разговоры и выяснять настроения. На вопросы, кто они и почему сидят с нами, они без тени смущения отвечали, что их роль – поддерживать компанию и помочь нам правильно ориентироваться за ужином в непривычной обстановке.

За спинами гостей стояли официанты – молодые мужчины в аккуратных одинаковых черных костюмах и с салфетками в руках. Они осведомлялись, что мы будем пить, предлагая водку, коньяк, виноградное вино. Я решил пить только шампанское, не смешивая его с другими напитками, чтобы не пьянеть. Как только бокал освобождался, официант наполнял его снова. Ужин был роскошный, и я многие блюда пробовал впервые.

Руководители партии и правительства во главе с И.В. Сталиным сидели в Георгиевском зале. Помещения были озвучены – и хорошо слышалось все происходящее.

Провозглашались тосты, произносились короткие речи. Сталин обращался к присутствующим несколько раз. Он предлагал выпить за Красную армию, Военно-морской флот, авиацию, персонально за некоторых военачальников; за адмирала Кузнецова он поднял тост за вечер два или три раза. На это обратили внимание. Но было непонятно – или он этим хотел показать особое внимание к этому незаурядному флотоводцу, или подчеркивал возросшую роль флота в стране. Оживление в залах нарастало, некоторые товарищи выходили из-за столов, подходили к другим столам и чокались с сидящими за ними. Кое-кто из руководителей пошел по залам, подходя то к одному, то к другому столу, поздравляя питомцев академий и высказывая добрые пожелания; пили с ними по рюмочке. Когда в наш зал вошел товарищ Мануильский, мы стали его качать, осторожно подбрасывая чуть ли не до потолка.

Ужин проходил в теплой и дружеской обстановке. Кое-кто хватил лишнего и шумно высказывался, не обращая внимания на подсадных в штатском. Те слушали, наблюдали, но в разговор не вмешивались.

Руководители как-то незаметно ушли. Дело близилось к концу. Я с двумя товарищами выбрался из помещения, когда многие еще не подавали виду, что пора сматываться, чтобы пройтись по территории Кремля, прежде чем отправиться домой. Хотелось взглянуть на Царь-пушку и Царь-колокол. Там, где стояли эти реликвии, освещалось слабо. Как только мы остановились у Царь-пушки, возле нас возник человек в штатском и заявил, что здесь стоять нельзя. После сдержанной дискуссии со стражем порядка мы вышли из кремлевских ворот на Красную площадь.

6

Сообщение о речи Сталина на приеме в Кремле 5 мая 1941 года вызвало живой интерес мировой прессы. Иностранные корреспонденты сбивались с ног, стараясь выяснить содержание этой речи, имевшей важное значение, произнесенной фактическим руководителем Советского государства и вождем советского народа перед командирами Красной армии в

неспокойное время Второй мировой войны, вмешательство или втягивание в которую Советского Союза должно будет оказать решающее влияние на ее дальнейший ход и окончательные результаты.

Но эта речь так и не появилась на страницах газет ни в нашей стране, ни за границей. Сенсации не было. Сообщение о ней ограничилось заметкой в газете «Правда» под заголовком: «Торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии».

Даже такой известный английский журналист, как Александр Верт, в своей книге «Россия в войне 1941–1945», написанной много лет спустя, упоминая об этом выступлении И.В. Сталина, смог привести только выдержку из упомянутой заметки в газете «Правда», где было сказано: «Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие изменения, происшедшие в последние годы в Красной армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, окончивших военные академии, и пожелал им успеха в работе. Речь товарища Сталина продолжалась около сорока минут, была выслушана с исключительным вниманием».

Приведя эту выдержку из советской газеты, Александр Верт заметил: «Ясно, что за 40 минут он сказал гораздо больше, чем только это».

Иностранный корреспондент был прав.

Глава 6 Накануне

1

«Южный экспресс» плавно отошел от Курского вокзала и развивал скорость, оглашая окрестность продолжительными гудками локомотива, время от времени выдыхающего белесые шлейфы пара. По обширным просторам полей ползли трактора, завершая весенний сев. В бело-розовом убранстве просматривались стройные ряды фруктовых деревьев. Весна была в самом разгаре, прозрачно дымясь над пахотой и сочно позеленевшими рощами. После длительного бега поезд останавливался на больших станциях, проскакивая без замедления хода второстепенные и быстро мелькавшие полустанки. На остановках пассажиры выходили из вагонов подышать свежим воздухом и запастись продовольствием и прохладительными напитками в вокзальных буфетах и на пристанционных базарах. Обстановка выглядела обычно, спокойно. В залах для транзитных пассажиров и у билетных касс толпились весело настроенные и прилично одетые люди. Многие были с детьми, преимущественно дошкольного возраста. Ехали в отпуска, командировки, на курорты, в гости к родственникам. Наступавшее лето тянуло жителей северных городов на благодатный юг, к морю. В общем, жизнь текла мирно, деловито, ритмично. Поезда проходили точно по расписанию. Ничто предвоенную обстановку не напоминало.

Но я смотрел на все это по-своему, охваченный размышлениями о прошлом и будущем. В неизбежности в ближайшее время войны у меня не оставалось ни малейшего сомнения. Но я верил в силу нашего Советского государства, в победу над врагом, если он осмелится напасть на нас. Однако я не был большим оптимистом в этом вопросе и не верил в быструю и легкую победу. Опыт недавних войн и военных конфликтов в Испании, в Финляндии, у реки Халхин-Гол, который мне пришлось изучать и осмысливать, раздумья над участью Польши и Франции, а также теоретическая учеба в академии и впечатления от речи И.В. Сталина на приеме не позволяли разделять суждения некоторых легковверных оптимистов о том, что наши братья по классу, то есть трудящиеся капиталистических стран, не только не станут воевать против нас, а наоборот, с нападением империалистов на страну социализма повернут оружие против собственной буржуазии и совершат пролетарскую революцию чуть ли не во всем мире. Я ясно представлял себе сложность отношений между государствами и нациями, между их политическими группировками, силу пропаганды и обмана правящими классами трудового народа, насилия над ним. На основе изучения марксистско-ленинской науки, военной истории и сущности гражданской войны в нашей стране я в общем-то знал рычаги, толкающие народные массы друг против друга, нередко ради чуждых им интересов. И в то, что трудящиеся капиталистических стран не пойдут на нас войной в составе армий своих государств, я не верил. Да это в последнее время и не муссировалось пропагандой. Современные войны ведутся массовыми армиями, которые нельзя создать из одних эксплуататоров. Правящие классы гонят в бой прежде всего трудящихся. Это ясно. В самом деле, если бы дело обстояло именно так, как иной раз утверждали упомянутые выше сверхреволюционные оптимисты, то капиталисты не решились бы на войну с нами. Разве в Испании на стороне Франко воевала только буржуазия, разве в японских дивизиях, напавших на МНР в 1939 году, были одни капиталисты? – рассуждал я. Нет, дело обстоит куда сложнее. При капитализме народ своей судьбой до поры до времени не распоряжается, он не волен уклониться от войны другим путем, кроме как революционным.

Но для этого должна созреть революционная ситуация, вспоминалась теоретическая трактовка. Ведь войну подготавливают и развязывают, а следовательно, и ведут правительства, а исполнителем ее, живым материалом, пушечным мясом является народ, главную массу которого составляют трудящиеся. Как в производстве материальных благ, так и на войне главная и основная тяжесть ложится на плечи трудового народа. Правительства и правящие классы располагают многими и разнообразными средствами и способами, чтобы бросать в пожарище войны если и не все, то почти все способное воевать население. Ведь немецко-фашистская многомиллионная армия состоит преимущественно из трудового народа, одурманенного нацистским угаром и направляемого рычагами принуждения и террора, а также заманчивыми посулами.

Да, думалось, война приближается и будет она нелегкой – на то и война!

Для меня, как и для большинства, а может быть, и всех моих товарищей по академии, было почти несомненным – это красной нитью проходило во всей нашей учебе и прививалось в политическом воспитании, – что мы будем воевать только на чужой территории, что мы в ответ на нападение перейдем в наступление и будем наступать вплоть до полного разгрома врага. Оборона может иметь место только как вынужденное, временное явление, когда наступление или невозможно, или нецелесообразно в то или иное время, на том или ином направлении. Победа может быть достигнута только решительным наступлением, завершаемым уничтожением или пленением живой силы противника.

«Мы чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому», – вспоминался оптимистический тезис. И все же снова и снова вставали во весь рост вопросы: когда же грянет война, как это произойдет, как она сложится, сколько времени будет продолжаться? Что ожидает самого меня? Сомнений же в нашей победе не возникало: таких мыслей нельзя было допустить. И их не было.

Я снова воспроизводил в памяти речь И.В. Сталина, готовясь к ее пересказу в штабе округа.

Мои нестройные рассуждения в пути не были признаком ни отчаяния, ни робости, ни уныния перед лицом надвигающихся великих событий. Наоборот, настроение было приподнятым. Для профессионального военного это даже интересно и захватывающе – применить на практике свои знания, выполнить долг перед Родиной, свершить воинский подвиг, отдав дань своей военной профессии сполна. Это, как мне представлялось, возможно только на войне. И все же войны не хотелось.

Страна восстановила, наладила и подняла народное хозяйство, установила порядок. Люди стали жить хорошо, трудятся с радостью, духовно развиваются и довольны своим положением, жизнью, результатами труда. А война, безусловно, затормозит на какое-то время наши великие стройки, отвлечет от мирного труда много людей, поглотит массу материальных средств, вызовет человеческие жертвы и разрушения, наплодит сирот и оставит вдов. Не хотелось, чтобы люди снова стали жить хуже. Даже небольшая война с Финляндией заметно повлияла на положение в стране, нарушила в известной мере нормальный ход жизни, вызвала трудности. Это я знал. Война же с Германией – совсем другое. Это вступление нашей страны во Вторую мировую войну со всеми вытекающими последствиями, академически рассуждал я, стараясь мысленно представить эти последствия. Конечно, я не мог даже приблизительно нарисовать себе картину напряжения, жертв и страданий, разрухи и разорения, которые потом принесла нашему народу и каждому из нас эта гигантская бойня.

Поезд был радиофицирован, и, погружаясь в раздумье, я старался не пропустить ни одной передачи последних известий: динамик в купе держал все время включенным. И вот по радио передали сообщение о назначении товарища Сталина председателем Совета народных комиссаров. Из зачитанного диктором указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1941 года следовало, что генеральный секретарь ЦК нашей партии И.В. Сталин ста-

новится отныне одновременно и главой правительства. Этот факт говорил о многом и был логичным в создававшейся обстановке. Теперь вся исполнительная власть в государстве и в партии сосредоточивалась в одних руках. На случай войны такой акт необходим. Значит, Сталин возьмет на себя непосредственное руководство вооруженными силами, а если начнется война, то и ее ведением. Давно минули те времена, когда для ведения войны правительство назначало главнокомандующего и поручало ему ведение военных действий, целиком полагаясь на его волю и способности, но ограничивая его власть, если она выходила за рамки театра военных действий. Теперь это невозможно. Вся полнота власти в современной войне должна быть сосредоточена в одних руках, предоставляя возможность без всяких прений и борьбы мнений объединить усилия государства и направить их на достижение победы. Олицетворять такую власть должен один человек. Вот таким человеком и будет у нас И.В. Сталин, с гордостью констатировал я. Именно ему, с его железной волей, мудростью, революционным опытом и непоколебимым авторитетом в народе и армии, должна принадлежать эта великая роль. «Счастье наше, что у нас есть Сталин – верный продолжатель дела великого Ленина», – проплывала в памяти многократно слышанная фраза.

Как уже упоминалось выше, я не верил в легкую и быструю победу над фашистской Германией, стоявшей в авангарде мирового империализма. Это неверие не было случайным и не вытекало из досужих умствований, тому были веские причины.

По службе мне приходилось вплотную сталкиваться с мобилизационной работой и с оперативным планом округа, и я хорошо знал, что нам еще многое надо было сделать по повышению боевой способности и боеготовности войск и штабов.

Развертывание дивизий и специальных частей до штатов военного времени предусматривалось за счет призыва из запаса большого количества личного состава, обученность которого была далеко не достаточной, на обучение и сколачивание соединений и частей требовалось немалое время. Планировалось изъятие из народного хозяйства автомобилей, тракторов, конского состава. Имевшегося на складах округа вооружения с трудом хватало для мобилизационного развертывания войск первой очереди. Подавляющее большинство солдат должно было вооружаться винтовками и карабинами. Автоматов и зенитных средств почти не было. Кавалерийские дивизии округа, кроме одной, расформировывались, и их личный состав обращался на укомплектование формировавшихся танковых и механизированных войск. Кавалеристов предстояло переучивать на танкистов. Не хватало танков, автомобилей, особенно специальных. Основная часть артиллерии, кроме тяжелой, оставалась на конной тяге. Новые самолеты только начали поступать в авиационные части небольшими партиями. Шло переучивание летчиков...

В памяти было свежо, что в академии мы изучали принятую в Красной армии организацию войск и построение наступления и обороны; много времени уделялось встречному бою. В основу был положен действовавший тогда новый Полевой устав, в целом, как потом подтвердилось, правильно отражавший требования современного боя. Некоторые параграфы устава требовалось знать наизусть. Помнились и преподанные нам новые принципы построения активной обороны, изложенные в небольшой красной книжке. Этот сугубо секретный труд содержал выступление перед высшим командным составом наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Одним из вариантов боевого порядка войск в обороне предусматривалось, что в первом эшелоне должна находиться одна треть сил и средств, а две трети в глубине. Таким построением достигалась глубина обороны и ее активность; силы второго эшелона могли использоваться как для занятия позиций в глубине на направлении главного удара противника, так и для нанесения контрударов или контратак, что соответствовало требованиям, обеспечивающим устойчивость обороны.

Но вопросы отступления, ведения боя в окружении и выхода из него фактически не изучались. Такие пробелы в обучении наши военные кадры трагически ощутили уже в самом

начале нагрянувшей войны, когда пришлось столкнуться с роковой неожиданностью. Но это было потом. А теперь, в купе классного вагона быстро несущегося поезда, вспоминались до малейших подробностей недавно прошедшие события и бытовавшие лозунги. Над крылатым лозунгом «Ответим двойным ударом на удар поджигателей войны» пришлось призадуматься особо. Он вызывал настороженность и казался сомнительным. Точнее, я никогда не был с ним согласен. Тогда я стоял в оппозиции к этому лозунгу и порой вступал в жаркие споры с товарищами по его опасному, как мне казалось, существу. Свои суждения я обосновывал так: ударить первым гораздо надежнее, чем ответить ударом на удар. Представим такую картину. Два человека вступили в противоречия, приводившие к неизбежной драке. Один из них норовит воспользоваться нерешительностью и оплошностью другого и наносит удар первым. Второй же, полагаясь на свою силу и не желая быть обвиненным в агрессивности, решил ударить только после того, как первый развяжет драку, то есть ударит первым. Второму в этом случае ничего не останется, кроме как ответить ударом на удар. И вот первый наносит удар в лицо второго. Тот падает навзничь, ударяясь затылком о мостовую, и подняться не может. Драка этим и ограничивается, ответного удара не последовало. А если первый к тому же воспользуется ножом, кастетом, камнем? Чем можно оправдать риск, который может привести к невозможности ответить ударом на удар? Тем, что ты не будешь обвинен в агрессивности? А что это даст? Разве этим можно оправдать поражение? Да и обвинять-то будет не побежденный, а победитель. Ведь победителей не судят. Следовательно, если есть какой-то смысл принять на себя первый удар, то это может быть в какой-то мере оправданно только тогда, когда выжидавшая сторона уверена, что после принятого удара сохранит силы, достаточные для более сильного ответного удара. Такой случай между сильными противниками маловероятен, хотя, конечно, и не исключен. Но, как правило, дает себя ударить первым только противник, не уверенный в своих силах, в победе, надеясь до самого последнего момента избежать драки вообще. Это было мое кредо, хотя, может быть, оно и покажется кое-кому наивным. Сторонников у меня почти не находилось, но противопоставляемые моим утверждениям доводы не были убедительными. Мысль в связи с этим переносилась к соотношению наступления и обороны.

По тогдашним взглядам, для наступления требовалось примерно тройное превосходство в силах. Оборона считалась вынужденным видом борьбы, когда сил для наступления недостаточно. Но появление новых, более мощных средств подавления несколько меняло это положение. Истинное военное искусство выражалось в том, чтобы равными или даже меньшими силами разбить большие. История вооруженной борьбы знала такие примеры. Но при всем этом мне представлялось, что обороняющийся всегда оказывается в более невыгодном положении, чем наступающий. Ведь нападающий сам определяет момент и место нападения, независимо от воли обороняющегося. Он накапливает, собирает и готовит для этого необходимые силы и средства, тщательно планирует боевые действия. Вряд ли он нападет до того, как соберет нужные силы и достаточно, по своей оценке, подготовится к нападению. Наряду с этим нападающий будет стремиться застигнуть обороняющегося в тот момент, когда последний не успел подготовиться к обороне. Как же должен вести себя обороняющийся в этом случае? Не подготовленная к вооруженной схватке сторона, по всей вероятности, будет вынуждена искать способ выиграть время, необходимое для подготовки к продолжению борьбы. Она волей-неволей должна уклоняться от сокрушительного удара за счет отступления и временной потери территории, стремясь этой тяжелой ценой уберечь от разгрома имеющиеся силы и накопить новые в нужном размере. Только после этого жертва нападения может наносить ответные удары в расчете на победу. Военная история зафиксировала подобные явления. Но было и такое, когда жертва нападения так и не могла оправиться от первого удара и потерпела полное поражение, ибо напавший не позволил ей выиграть время и собраться с силами. Такие случаи неединичны. Разгром Германией Польши и

Франции подтверждает это со всей наглядностью. Эта простая и очевидная, казалось бы, истина на деле становится не такой уж простой. С огорчением я отмечал, что в академии не рассматривались эти вопросы в таком аспекте. Но при чем тут академия? В ней преподавалась тактика подробно, а оперативное искусство только в общих чертах. Такой профиль академии.

А вопрос, над которым я размышлял, – это большой государственный и военно-стратегический вопрос. Руководство страной и вооруженными силами, наверное, учитывает это, успокаивал я себя предположением. Да и Академия Генерального штаба, по-видимому, не стоит в стороне от этого. Ведь она готовит высший командный и оперативный состав. Планы войны разрабатываются в Генеральном штабе. И там знают, что делают.

Мое служебное положение, возраст и неискушенность в военно-стратегическом плане не позволяли знать святыню святынь Генерального штаба – плана ведения будущей войны, замысла первых операций, расстановки сил и т. п. И все же у меня, оперативного работника окружного аппарата, прочитавшего немало трудов по военной истории, не могло не сложиться определенного умозаключения о вероятном плане первого периода надвигавшейся войны.

Исходя из принятой у нас в то время военной доктрины и учитывая миролюбивую политику нашего государства, я представлял план действий следующим образом. Агрессор, нанеся удар первым, может на определенных направлениях вклиниться на нашу территорию на ту или иную глубину: это, видимо, неизбежно и должно быть предусмотрено планом. Создав заранее зону прикрытия в приграничной полосе, наше командование наверняка рассчитывает, ведя сдерживающие бои в этой зоне выделенными для этой цели войсками, выиграть потребное время, определить группировки вражеских войск и направления их главных ударов, остановить вторжение на заранее подготовленном рубеже. Одновременно создаст ударные группировки в предусмотренных планом районах и перейдет в наступление, охватывая с флангов силы противника и глубоко проникая в его расположение, переносит действия на его территорию, отсекает их и уничтожает. Временно потерянные районы освобождаются, и война ведется до победного конца на территории агрессора. Важно не удержаться во что бы то ни стало всю местность, а разгромить группировки вражеских войск, тогда территория придет сама по себе. Так, если выразить в нескольких словах, мне представлялось наше военное будущее.

И меня не страшила война. Тревожило только одно: смогу ли с честью и достоинством справиться с возлагаемой на меня задачей. Я был морально готов на любые испытания, лишь бы не ударить лицом в грязь. Я сознавал, что победа зависит от каждого из нас, воинов Красной армии, и всех, вместе взятых; свою долю в победу должен внести каждый красноармеец и каждый командир и политработник, проявляя на практике готовность умереть за Родину, за партию, за коммунизм. Этого от нас будут ждать партия и правительство, народ, родные и близкие. Такими были мои размышления в пути. С ними я прибыл в штаб округа к месту службы. Они четкой гранью ложились между прошлым и будущим. Академический курс остался позади, и наступала практическая живая работа в войсках накануне военных событий.

2

Представляюсь и. о. начальника оперативного отдела штаба округа полковнику Ивану Ивановичу Воробьеву в связи с окончанием академии и прибытием к месту службы. Он повертел в руках диплом и тепло меня поздравил. Рассказ о приеме в Кремле и выступлении И.В. Сталина вызвал у полковника живой интерес.

– Ну и какой же вывод? Будет война? Нападут на нас немцы? – в упор поставил вопросы полковник после короткого раздумья.

– На приеме об этом прямо сказано не было, но по всему видно, что дело идет к тому.

– Сводки Генерального штаба подробно освещают концентрацию германских войск вблизи нашей западной границы. Вряд ли это подходящее место для отдыха, как сообщают газеты, – как бы про себя проговорил Воробьев. – Мы тут кое-что делаем по подготовке округа на случай чрезвычайных обстоятельств. Но мы далеко от границы, округ наш внутренний, и по нему судить что-либо трудно. Вы ехали поездом. Ничего не замечали особенного на железных дорогах? Я имею в виду воинские эшелоны, – допытывался опытный и неплохо информированный оператор.

– Ничего не приметил, все как обычно.

– Плохо смотрели. Оператор должен видеть и то, что другие не замечают. Эшелоны с войсками идут на запад почти непрерывно. Мы тоже скоро начнем погрузку войск. Готовьтесь к напряженной работе. Я доложу о вашем рассказе по команде, – сказал полковник и вышел.

Пришлось много ходить от одного начальника к другому и рассказывать, побывал почти у всех прямых и непрямых начальников. Меня слушали затаив дыхание и ставили вопросы, на которые я ответить не мог, оправдываясь тем, что пересказываю только слышанное.

Командующему округом И.С. Коневу представиться и доложить не пришлось. В штабе он бывал редко, больше мотался по дивизиям и учебным лагерям. Начальник штаба генерал-майор П.Н. Рубцов обещал доложить о моем рассказе командующему со всеми подробностями.

Меня включили в группу по проверке боевой готовности войск. Дивизиям объявлялась боевая тревога с выводом в районы сосредоточения, проводились с ними учения и занятия, в том числе отрабатывалась погрузка в железнодорожные эшелоны.

Присматриваясь к действиям командиров, штабов и войск, к выявлявшимся недостаткам, я пытался представить себе, как эти боевые организмы будут функционировать в бою, какие последствия могут на деле иметь отмечаемые недостатки, хватит ли времени на их устранение. Мы проводили в войсках буквально дни и ночи.

Дивизии первой очереди уже были развернуты до штатов военного времени, впитав в себя большое количество личного состава, призванного из запаса – разных возрастов и с разной подготовкой. Боевому сколачиванию частей и подразделений придавалось особое значение. Но не всегда дело шло гладко, многое еще надо было сделать.

Припоминается такой случай. Один из полков 38-й стрелковой дивизии, дислоцировавшийся в Ростове, после напряженного тактического учения в середине дня возвращался в город пешим порядком. Жара и духота отбирали у людей последние силы. Бойцы и оружие покрылись слоем едкой пыли, заполнявшей воздух и долго не оседавшей. Гимнастерки пропитались солью от обильного пота и торчали, как жестяные. Вместе с командиром полка полковником Ф.И. Грызловым мы ехали верхом на лошадях, наблюдая за маршем. Наше внимание привлекло грубое нарушение воинской дисциплины и порядка. Одна из батальонных колонн, проходя мимо стоявшего у дороги, по-видимому испорченного и оставленного в поле комбайна, нарушив строй, смешалась и бросилась к нему. Солдаты, отталкивая друг друга, хватали пригоршнями и с жадностью пили застоявшуюся в комбайне протухшую дождевую воду. Командир полка, смущаясь меня, как представителя высшего штаба, попытался навести порядок и построить людей. Это ему не удалось, ни строгие команды, ни окрики никакого воздействия не возымели. Рядовые и младшие командиры, да и некоторые командиры взводов, призванные из запаса, явно уклоняясь от выполнения команды постро-

иться, беспорядочно побрели полем по направлению к городу, стремясь самостоятельно, без строя, добраться до военного городка.

На мои замечания о том, что личный состав полка не натренирован переносить физические тяготы и трудности, вызванные усталостью и жарой, и что наблюдаемое явление недопустимо, полковник Грызлов стал оправдываться тем, что люди недавно призваны из запаса и еще не усвоили требований военной службы. Кадровые красноармейцы такого себе не позволяют, утверждал он, хотя среди нарушителей порядка были и кадровые солдаты, и младшие командиры.

В штабе я доложил об этом неприятном эпизоде командующему, принимавшему доклады от каждого посредника. Генерал принял мой доклад близко к сердцу и назначил расследование. Крутой характером и бывалый военачальник посчитал случившееся плохим сигналом, говорящим о том, что командиры легко теряют управление подчиненными, усмотрел прямое коллективное неповиновение, что недопустимо. Указанный случай, как явление крайне отрицательное, командующий неоднократно упоминал на разборах учений и проверок.

Как-то вызвал меня полковник Воробьев и поручил разработать план проведения армейского учения на тему «Марш-маневр общевойсковой армии на большое расстояние».

– Вы только что окончили академию, вам и карты в руки, – с улыбкой заметил он, не разясняя подробно смысла задания.

Ушел я в растерянности. Как составить разработку такого учения, я толком не знал, но признаться не решился. С досадой вспомнилось, что подобной задачи в академии мы не решали. «Учили тому, что нужно на войне, – передразнил я выступавшего в Кремле генерала Смирнова, – прав был товарищ Сталин, упрекнувший докладчика».

Подобрав комплект топографических карт и покопавшись в секретной библиотеке, я обнаружил книжку генерала Исаева, изданную Академией Генерального штаба, с точно таким названием, как и моя тема. Заполучив, как говорится, первоисточник, скрываясь от постороннего глаза в запертом изнутри кабинете, за несколько ночей я изучил этот выручивший меня полезный труд. Все стало ясно, и я взялся за работу. Долго мучился с расстановкой дивизий на карте: никак не мог расположить их с учетом всех уставных требований. Местность казалась совсем не подходящей для размещения войск: дорог мало, естественная маскировка скудная, водоисточников недостаточно, сеть проводных линий связи мизерная, выходы к станциям погрузки тяжелой техники в эшелоны неудобны...

Заходит полковник Воробьев.

– Ну как, мучаемся? – поинтересовался он. – Бывает, особенно с неопытным оператором. Все бывает. Привыкайте.

Я рассказал о своих затруднениях.

– А вы не мудрствуйте от лукавого, расставляйте войска как хотите. На войне положение может сложиться самым непредвиденным образом, так что и предположить заранее невозможно, – поучительно, но в шутливом тоне разяснил он неискушенному в таких делах оператору.

– Но ведь неразумно загонять войска в неподходящие районы даже на войне, – с досадой возразил я.

– Ну и не загоняйте! Кто или что вас принуждает? Подумайте. Принципы военного искусства требуют от командиров и их штабов ставить свои войска в более выгодные условия по отношению к противнику, грамотно оценивая и используя разнообразные условия местности и обстановки. Способности найти эти условия и есть талант оператора. Но этому на войне есть всегда серьезная помеха – это противник, который разбирается в делах не хуже нас и тоже всегда стремится к тому же, что и мы. Победа достигается не только численным превосходством и хорошо организованным боем, но и разумным маневром войсками. Война

– акт не односторонний, дорогой «академик», – иронически заметил полковник и удалился, не дав тем самым задавать вопросы.

Через несколько дней изнурительной работы, консультаций со специалистами родов войск и служб, с помощью их справок и расчетов проект «Плана марш-маневра армии на большое расстояние» с комбинированными перевозками был готов. Он был исполнен на картах с расчетными и графическими выкладками и с приложенной подробной пояснительной запиской. Разработка была одобрена и принята без существенных замечаний. Я выдержал первое испытание, как штабной командир-оператор с высшим военным образованием. Правильно сказал на приеме Михаил Иванович Калинин, что по-настоящему придется учиться на практической работе в войсках и штабах после окончания академии, – с теплотой вспомнилось его напутствие.

Выполнив одно задание, я сразу же получил второе. Вызывает начальник штаба округа генерал-майор Рубцов и ставит задачу:

– Завтра вы отправляетесь в командировку в Москву. Отвезете совершенно секретный пакет начальнику Генерального штаба генералу Г.К. Жукову. Берегите как зеницу ока. Закажите отдельное купе, возьмите двух солдат для охраны – и в путь. Пакет получите у начальника оперативного отдела. Задание простое, но ответственное. Для надежности такие документы полагается доставлять нарочным, а не через спецсвязь.

– Могу ли я ознакомиться с содержанием документа? – спросил я.

– Это совсем не обязательно. Но я удовлетворю ваше любопытство для повышения ответственности. В пакете – донесение и карта с уточненными характеристиками аэродромной сети округа.

На Курском вокзале меня встретил на машине офицер и вместе с охраной доставил на улицу Фрунзе, 19. Оставив солдат в бюро пропусков и получив специальный пропуск, я отправился в здание Генштаба. Офицер сопровождал меня в кабинет начальника Оперативного управления. После моего доклада о цели прибытия чистенький и холеный на вид генерал вызвал по телефону офицера из канцелярии и приказал ему принять от меня пакет. Я наотрез отказался передать пакет не тому, кому он адресован. Тогда разгневанный генерал согласился лично расписаться за пакет. Но я и ему пакета не дал. Это удивило генштабиста, и он, не скрывая возмущения, спросил, чего я в конце концов хочу. Я ответил, что пакет передам только тому лично, кому он адресован, – начальнику Генерального штаба.

– Начальник Генерального штаба занят и не может заниматься пустяками. Он вас не примет! Вы это можете понять?

– В таком случае я повезу пакет обратно, – упорствовал я.

– Что за дикость! – смущенно посмотрел на офицера из канцелярии генерал и поспешно вышел из кабинета. Я последовал за ним, но он приказал ждать в приемной. Вскоре он возвратился и приказал мне следовать за ним. Вошли в просторный, отделанный полированным деревом кабинет, в нем никого не было.

После двух-трех минут ожидания в глубине кабинета открылась дверь и появился начальник Генерального штаба генерал Г.К. Жуков, этого человека мне приходилось видеть со стороны, и я узнал его. Он протянул мне руку и с веселым видом спросил:

– Это вы хотите лично мне вручить пакет?

– Так точно, товарищ генерал! Пакет адресован вам, – отрапортовал я, смутившись.

– Ну раз вы не доверяете моим помощникам, давайте я распишусь за ваш пакет. Принимайте пакет! – обратился он к вошедшему вместе со мной генералу. – Когда вы едете обратно? С вами есть охрана? – поинтересовался вдруг высокий начальник.

– Ближайшим поездом сегодня ночью. Со мной два солдата, – отвечаю.

– А вы с этим поездом отправьте охрану, а сами пару дней погуляйте в Москве, посмотрите столицу, а потом поедете. Я разрешаю, – закончил Жуков разговор и ушел за письменный стол.

Я воспользовался случаем и побывал у московских приятелей.

3

В штабе округа я застал большие перемены. Командующий округом генерал-лейтенант И.С. Конев и выделенное из состава штаба округа Полевое управление 19-й армии, предусмотренное мобилизационным планом, убыли на Украину. Грузилась в эшелоны и отправлялась туда же основная часть войск, предназначенных в состав 19-й армии. Командование округом возглавил генерал-лейтенант Рейтер – заместитель командующего. За начальника штаба остался полковник Бармин, а обязанности начальника оперативного отдела исполнял майор Успенский. Штаб округа значительно опустел, людей осталось мало, работы не убавилось. Шло формирование большого количества частей и учреждений, продолжалась погрузка в поезда и отправка войск и органов тыла, уточнялись планы дальнейшего мобразвертывания.

В штаб округа было призвано несколько десятков офицеров из запаса, большая часть из которых убыла в 19-ю армию. Оставшиеся в штабе не имели необходимой подготовки и только знакомились с возложенными на них обязанностями. Из боевых соединений в округе оставалась одна стрелковая дивизия и военные училища.

Вначале генерал Конев, приняв на себя командование 19-й армией со штабом в Черкассах, формально оставался и командующим округом. Почти ежедневно из Черкасс приходили телеграммы с требованием отправить тех или иных офицеров в 19-ю армию. Поговаривали, что И.С. Конев спешит выдернуть из округа побольше офицеров, пока его власть на округ не прекратилась. Генерал Рейтер в отношении отправки некоторых офицеров, не предусмотренных планом, сопротивлялся как мог, но это ему почти не удавалось – и офицеры убывали. Вызванные офицеры были рады попасть в действующую армию и уезжали с большим желанием. Штаб округа все больше оголялся. Остававшиеся огорчались, считая себя ущемленными, и опасались, что в случае войны они обречены на сидение в глубоком тылу; даже их жены были недовольны и чувствовали себя в неудобном положении. Кто мог тогда предполагать, что война докатится до Ростова-на-Дону и далее на восток, что всем достанется навоеваться, да еще как! Майор Успенский сообщил, что по плану я остаюсь в штабе округа. Я считал себя обиженным, но ничего изменить было нельзя. Мой рапорт о направлении в армию генералом Рейтером был отвергнут с возмущением. Вызова от генерала Конева на меня не было, и я продолжал работать в оперативном отделе, где, кроме меня, было три офицера. Работа шла с большим напряжением. Часто приходилось сутками дежурить у аппарата правительственной связи «ВЧ» в кабинете командующего, ездить в другие гарнизоны, корпеть над бумагами. Некогда было сходить даже на обед.

Как-то после моего возвращения из академии начальник артиллерии округа генерал-майор артиллерии И.П. Камера спросил, почему я не возвращаюсь в артиллерию: ведь он в свое время согласился отпустить меня в оперативный отдел штаба округа только до окончания академии. Во мне вспыхнула надежда вернуться к артиллерийской профессии, к чему я стремился. Я ответил генералу, что это зависит не от меня, и просил его посодействовать. Одновременно я обратился к своему начальнику по этому вопросу. В переводе в артиллерию мне отказали по тем мотивам, что я окончил общевойсковую академию. Пришлось продолжать службу в общевойсковом штабе, не оставляя надежду вернуться к любимому делу при удобном случае.

Время от времени мне удавалось знакомиться с получаемыми округом информационными бюллетенями Генерального штаба. В них содержалась информация по военным действиям в Европе и о положении в германской армии. Особенно подробно излагались сведения по немецко-фашистским войскам, прибывающим к нашим западным границам в бюллетенях Главного разведывательного управления Генерального штаба. Мы с большим интересом читали эти информации и живо их обсуждали. В них, в частности, сообщалось, какие армейские корпуса и дивизии немцев и в каких районах вблизи наших границ сосредоточены, их состав, организационная структура, вооружение, наименование, фамилии и краткие характеристики руководящего командного состава. Было совершенно ясно, хотя об этом прямо и не говорилось, что эти войска, захватившие почти всю Западную Европу, предназначались для нападения на нашу страну и выводились на намеченные направления, занимая исходные районы. Мы, в своем далеком от возможных районов военных действий внутреннем округе, не знали, какие контрмеры принимаются высшим командованием и приграничными округами, но были уверены, что все необходимое делается. Отправка на Украину 19-й армии с Северного Кавказа наглядно свидетельствовала о том, что мы не сидим сложа руки. К тому же до нас доходили отрывочные сведения, что и другие внутренние округа, вплоть до Урала и Сибири, от мобилизовывали и отправляли целые армии к западным границам – в Белоруссию и на Украину. Поэтому опровержениям в нашей печати слухов о готовящемся нападении Германии на Советский Союз мало кто из нас верил. И все же эти официальные опровержения вносили определенное успокоение.

Время совершало свой неумолимый ход. Планомерная отправка 19-й армии на Украину близилась к концу. Склады вооружения, боеприпасов, продовольствия и обмундирования опустели, но военные городки и учебные лагеря – Абинские, Персияновские, Саратовские (они назывались по ближайшим станицам) – не пустовали. В них собирались люди, облачались в военную форму, распределялись по командам, подразделениям, частям и учреждениям и проходили обучение.

Предвоенная обстановка нарастала, ее скрыть было невозможно. Но войны пока не было, и работа в штабе округа стала принимать более плановый характер. Кое-кому удавалось, хотя бы частично, пользоваться выходными днями, особенно второстепенным офицерам и вольнонаемным служащим. Среди гражданского населения никакой тревоги не ощущалось, люди мирно трудились, шли в очередные отпуска, ехали в гости. Черноморское побережье было запружено отдыхающими, курорты не пустовали. Но вопросы, будет ли война, ставились все чаще и настойчивее. Из Магнитогорска приехала навестить меня мать с маленьким братом. В первый день войны с большим трудом удалось посадить ее в вагон и отправить домой. Это было днем позже.

В субботу, 21 июня 1941 года, – последний день мира – я пришел с работы, как всегда, поздно и сразу лег спать.

В воскресенье, 22 июня, было разрешено отдыхать и на службу не приходить.

Часть вторая

Армия, не вернувшаяся с войны

Глава 1

В первые дни войны

1

Воспользоваться разрешенным выходным днем в воскресенье, 22 июня, не пришлось. Часов в восемь утра, когда я уже был на ногах и в ожидании завтрака рылся в «Библиотеке командира», выбирая, что бы почитать из истории военного искусства, за входной дверью раздался звонок. Запыхавшийся красноармеец, неловко поправляя сползающую с плеча винтовку, сообщил, что меня вызывают в штаб. Выяснить у связного причину вызова смысла не было: он или не знал, или если что-либо и знал, то все равно не сказал бы. Инструкция запрещала посыльным тратить время на рассуждения. Чтобы ориентироваться, объявлена ли боевая тревога, или я просто понадобился в штабе, я осведомился у связного, кого, кроме меня, он уже оповестил и кто еще не оповещен. Он молча протянул мне список офицеров штаба, которых ему поручено оповестить. В списке значилось 10 офицеров, проживающих в том же, что и я, доме и поблизости. Зная установленный порядок, нетрудно было догадаться, что штабу объявлена боевая тревога, но почему-то не сигналом, а простым оповещением.

В полевой форме, при походном снаряжении и с чемоданом, укомплектованным положенными предметами, я прибыл в штаб. Многие явились раньше и получали пистолеты и противогазы. Однако суеты, какая бывает при сборе по тревоге, не наблюдалось. Было видно, что общая боевая тревога штабу не объявлялась, сбор офицеров проводился распорядительным порядком. Оперативный дежурный, отмечая по списку прибывающих, сообщал, что генерал-лейтенант М.А. Рейтер собирает на совещание, но время будет объявлено дополнительно.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и нас пригласили к майору Успенскому, временно исполнявшему обязанности начальника оперативного отдела. Когда все собрались, Успенский приказал ждать, а сам пошел доложить генералу Рейтеру. Вскоре он возвратился и сообщил, что командующий занят и поручил ему, Успенскому, ориентировать нас в обстановке. Информация оказалась краткой и невнятной. Тихим, вкрадчивым голосом, неумело стараясь скрыть волнение, он сообщил, что сегодня на рассвете якобы немецкие самолеты бомбили Севастополь, Одессу, Киев, Минск, Каунас, Мурманск и некоторые другие города.

— Пока точно не установлено, действительно ли это были немецкие самолеты. Возможно, английская провокация, имеющая целью втянуть нас в войну с Германией, — неуверенно проговорил начальник, окинув присутствующих тоскливым взглядом, будто оправдываясь и давая понять, что это не его предположение, а информация сверху. Нам предложено находиться на своих рабочих местах и ждать дальнейших указаний.

Я работал в кабинете один, и говорить было не с кем. Пришлось погрузиться в собственные размышления. Ощущалась обида за майора Успенского, хотя и не вызывало сомнения, что он эту информацию не выдумал. Как могли английские самолеты добраться до наших городов? Ведь англичане должны были, преодолевая недоступное для их самолетов

расстояние, пролететь туда и обратно над занятой немецкими войсками территорией. Мы изучали тактико-технические характеристики современных боевых самолетов иностранных армий, простой логический расчет делал эту версию невероятной. Если все же, вопреки здравому рассудку, допустить, что это могло случиться, то для чего такая провокация понадобилась англичанам? Они вот уже более полутора лет ведут «странную войну» с Германией, ничего серьезного не предпринимая. Конечно, им выгодно, чтобы Советский Союз был втянут в войну на их стороне и облегчил тем самым их положение, притянув на себя основную массу германских вооруженных сил. Но способ выбран дикий. Послать свои самолеты в воздушное пространство нашей страны, бомбить наши города и эту диверсию выдать за агрессию немцев?

Это противоречило здравому смыслу и элементарной логике. Во-первых, самолеты вторглись со стороны Германии. Этот факт не мог быть незамеченным. Как могло германское руководство позволить англичанам использовать свое воздушное пространство для осуществления военной акции, провоцирующей войну Советского Союза против Германии? Почему Германия должна быть заинтересована в такой провокации?

А может, это следствие какого-то сговора Англии с Германией против нашей страны? Ведь это ягоды одного капиталистического поля, равно враждебного нам. Но подготовка такого мероприятия не могла пройти незамеченной. Это не делается мановением палочки. Во-вторых, установить истину сразу же после нападения не представляет никакого труда. Типы английских и немецких самолетов хорошо известны, и распознать их легче легкого. Кроме того, несколько самолетов могло быть сбито. Некоторые летчики в этом случае неизбежно должны попасть в плен – и все бы прояснилось. Зачем гадать? В-третьих, неужели англичане, разрушив ряд наших городов и убив наших людей, могли полагать, что им это преступление могло быть прощено советским правительством и Советский Союз вступит в войну с Германией на их стороне? Бессмысленно и наивно!

Мысли путались. Верить в английскую провокацию казалось противоестественным. Не могло быть сомнения, что напала Германия, и, наверное, не только с воздуха. Это ясно как божий день. Но для чего такая нелепая информация? Всякое действие предполагает какую-то определенную цель. Какой смысл заводить людей в заблуждение? От напряжения и досады болел мозг.

Брожение мысли прервал телефонный звонок из Политуправления: приглашали к радиоприемнику для слушания выступления В.М. Молотова. Эта весть как-то обрадовала, будет внесена ясность! Из кабинета я уходить не мог, ожидая указаний командования. Включил радиоприемник СВД-9, стоявший тут же на столике, и стал ждать.

Вслед за позывными радиостанции Коминтерна диктор объявил, что работают все радиостанции Советского Союза. Будет выступать товарищ Молотов с важным сообщением. Время идет, а Молотов не выступает; его выступление оттягивалось. Ровно в 12 часов выступление началось. В речи Молотова чувствовались взволнованность, озабоченность, возмущение и тревога. Оратор заметнее обычного заикался. С исчерпывающей ясностью он сообщил, что Германия вероломно, без объявления войны, не предъявив советскому правительству никаких претензий, напала на нашу страну, нарушив договор о ненападении. Была высказана уверенность в нашей окончательной победе и упомянуто об ответственности, которую взяло на себя германское правительство. Война началась.

Случилось то, чего мы не хотели. Однако было бы извращением истины, если сказать, что наши люди боялись назревавшей войны: одно дело не хотеть, а другое – бояться. Боязни, да еще в такой степени, как иной раз изображается в литературе, – будто вся страна заливалась слезами от страха и горя, узнав о начале войны, не было. Ничего подобного не наблюдалось и быть не могло. Всюду чувствовалось суровое спокойствие и уверенность в победе.

Война бушевала далеко на западе, и ее грохот пока не потрясал землю Северного Кавказа, составлявшего глубокий тыл.

2

Представление отдаленности военных действий стало меняться, когда мне была поставлена задача разработать план прикрытия черноморского побережья от Таманского полуострова до Поти, используя одну стрелковую дивизию и общевойсковое военное училище. Я был уверен, что побережью ничто не угрожает и эта предусмотрительность возникла просто на всякий случай. В оперативном плане округа такое мероприятие предусмотрено не было, силы и средства для этой цели не выделялись, рекогносцировки не проводились, и в учебном порядке такая задача не прорабатывалась. Как могут немцы угрожать нашему черноморскому побережью?

К тому же мы собирались воевать на неприятельской территории, и, видимо, поэтому не разрабатывался план обороны Кавказа – бродило в голове. Но сам факт бомбардировки противником советских городов поколебал такую уверенность. Вот как начинаются войны! Вспомнились слова академических остряков, говоривших, что, если даже разработать сто вариантов плана ведения войны, все равно воевать придется по сто первому варианту, то есть непредусмотренному. На практике эта шутка оказалась недалекой от правды. Приказ есть приказ – и я приступил к делу совместно с представителями родов войск и служб.

Фронт обороны побережья в границах округа от Керченского пролива с городом Темрюк на правом фланге до Поти – на левом тянулся на сотни километров. Оперативно-тактические нормы для таких сил, как одна дивизия и училище, не укладывались ни в какие рамки и не могли быть применены даже приблизительно. Положения Полевого устава оказались неприемлемыми. Пришлось ломать голову и импровизировать по-своему. С учетом выделенных сил я разделил по карте между дивизией и училищем фронт прикрытия, затем нарезал участки полкам, батальонам, ротам и взводам. Получалось так, что если растянуть все войска, с учетом подразделений пограничных войск, в одну линию, то и тогда не могло быть организовано не только сплошного огня, но и обзора. Даже наблюдение за всем побережьем создать оказалось невыполнимым. Рельеф местности и имеющиеся дороги позволяли движение вдоль берега почти на всем протяжении, за исключением отдельных мест. В то же время горы не позволяли маневрировать подразделениями, выделяемыми в резерв, по фронту в глубину.

Учтя протяженность фронта, характер местности и наличные силы и произведя необходимые измерения и расчеты, я изобразил на карте систему прикрытия, не отвечающую никаким требованиям. Стрелковое отделение у меня составляло первичную боевую единицу. Пришлось определить каждому отделению отрезок побережья протяженностью по фронту 15–20 километров. В пределах этого отрезка отделение должно было патрулировать, передвигаясь вдоль берега пешим порядком. Где позволяли условия местности, намечалось расположить в глубине небольшие маневренные группы в качестве подвижного резерва. В наиболее вероятных местах для высадки морских десантов предусматривалось расположить артиллерийские подразделения из нескольких орудий. План требовалось окончательно согласовать с пограничниками и моряками на более высоком уровне, так как их представители, работавшие со мной с самого начала, не были вправе принимать окончательных решений. При докладе проекта плана я попросил разрешения пригласить представителей командования округа погранвойск и флота. Бегло просмотрев мое творчество, начальник не забраковал его, но и не высказал одобрения; представителей командования пограничников и флота вызывать пока не разрешил. Он оставил план у себя и поручил мне другую работу. Я так и не узнал, проводился ли в жизнь хоть в какой-то степени этот план. Мне тогда пока-

залось, что интерес к нему остыл. Наверное, возник другой, более основательный план обороны Кавказа, решаемый на более высоком уровне.

Тем временем от начальника одного из железнодорожных разъездов, расположенного на берегу Черного моря, в штаб округа поступила тревожная телеграмма, вызвавшая насмешки в адрес ее автора. В телеграмме сообщалось, что вблизи разъезда появилась вражеская подводная лодка. Начальник просил срочно прислать бронепоезд. Телеграмма осталась без ответа, ее посчитали плодом страха. Во-первых, никто не поверил в достоверность сообщения, тем более что оно исходило не от военных моряков или пограничников, располагавших необходимыми средствами для охраны морской границы. А во-вторых, просьба вызвала ироническое недоумение, почему нужен именно бронепоезд? Получалось, что бронепоезд надо посылать в распоряжение начальника разъезда. В округе был дивизион бронепоездов в районе Грозного, но никто и не подумал посылать его по заявкам гражданских лиц. Телеграмма казалась настолько абсурдной, что мы не стали даже наводить справку у пограничников или моряков. Вообще же сложилось впечатление, что «бдительный» железнодорожник беспричинно перепугался и впал в панику. Так оно и было.

В связи с этим эпизодом уместно вспомнить, что с первых дней войны в нашем, удаленном на большое расстояние от фронта округе распространялись различные уму непостижимые ложные слухи. Трудно сказать, исходили они от вражеской агентуры или были плодами обывательских вымыслов. Слухи эти носили преимущественно оптимистический характер, что затрудняло откровенно с ними бороться. Им, по-видимому, способствовало отсутствие правдивой информации о действительном положении дел на фронтах приграничных округов. Вначале эти слухи утверждали, что война вот-вот закончится полной нашей победой, что Красная армия перешла в решительное наступление, громит немецких захватчиков и стремительно продвигается вперед. На третий, кажется, день войны в штабе округа стали раздаваться телефонные звонки от разных лиц, большей частью служащих гражданских учреждений. Звонившие добивались подтверждения версии о том, что наши войска заняли Варшаву и захватили в плен самого Гитлера. «Не закончилась ли война?» – допытывались настойчивые голоса. Нелепость вопросов возмущала, но опровергать их или, тем более, подтверждать возможности не было. Попытки выяснить источник распространяемых слухов привели к непроверенным сведениям, будто из Москвы возвратился кто-то из работников областной газеты «Молот» и сообщил о пленении Гитлера и взятии Варшавы. Я позвонил редактору. Тот ответил, что ему ничего не известно по этому вопросу. Но людям, видимо, хотелось верить в эту версию, и более настойчивые из любопытных выказывали неудовольствие, не получив подтверждения, обвиняя нас в незнании положения дел на фронте.

В первые дни войны Генеральный штаб информировал округ о положении на фронтах очень скудно. Официальная информация почти не выходила за рамки газетных сообщений. Сначала о наших неудачах ничего не сообщалось. И все же до нас доходили тревожные сигналы, говорившие о широком вторжении на нашу территорию вражеских войск.

Из передававшихся по радио и публиковавшихся в газетах указов Президиума Верховного Совета СССР об объявлении открытой мобилизации во все большем и большем количестве областей страны было ясно, что обстановка складывается крайне неблагоприятно. Несмотря на это, в округе царили спокойствие и уверенность. Каждый из нас рвался в действующую армию, чтобы принять участие в боях за Родину. Такое настроение не обошло и меня. Товарищи по службе, отправившиеся на фронт в составе 19-й армии, наверное уже воюют, а мне приходится сидеть в глубоком тылу и заниматься главным образом бумажными делами. Ощущалось какое-то необъяснимое чувство вины перед членами семей уехавших на фронт офицеров и перед самим собой.

3

Неожиданно пришла телеграмма от командующего 19-й армией генерал-лейтенанта И.С. Конева, требовавшего срочно откомандировать из штаба округа в штаб армии еще некоторых офицеров. В списке значилась и моя фамилия.

Вечером 27 июня мы выехали поездом в Черкассы. На вокзале нас провожали несколько товарищей и жены отъезжающих. Настроение было приподнятым. Среди шуток кем-то из провожающих был поставлен вопрос: долго ли придется ждать нашего возвращения с победой? Сколько будет продолжаться война? Поскольку никто не вызвался ответить, я понял, что именно мне, офицеру оперативного отдела, необходимо дать ответ на неясный, но интересующий всех вопрос. И я ответил в шутливом тоне:

– Война протянется не менее трех лет, а то и больше. Так что вам, боевые наши подруги, ждать своих героев придется долго, если вы вообще способны терпеливо ждать. Не блудите тут с тыловыми крысами.

Все шумно засмеялись, уловив смысл конца ответа и, по-видимому, не придав значения словам о продолжительности войны. Несмотря на шутливый тон, мой ответ не был случайным. В глубине души я не верил в скорое окончание войны и легкую победу. Как офицеру – оператору штаба округа, недавно окончившему военную академию, мне было ясно, что Вторая мировая война расширяется. С нападением Германии на Советский Союз она вступила в новый, решающий этап. На примере Первой мировой войны, длившейся более четырех лет, можно было предполагать, что и эта война продлится долго. Со времени нападения Германии на Польшу прошло более полутора лет, а война в Европе не только не закончилась, а, наоборот, расширяется, принимая именно мировые масштабы. Даже если бы для нас сложились самые благоприятные условия, то и при этом, чтобы разгромить Германию с ее многочисленными союзниками, Красной армии необходимо пройти всю Западную Европу. Да еще не следует сбрасывать со счетов антикоминтерновскую ось Берлин – Рим – Токио. Такая грандиозная война быстро закончиться не может. Ведь это война классовая. А классовые войны ведутся с решительными целями, бескомпромиссно, до полной победы одной из сторон. На полпути такие войны не останавливаются. На этих суждениях я выразил свое предположение о продолжительности войны.

Когда поезд тронулся и затемненный город скрылся во мраке ночи, ехавшие вместе со мной товарищи снова подняли тот же вопрос. От меня требовалось разъяснить, чем я руководствовался, заявив, что война продлится не менее трех лет. Я разъяснил, как мог, развивая известную теорию о том, что современные войны ведутся массовыми армиями с мобилизацией всех людских и материальных ресурсов воюющих сторон, ни одна из которых не признает себя побежденной, прежде чем не будут использованы все имеющиеся в ее распоряжении возможности. А это быстро не делается.

Для разгрома Германии потребуется провести несколько последовательных стратегических наступательных операций, между которыми неизбежны определенные паузы. Да и на то, чтобы нашим войскам пройти обширные пространства Западной Европы с боями, потребуется немалое время... Приводил и другие доводы. Но убедить собеседников мне, кажется, не удалось. Они резко критиковали меня, обвиняя в неверии в быструю победу, в пессимизме. Мнения разошлись. Никто из нас, конечно, не мог даже мысли допустить, что Красная армия вынуждена отступать под ударами вражеских войск в глубь своей территории и терпеть одно поражение за другим.

С прибытием в армию обстановка начала проясняться. Здесь уже знали официально, что приграничные военные округа, переименованные во фронты, столкнулись с непредвиденными обстоятельствами, не сумев сдержать германские армии на границе, и будучи не в

состоянии преградить им путь в глубине, отступали на всех главных направлениях. Теперь перед всеми вооруженными силами нашей страны встала задача – любой ценой остановить дальнейшее продвижение противника по Советской земле. О быстром окончании войны не могло быть и речи. Но сообщения радио о том, что уже вступают в сражения главные силы Красной армии и положение изменится в нашу пользу, несколько обнадеживали. Все железные дороги были забиты воинскими эшелонами, двигавшимися на запад; следовательно, шло сосредоточение этих главных сил. Представлялось, что под прикрытием приграничного сражения создаются ударные группировки наших войск; они вот-вот перейдут в решительное наступление по всему фронту и вышвырнут захватчиков с Советской земли, перенеся военные действия на территорию врага.

Глава 2

В штабе 19-й армии

1

Первому детищу Северо-Кавказского военного округа – 19-й армии выпала своеобразная, не столько, может быть, героическая, сколько трагическая судьба. Созданная перед самым началом Великой Отечественной войны из формирований первой очереди, она впитала в себя почти весь кадровый состав войск округа, лучшие людские контингенты личного состава запаса, существовавшие в мирное время, в известной степени подготовленные штабы и органы боевого и материального обеспечения; поглотила имевшееся в округе вооружение и хранившиеся на складах неприкосновенного запаса материальные средства. В общем, армия получила все лучшее, чем располагал округ в то время. Она обладала внушительным боевым составом. На ее создание, подготовку к боевым действиям, воспитание личного состава затрачены неизмеримые усилия командиров, штабов и политорганов. Нам, сотрудникам управления округа, представлялось, что создана эта крупная оперативная единица такой, какая вполне отвечает требованиям современной войны. Ни у кого из нас не было сомнения в том, что армия представляет могучую силу, способную выполнить любую из возлагаемых на армейский организм оперативно-боевую задачу. Что она сыграет большую и важную роль на войне, заняв видное место на полях сражений. Полевое управление армии было укомплектовано хорошо подобранным офицерским составом, ее работоспособный штаб вполне мог справиться с управлением войсками в любой обстановке. Во главе армии стоял опытный и требовательный, энергичный и волевой командующий генерал-лейтенант Иван Степанович Конев, вера в которого у нас, офицеров штаба, была непоколебимой. Его уважали и побаивались. Побоялись из-за его крутого нрава, строгости и горячности. Уважали за справедливость, прямоту и незлопамятность. Когда следует, он поругает и строго взыщет. А когда нужно – поддержит и оградит от нападков других. Он всегда поощрял разумных и старательных офицеров и страшно не любил бездарных, лодырей, трусов и врунов. Подхалимов командующий вообще не мог терпеть. А такие кое-где обнаруживались. Такой характер командарма приходился по душе большинству личного состава. Поэтому И.С. Конев пользовался у подчиненных непререкаемым авторитетом. Все это обещало неплохие перспективы и будущие успехи.

Разве можно было усомниться, что такой армии не суждено вступить в сражение в том боевом составе, в каком она убыла из округа. А это случилось. Свой первоначальный боевой состав армия потеряла в первые дни войны, еще до того, как встретилась с противником. Она вообще просуществовала всего лишь до октября 1941 года и как армия погибла, выполнив свой долг до конца. Но она сыграла немаловажную роль в историческом Смоленском сражении и в отражении мощного наступления немецко-фашистских войск на Москву в октябре 1941 года. Армия как бы разделила участь неизвестного солдата, ее можно считать армией, не вернувшейся с войны. О ней массовому читателю и в целом послевоенному поколению почти ничего не известно, ее судьбу нельзя найти в многочисленной мемуарной литературе; в официальных же военно-исторических изданиях она кое-где лишь упоминается вскользь. О людях, воевавших в ее составе, проявивших невиданный героизм и погибших в неравных боях, почти ничего не сказано. Они так и остались неизвестными солдатами. На мой взгляд, такое явление несправедливо и объясняется главным образом следующими причинами:

– армия существовала короткое, хотя и насыщенное военными событиями время начального периода войны. А это заслонило память о ней последующими делами трехлетних сражений;

– многие солдаты и офицеры этой армии погибли в боях и в тылу у врага, а выжившие были рассеяны по многим фронтам, а после войны – по разным уголкам нашей необъятной Родины;

– армия закончила свое существование в окружении, и ее архивы большей частью погибли;

– отсутствие до настоящего времени комитетов ветеранов войны Управления армии и ее соединений. В связи с этим не создано условий для выявления оставшихся в живых участников боев этой армии, возрождения в памяти ее истории и сражений, поисков героев ее частей и соединений.

Но короткая и сложная история 19-й армии, несомненно, заслуживает того, чтобы она стала достоянием широкого круга людей. Это бы в известной мере способствовало военно-патриотическому воспитанию послевоенных поколений и отражало бы благородное стремление к тому, чтобы ничто и никто не были забыты.

В своих воспоминаниях, касаясь судьбы 19-й армии и ее Полевого управления, я не ставлю целью полностью показать боевые действия погибшей в начальный период войны на Московском направлении армии. Я лишь делаю попытку напомнить о ней и привлечь внимание еще живых ее участников, направленное на возрождение в памяти того забытого, которое забываться не должно.

2

Приехав в штаб армии в Черкассы, я сразу же разыскал оперативный отдел и стал выяснять обстановку и свои обязанности. Но знакомить с положением дел меня сразу не стали. Удалось лишь узнать, что армия пока находится в резерве и конкретной боевой задачи не имеет. Исполняющий обязанности начальника отдела полковник И.И. Воробьев повел меня представить начальнику штаба генерал-майору П.Н. Рубцову и получить указание о моем использовании. На просьбу ознакомить меня с обстановкой генерал ответил, что все я узнаю в оперативном отделе.

– Введите его в курс дела, и пусть включается в работу, – приказал он моему непосредственному начальнику.

Полковник Воробьев послал меня к оперативному дежурному знакомиться с обстановкой. Дежурным оказался майор Борис Михайлович Пономаренко, мой близкий товарищ и однокурсник по академии. Неразговорчивый и чем-то явно озабоченный, Пономаренко не стал мне ничего рассказывать, а дал свою рабочую тетрадь, в которой он своим каллиграфическим почерком записал только что полученную шифровку, адресованную командарму.

– Прочитай, и все поймешь, – упавшим голосом заметил дежурный. – К тому, что здесь изложено, мне добавить нечего.

Смысл записи гласил, что германские войска вероломно вторглись на нашу территорию и продолжают стремительное продвижение. Возникла непосредственная угроза Киеву. 19-й армии приказывалось выбить немецко-фашистских захватчиков со священной Советской земли и ни в коем случае государственную границу с Германией не переходить.

У меня потемнело в глазах. Придя в себя от потрясения, я с тревогой спросил: как же армия выполняет поставленную задачу? Пономаренко посмотрел на меня как на ненормального и раздраженно ответил:

– А никак! Ты разве не понял, что в шифровке задачи нет? В ней сказано лишь то, что дела плохи. Да и войска еще полностью не сосредоточились...

Рассмотрением по карте расположения корпусов и дивизий знакомство с обстановкой закончилось. Стало неясным даже то, что казалось ясным. Вставала целая серия вопросов, но задавать их было некому, да и ни к чему. Что же случилось с войсками приграничных округов? Война идет всего несколько дней. Как могли немцы угрожать Киеву? Неужели они продвигаются беспрепятственно, едут на машинах? Ведь пешим порядком они даже без боев не скоро бы могли подойти к Киеву. Как могло случиться? И что за задача поставлена нашей армии? Совершенно неясно, на какой рубеж вышел противник. С какого рубежа, в каком направлении и когда должна армия перейти в наступление? В какой полосе наступать? Какая поддержит авиация, кто соседи, с кем взаимодействовать? Какое ее отношение с Киевским особым военным округом, превратившимся во фронт? Почему запрещается переходить границу? При чем здесь граница, если враг уже угрожает Киеву? Если целый фронт не смог не только разгромить, но даже остановить немцев в приграничном сражении, то что же может сделать одна армия? Неужели кто-то в верхах полагает, что 19-я армия сможет не только разгромить направляющуюся к Киеву вражескую группировку, но и, увлекшись успехами, одним махом перенесет границу? Ведь от района сосредоточения армии до границы – сотни километров. Мое мышление не могло переварить случившееся. Я настолько был потрясен и растерян, что потерял самоконтроль и бессознательно стал выкрикивать:

– Границы нам не видать как собственных ушей! Нам теперь до границы дотягиваться как до собственного локтя зубами! Почему немцам можно переходить границу, а нам нельзя?..

– Прекрати истерику! – спокойно осадил меня Пономаренко. – Советую держать язык за зубами и не брать на себя того, чего тебе не дано, пока не потерял язык вместе с головой. Что мы с тобой значим и что от нас зависит в этом светопредставлении? Мелочь мы с тобой – вот кто!

Это меня немного охладило. Но настроение было испорчено, меня бросало в жар. Я почувствовал, что теряю веру в правильность руководства войсками. Не предательство ли это? Такие страшные и неожиданные мысли меня испугали. Учеба в военном училище и в академии вдруг показалась несущественной мелочью. Я почувствовал себя жалким и беспомощным. Мог ли я тогда, в моем положении, знать всю сложность военной обстановки, сложившейся для Красной армии, а также ту трагедию, что произошла на фронтах в первые дни войны? Так неопределенно поставленная задача армии в моем понятии преломлялась как растерянность или некомпетентность тех, кто эту задачу формулировал. Не хотелось ничему верить. Но в Черкассах война не чувствовалась: все вокруг казалось мирным и безопасным, встревоженности в городе внешне не замечалось. Что думали командарм и Военный совет, я не знал, для меня это была слишком высокая инстанция. Наверное, предполагал я, они были ориентированы в обстановке по-иному и знают, что должна делать армия.

В комнату дежурного вбежал офицер и с тревогой сообщил, что в офицерской столовой, находящейся рядом со штабом, завтракают два переодетых в форму советских офицеров немецких агента. Я опрометью бросился в столовую. Оказалось, за вражеских лазутчиков приняли наших офицеров, призванных из запаса и приехавших вместе со мной. Пришлось выругать последними словами слишком бдительного паникера. И все же ходили упорные слухи о появлении в расположении армии переодетых немецких шпионов. Раздавались призывы к бдительности. Как выяснилось впоследствии, это имело основания.

По-видимому, поставленная армии первая боевая задача была сразу же отменена или отпала сама по себе, так как ничего не делалось по ее выполнению.

3

Вначале мне никакой конкретной обязанности определено не было, и я невольно почувствовал, что мое пребывание в оперативном отделе излишне. Меня продолжало тревожить незнание обстановки, и я стал изучать оперативные документы. Удалось уяснить следующее. На 26 июня в состав армии включались: 34-й ск (38, 129, 158, 171-я сд), корпус сосредоточивался в районе Черкассы – Белая Церковь; 25-й ск (127, 134, 162-я сд, 134-й корпусной артиллерийский полк), район сосредоточения – Ртищев – Золотоноша – Дубны; 67-й ск (102, 132, 151-я сд), войска корпуса сосредоточивались походным порядком в районе Корсунь; 25-й мехкорпус (50, 55-я танковые и 219-я механизированные дивизии), район сосредоточения корпусу назначался Тараща – Стеблев – Богуслав. Указывалось начало сосредоточения частей корпуса по железной дороге – 25 июня, конец – 7 июля.

Кроме перечисленных дивизий, в составе корпусов значились соответствующие корпусные части и подразделения обеспечения и связи, а в армии, кроме того, – армейские части. Место командного пункта (штаба армии) назначалось в Черкассах.

Организационно 19-я армия должна была входить в состав Брянской группы армий, создававшейся к 26 июня. В нее включались 19, 20 и 22-я армии. Командование группой армий возлагалось на Маршала Советского Союза С.М. Буденного. В руководство входили также Г.М. Маленков и генерал А.П. Покровский.

Мощный боевой состав 19-й армии внушал уверенность и надежду. Если удастся вовремя сосредоточить все войска и организованно вступить в сражение, то такая армия будет в состоянии разгромить довольно крупную группировку противника. А если учесть, что в состав создаваемой группы армий входят еще две армии, кроме 19-й, то это неодолимая, как мне казалось, сила. Кроме того, в группе армий не могло не быть необходимой авиации и других боевых средств.

Размышляя над боевым составом своей армии и группы армий и учитывая их авторитетное руководство, я выбросил из головы сомнения, вызванные первым впечатлением, и настроение резко улучшилось. Стало стыдно за поспешные выводы и необоснованную, как теперь показалось, тревогу. Однако армии в упомянутом боевом составе вступить в сражение не было суждено.

4

Командарм собрал на совещание начальников родов войск и служб, начальников некоторых отделов Полевого управления и объявил решение на оборону Киева. Стрелковым корпусам ставилась задача занять для обороны Киевский укрепленный район. Им нарезались секторы обороны, обволакивающие столицу Украины с северо-запада, запада и юго-запада. Штаб армии должен был перейти в Пуца-Водицу – курортное местечко недалеко от Киева. Маршрут на новый командный пункт проходил через город. Большинство офицеров штаба получило задание на проведение рекогносцировки местности. Работа была срочная и проводилась спешно, с предельным напряжением. Мне приказано в составе группы офицеров – представителей родов войск и служб – участвовать в рекогносцировке западного сектора.

Киевский укрепленный район на топокартах не значился, и его надо было разыскать на местности. Но мы этого района не обнаружили. Правда, остатки, а вернее, следы старых, разрушенных и заплывших землей оборонительных сооружений кое-где были. Но они ни в какой степени не годились для занятия войсками. Позиции требовалось оборудовать заново по принципу полевой обороны. Работа была большая и требовала значительного времени.

С рекогносцировки я возвращался в штаб на его новое место, проехав мимо Киевского аэродрома. Внимание привлекло большое количество сгоревших и разрушенных самолетов, остатки которых в беспорядке валялись на летном поле. Виднелись разрушения аэродромных построек и следы недавнего пожара. Это были последствия бомбардировки. В Киеве я увидел сильно разрушенный авиационный завод «Большевик», прекративший производственную деятельность. Кое-где черными провалами зияли раны разрушений и следы потушенных пожаров. Небольшой ветерок беспорядочно гонял по Крещатику обрывки бумаг и разный мусор. Удалось купить в киоске свежую газету «Правда». В ней было опубликовано обращение И.В. Сталина к народу 3 июля. Жадно читаю обращение, не отходя от киоска. Сталин требовал не оставлять немецко-фашистским захватчикам на занимаемой ими Советской земле ничего: сжигать посевы, уничтожать продовольствие, угонять скот, вести партизанскую борьбу в тылу у врага и т. п.

Было ясно, что борьба разгоралась не на жизнь, а на смерть.

По призыву партии народ поднимался на защиту своего социалистического Отечества, на смертный бой с ненавистными немецко-фашистскими оккупантами, нарушившими мирный созидательный труд советских людей и несших смерть, разрушение, порабощение.

Глава 3

Перегруппировка на другое направление

1

В Пуца-Водице я узнал, что задача армии на оборону Киева отпала три дня тому назад. Армия перебрасывается по железной дороге в Белоруссию, в район Витебска. Работа на местности так и не была закончена. Войска не успели ни полностью сосредоточиться, ни занять определенные им полосы обороны. Командование, штаб, политотдел и штабы родов войск и служб переключались на организацию переброски армии на большое расстояние. Мы пришли к заключению, что Киеву непосредственной угрозы пока нет и что армия нужнее на Смоленском направлении. Крайне сжатые сроки погрузки и отправки войск говорили сами за себя.

Директива за подписью генерала Г. К. Жукова, адресованная командующему войсками Юго-Западного фронта и доведенная до командования армии на двое суток позже, коренным образом изменяла не только состав, задачу и действия нашей армии, но и предопределяла ее дальнейшую судьбу. Документ был подписан и получен шифром в округе 1 июля. В 18:00 того же дня определялась готовность к погрузке войск в железнодорожные эшелоны. Директива гласила: войска 19-й армии должны быть подготовлены к погрузке и отправлены по железной дороге в новый район. Погрузка намечалась: Полевое управление армии и части связи – на станции Киев, станция выгрузки – Рудня Западной железной дороги, управление 25-го корпуса и 134-й сд – станция погрузки Дарница; 127-я и 162-я сд – станция Бровары, назначение – Лиозно, Рудня. Управление 34-го корпуса и 38-й сд – станция погрузки Васильков; 129-й сд – станция Ирпень; 158-й сд – станция Фастов; назначение – Голынки. Корпусные и дивизионные артполки грузились по месту лагерной стоянки и следовали в районы выгрузки своих соединений. Первые расчеты показывали, что темпы погрузки значительно превышали возможности выделенных станций и сроки отправки не могли быть выдержаны. Это вызывало нервность. 25-й мехкорпус в полном составе, 28-я горнострелковая дивизия и 171-й сд из состава армии изымались и передавались Киевскому особому военному округу. Этот корпус направлялся в другую армию, но погрузка его управления почему-то возлагалась на командующего 19-й армией. Вместо 25-го мехкорпуса в состав 19-й армии передавался 23-й мехкорпус, который должен был прибыть по железной дороге в новый район сосредоточения армии. Указывалось, что его первые эшелоны придут в Витебск 2 июля.

А это значительно раньше войск и штаба армии.

Требовалось заранее выслать в Рудню оперативную группу штаба со средствами связи для организации выгрузки, приема, сбора и сосредоточения в новом районе прибывающих войск.

Предписывалось после выгрузки сосредоточить войска в районах: 23-й мехкорпус – Витебск, Лиозно, Яновичи; две дивизии – Лиозно, Бабиновичи, Рудня; две дивизии – Понизовье, Микулино, Демидов.

Директива заканчивалась указанием о том, что по прибытии штаба армии в Рудню армия остается в подчинении народного комиссара обороны. Но приказом Ставки от того же 1 июля армия передавалась в состав Западного фронта. Срочность и важность переброски армии подтверждались сообщением, что контроль за подачей подвижного состава и передвижением эшелонов возложен лично на народного комиссара путей сообщения Л.М. Кагановича. А эшелонов планировалось, кажется, более 250.

Хотя для армии была поставлена и не боевая задача, а лишь перегруппировка на другое направление, перед командованием и штабом возник ряд серьезных проблем – погрузить и отправить большую массу войск в условиях налетов вражеской авиации на станции погрузки, на воинские эшелоны в пути, когда нормальная работа железной дороги нарушена, непросто. Станции выгрузки и новые районы сосредоточения также не были ограждены от ударов немецких самолетов.

Надо было добиваться своевременной подачи подвижного состава, при его крайней недостатке, и обеспечить быструю погрузку людей, техники, конского состава, материальных запасов. Командованию и штабу приходилось решать одновременно две задачи: руководить погрузкой и отправкой эшелонов на Украине и принимать прибывающие войска в Белоруссии. Никакой связи между двумя группами штаба, разорванными большим расстоянием, не было. Добывать сведения о прохождении эшелонов оказалось невозможным. Штаб делал все от него зависящее, но пребывал в затруднительном положении. Генералы и офицеры разъехались по штабам корпусов и дивизий, на станции погрузки, часть их отправилась в новый район, часть оставалась в Пуца-Водице. Офицеров не хватало. Мне было приказано осуществлять контроль за погрузкой войск на станции Дарница. Станция была переполнена людьми – военнослужащими и гражданскими лицами. Стояли бескрайние очереди к военному коменданту, без вмешательства и помощи которого никто уехать не мог. С погрузкой не ладилось, графики срывались из-за нехватки вагонов. А когда наспех составленные поезда подавались под погрузку, как правило частями, вагоны оказывались не приспособленными для людей и конского состава: не хватало досок, свечей, емкостей для воды, проволоки и угольников для крепления техники. Поезда формировались кое-как, с грубыми отступлениями от заявок и предусмотренных инструкциями схем. Когда поезд был все же погружен и подготовлен к отправке, часто не находилось свободного паровоза. Иногда паровоз тянул эшелон до следующей большой станции примерно на 300 километров, а затем возвращался за ожидавшим его следующим составом. Создавалось большое скопление эшелонов на станциях. Станции погрузки тогда немецкая авиация бомбила редко, но налета можно было ждать в любое время.

Помнится такой случай. Дело было в середине дня. Я находился у коменданта станции и спорил с ним по поводу задержки с подачей вагонов. Через окно мы заметили, что солдаты прекратили погрузку и стали разбегаться в разные стороны. Выбежав на площадку, мы увидели пролетающий над станцией вражеский самолет, сопровождаемый жидкими разрывами зенитных снарядов. Белые шапки разрывов, перемежаясь с такими же белыми рваными клочьями облаков, плыли на восток, гонимые порывистым ветром. Из самолета вывалились листовки. Они вихрем кружились в воздухе и оседали на вагонах, деревьях, станционных постройках. Как выяснилось, солдаты вначале приняли листовки за бомбы и парашютистов и убежали со станции, боясь попасть под разрывы бомб. Эта глупая паника меня возмутила, и я вмешался, чтобы вернуть беглецов к вагонам. Они с виноватым видом приступили к продолжению погрузки, сконфуженные промашкой. Пришлось собрать командиров подразделений и пожурить за плохое руководство подчиненными.

Через некоторое время меня отозвали в Пуца-Водицу. Штаб готовился к погрузке в эшелон. В ожидании команды к выезду на станцию мы сидели в полной походной экипировке в уютном спальном корпусе опустевшего санатория и делились впечатлениями последних дней. Никого из командования в штабе не было. Старшим над нами был начальник оперативного отделения оперативного отдела, недавно прибывший в армию, майор, по фамилии, кажется, Беценко. Многие из нас видели его впервые.

Вечером неожиданно ворвался к нам в общежитие полковник Волков, вытирая обильный пот на мясистом лице. Он только что принял должность начальника оперативного отдела – заместителя начальника штаба армии. До этого он командовал дивизией. Теперь

он появился в роли нашего непосредственного начальника. По его приказанию мы быстро построились в шеренгу при личном оружии, с противогазами, биноклями, полевыми сумками – в полном боевом. Полковник встал перед строем и начал нас отчитывать, ругаясь непристойными словами. С открытой ненавистью и в недопустимо грубой форме он упрекал нас в бездеятельности, лени и прочих смертных грехах:

– Страна истекает кровью, а вы спите, ничего не делаете! – брызгал он далеко летевшей слюной. – Вам безразлично, что фашисты топчут Советскую землю, убивают наших людей, уничтожают народное добро, грабят и насилуют! – шумел он, подкрепляя упреки матерщиной. Вдруг он умолк, пробежал обуглившимися глазами, сверкавшими из-под белесых ресниц, по шеренге и обратился с вопросом: – Что вы за истекший день сделали полезного для Родины?

Мы настороженно ждали, к кому он обратится персонально, так как вопрос был поставлен безлично, всем. И вот свирепый начальник указал пальцем на меня:

– Вот вы скажите, бездельник!

Я сделал шаг вперед, как полагалось по уставу. Хотя я находился в штабе не более двух часов, я ему не сказал об этом. Заявив, что мне ничего не поручено, я выслушал площадную ругань в мой адрес. Майор Беценко сделал робкую попытку как-то защитить меня, но полковник грубо его осадил, тоже обругав.

Подав команду разойтись, строптивый полковник быстро вышел из помещения, сел в машину и уехал, не поставив нам никакой задачи. Впоследствии полковник Волков, снова командуя дивизией, когда армия попала в окружение под Вязьмой, исчез. Как стало известно, он добровольно сдался в плен немцам. Дальнейшая его судьба мне не была известна, пока в 1971 году генерал-лейтенант в отставке М.Ф. Лукин не рассказал мне, что он виделся с Волковым в плену. Последний будто бы в плену ничем себя не скомпрометировал и после войны возвратился на Родину.

Утром следующего дня мы должны были ехать на станцию погрузки. Загрузили машины штабным имуществом и приготовились к отъезду. Пошел проливной дождь. Майор Беценко решил обождать с отъездом до прекращения дождя, так как грузовики не имели тентов и час прибытия на станцию установлен не был. Прошло часа полтора, а дождь не прекращался. Прибыл связной и передал приказание командарма немедленно ехать на погрузку. Когда мы приехали к готовому к отправке эшелону, майора Беценко потребовал к себе в вагон командующий для объяснения причин опоздания. Майор не возвратился, и мы уехали без него. Поползли слухи, что его не то арестовали, не то расстреляли. Так ли это было, я не знаю, и его судьба мне неизвестна; он больше мне не встретился ни на войне, ни после.

Наш эшелон перешел на станцию Киев-главный и там простоял несколько часов, прежде чем покинуть столицу Украины, которую нам оборонять так и не пришлось. На станции стояли эшелоны с ранеными, прибывшие с фронта. Кое-кто из успевших побывать в бою раненых распространял слухи, что перед немецкими войсками устоять невозможно, что у них бесчисленное количество танков и самолетов, а у нас ничего этого нет. Рассказывали, будто немецкие самолеты гоняются за каждым нашим солдатом, пока не убьют или не ранят. Я не верил в эти рассказы и обругал одного такого вестника с фронта, стоявшего у нашего вагона с перевязанной рукой и болтавшего о безнадежном положении на фронте. Он сконфуженно удалился, проворчав, что мы сами в этом убедимся, когда попадем на фронт. «У страха глаза велики!» – крикнул я ему вслед.

2

Поезд шел медленно, долго простаивал на станциях. Через военные комендатуры, вернее, пользуясь их связью, мы пытались добывать сведения о движении эшелонов с вой-

сками, но узнать что-либо путное, как правило, не удавалось. На станции Смоленск виднелись следы бомбардировок: многие здания были разрушены или сгорели, зияли оконными и дверными проемами оголенные стены домов. Но железная дорога работала, поезда шли.

7 июля наш эшелон прибыл на станцию Плоская и должен был двигаться дальше к Рудне. Из-за низких облаков вынырнули два «Юнкерса» и стали бомбить эшелон. На низкой высоте они заходили несколько раз, описывая круги. Мы по команде вышли из вагонов и легли на землю в стороне от железнодорожного полотна. Ни одна бомба в вагоны не попала, и никто не пострадал. Правда, одна из бомб разорвалась рядом с паровозом и повредила колесо и рельсу. Вблизи от места, где разорвалась бомба, стоял генерал-лейтенант Конев. К общему удивлению, он не лег на землю при бомбежке, проявив выдержку и спокойствие. К счастью, его не затронули ни осколки, ни взрывная волна. Может быть, немецкие самолеты причинили бы большой вред, если бы вдруг не вынырнул из облаков наш истребитель И-16 и не обратил в бегство этих воздушных пиратов.

По решению командарма эшелон разгрузился здесь, не дойдя до места назначения. Штаб разместился в лесу у деревни Переволочье, и мы занялись выяснением, какие эшелоны прибыли или прибывают в ближайшее время. Эшелоны до назначенных станций, как правило, не доходили. Под ударами немецкой авиации или при повреждении ею железнодорожного полотна войска выгружались по собственной инициативе и стремились продолжать движение своим ходом. Многим это не удавалось. Выгруженные части нередко расползались по местам находившихся в тех местах начальников задерживались и включались в состав ближайших соединений и армий. Стало очевидным, что всю армию в назначенном районе собрать не удастся. Так оно и получилось. 19-й армии в том составе, в каком она отправлялась с Украины, воевать так и не пришлось. Даже некоторые дивизии не смогли собрать свои части, выгрузившиеся на большом удалении одна от другой. Многие артполки, по слухам, распорядительным порядком были переадресованы к Ленинграду. В результате перевозки армия, как таковая, в назначенный район так и не прибыла. Она была разбросана частями по пути следования на большом пространстве.

Штабу армии пришлось заниматься не только сбором своих войск, но и другими, внешне возникшими задачами. Мы становились на дорогах, перекрыв их на определенном участке, и задерживали разрозненные группы военнослужащих, а иногда и одиночно идущих в тыл солдат и офицеров, собирали их в группы и присоединяли к своим частям. Шли они чаще всего без оружия и без знаков воинского различия. Больше всего возмущали факты, когда некоторые офицеры с обмундирования офицерские нашивки и петлицы или переодевались в солдатскую форму и выдавали себя за рядовых. Такая безответственность, граничащая с преступлением, если не сказать больше, явилась для нас полной неожиданностью.

Где проходил фронт, каких районов достиг противник, какие наши войска действовали впереди нас – мы не имели ни малейшего представления. Невозможно было себе представить, что сплошной линии фронта не было. Задержанные бегуны ничего толком объяснить не могли. Они или не знали, или если и знали, то скрывали, к каким частям они относятся, где их части и кто командир. И все же из отрывочных данных у нас складывалось впечатление, что армии Западного фронта, рассеянные противником на отдельные группировки, потеряли управление, сражались с наседавшими фашистами на разных направлениях и в разных районах, не объединенные во фронт, и отступали как попало и куда попало. Вражеская авиация их загоняла в леса, а немцы двигались по дорогам. Но это, казалось, происходит где-то далеко на западе. Грохота боя мы не слышали. Лишь ночью небо светилось красным заревом на западном горизонте. Но самовольно уходящие в тыл военнослужащие встречались все чаще и чаще. Многие из задержанных беглецов с готовностью включались в

новые подразделения, они, как правило, становились хорошими бойцами. Но были и такие, которые, улучив удобный случай, смывались снова.

Задерживая беглецов на одной из дорог, я заметил человека, спешившего на восток в стороне от дороги. Человек был лет тридцати, крепкий и хорошо упитанный, но грязный и небритый. Одет он был в смешанную форму – военную и гражданскую. На плече он держал новенький автомат, а на боку висела кожаная кобура от седла, наполненная патронами. Шел он, как выяснилось, откуда-то из Прибалтики.

– Вы почему удираете в тыл? – спрашиваю. – Хотите, видимо, чтобы фашисты заняли всю страну?

Беглец стал оправдываться, утверждая, что немцев видимо-невидимо, у них, дескать, танки и самолеты, а у нас их что-то не видно.

– Но немцам Красную армию не одолеть, она большая, – уверенно заключил оптимист в свое оправдание.

– Кто же остановит немцев, если бежите вы, побегу я и все остальные? Из нас и состоит Красная армия, – внушал я горе-воину простую истину.

Он смутился и заявил недолго думая, что хочет воевать и «влиться», как он выразился, в любую команду. Но я продолжал допрос:

– А вы сами видели хоть одного немца, убили его? Сделали хоть один выстрел по вражескому самолету?

Он чистосердечно признался, что немцев не видел и не сделал ни одного выстрела. А страхи ему рассказывали очевидцы.

Я отобрал у беглеца автомат и патроны, а его направил в группу задержанных, сидевших у дороги. В то время автоматы у нас были редкостью, и я обрадовался случаю обзавестись этим грозным оружием.

Встретилась команда из 57 человек во главе с капитаном. Команда шла организованно, солдаты были полностью экипированы и вооружены винтовками. Чистенькая военная форма с вышитыми золотыми угольниками на углах воротников свидетельствовала, что команда из каких-то внутренних войск. Молодой капитан спокойно сообщил, что ему приказано из Витебска перейти в Смоленск и выполнять возложенную на его подразделение особую задачу. Сущность задачи капитан изложить наотрез отказался, мотивируя секретностью. Несмотря на это, я потребовал от него включиться в тут же формируемую из беглецов роту и занять оборону у шоссе. Капитан заявил, что не может подчиниться, так как армейская дисциплина на него не распространяется и его команда имеет более важную задачу, полученную от своего руководства. Я вскипел от возмущения и заявил, что более важной задачи, чем защищать Родину, быть не может. И что моя задача – всех задерживать и ставить в оборону. Препирательства закончились тем, что я написал на его красивом удостоверении личности приказание занять оборону, рассчитывая на повышение этим самым его ответственности за выполнение полученной боевой задачи. Он с явным нежеланием выполнил требование. Но когда я ушел на другую сторону дороги и занялся другими командами, эта группа, во главе с «секретным» капитаном, незаметно исчезла.

Заместитель командующего армией был некий генерал-майор Антило, карел или финн по национальности. Он говорил по-русски плохо и с большим акцентом, поэтому неизменно вызывал подозрение; ему было практически невозможно в одиночку появляться среди не знавших его людей. Как только он выезжал из расположения штаба, его немедленно задерживали, принимая за переодетого немецкого лазутчика. Однажды его чуть не расстреляли наши солдаты. Вскоре его от нас куда-то перевели; ходили слухи, что Антило отозван из армии по этой причине.

Тем временем в окрестных лесах скопилось множество мобилизованных запасников. Они не были обмундированы, не имели оружия, не знали, что им делать и куда податься.

Направляясь в эшелонах на запад, мобилизованные не могли добраться до мест назначения, так как эти места уже успели захватить немцы. Они выгрузились в пути и расположились в ближайших лесах. Продовольствием их никто не обеспечивал, и они перебивались как могли. Это беспокоило командование и штаб армии. Но что было делать с этой людской массой – немобилизованной и безоружной? Докладывали в штаб фронта, но вразумительного ответа не получили. По решению командарма этих людей постепенно мобилизовывали и вливали в прибывающие войска, обеспечив прежде всего питанием.

Между тем – кажется, это было 10 июля – на командный пункт армии привели задержанного старшего лейтенанта – артиллериста. Это был красивый парень с умными голубыми глазами и вьющимися светлыми волосами, выбивавшимися из-под выцветшей шерстяной пилотки. Выглядел он молодецки, по-строевому подтянут, военная форма на нем сидела безукоризненно, как на плакате, показывавшем правила ношения мобилизованных, имел при себе сохранившее свежесть удостоверение личности, пистолет с двумя снаряженными обоймами, противогаз и бинокль. Офицера посчитали провокатором и обвиняли в распространении панических слухов. Офицер Особого отдела доложил о задержанном и его подозрительном поведении командарму. Распространяемые офицером слухи заинтересовали командующего, и он пожелал лично переговорить с офицером. Тот уверенно представился генералу, не признавая за собой никакой вины.

– Я говорю правду! – твердо заявил он. Его «провокация» выражалась в том, что он утверждал, будто немцы захватили Витебск. Это было невероятно. Мы находились в 70 километрах от Витебска и, не будучи ориентированы в обстановке на фронте, не могли ожидать появления противника в этом районе в ближайшее время. Не хотелось такой неожиданной и нежелательной версии, хотя принесший ее вестник упорно отстаивал правильность сообщения. Предлагалось расстрелять «провокатора». И.С. Конев после некоторого колебания не подтвердил, но и не отменил трагического намерения бдительного товарища из Особого отдела. Командарм, как и другие, не поверил офицеру. Опасного преступника повели в глубь леса расстреливать.

В это время принесли командарму шифровку, полученную из штаба фронта. Командующий пробежал ее глазами и приказал отставить расстрел офицера и отпустить его. Послали гонца – и расстрел не состоялся.

Глава 4

Первые бои и отход за Смоленск

1

В шифровке было сказано, что немцы ворвались в Витебск. 19-й армии приказывалось наличными силами выбить противника из Витебска и удержать город.

К этому времени успели прибыть лишь некоторые части разных соединений и оперативные группы кое-каких штабов.

Ни одной полной дивизии под руками не было. Командарм, не теряя времени, взял с собой человек пятнадцать офицеров штаба, в том числе меня, и выехал к Витебску. По пути мы заехали в штаб мехкорпуса. Выяснилось, что в корпусе имеется пока только один танковый полк с несколькими танками. Поблизости располагался еще полк 220-й мотодивизии. Командующий распорядился направить эти части к Витебску, и мы поехали дальше. Навстречу попадались идущие на восток группами и в одиночку военнослужащие разных частей. Среди них были и командиры. Некоторые шли без оружия, знаков различия и документов, со следами сорванных с рукавов гимнастерок офицерских нашивок. Последовало приказание всех идущих в тыл задерживать и собирать в команды. Со стороны Витебска на большой скорости по шоссе мчался танк БТ. Уже темнело, и выхлопные трубы танка светились раскаленным докрасна металлом. Мы попытались задержать беглеца. Но водитель не внял знакам остановиться, проскочил мимо нас, не сбавив даже скорости. Майор Зыков, ехавший в хвосте колонны, успел повернуть свою грузовую машину поперек дороги, преградив путь приближающемуся танку. Танк с ходу ударил машину, она несколько раз перевернулась и слетела с дороги. Танк проехал метров пятьдесят от места столкновения и остановился. Мы развернулись и подъехали к танку. Из люка выбрался молодой лейтенант и соскочил на дорогу, одергивая гимнастерку. Путано, еле выговаривая слова, лейтенант невнятно пытался что-то объяснить, затягивая дорогое время. Командарм не стал его выслушивать и приказал немедленно возвращаться к Витебску, где получит боевую задачу. Лейтенант замаялся и попросил разрешения высадить из танка пассажира. Он расторопно взобрался на броню, наклонился в открытый верхний люк и вытянул наружу небольшой чемодан, спрыгнул на землю и поставил его на обочине дороги. Затем снова поднялся на танк и помог выбраться из люка молоденькой женщине. Оказалось, что лейтенант эвакуировал в тыл свою молодую жену. Танк развернулся и на предельной скорости двинулся обратно. Когда мы развернули машины и поехали вслед за танком, я видел, как в полной растерянности стояла на обочине дороги одинокая женщина в туфельках и сером плаще, а рядом с ней чернел ее чемодан. Куда денется на ночь глядя в лесу эта беспомощная девчонка, подумалось мне с грустью.

У дороги в лесу мы заметили артиллерийскую часть. Остановились и стали выяснять, почему она не в бою. Сокрушенно, чуть не со слезами на глазах, командир полка доложил, что у него кончились снаряды и он вынужден отвести дивизионы из угрожаемого района, чтобы противник не захватил орудия. Двенадцать 122-мм пушек ему удалось отвести и расположить у деревни Вороны. Остальные двенадцать орудий остались на прежних огневых позициях под носом у противника. За ними посланы тягачи. Если орудия еще не захвачены немцами, то их притянут сюда же. Дело в том, что на 24 орудия в полку было всего 12 тягачей. На них командир полка перетаскивал орудия в две очереди: половину переместит, а затем посылает за второй.

Первые впечатления, полученные в прифронтовой полосе, вызывали горькие размышления. Вот как получается на деле, думалось, – одни сражаются с ворвавшимся на Советскую землю врагом, гибнут в боях, а другие своевременно сматываются в тыл, уклоняясь от опасности, бросают перед лицом врага своих товарищей и утекают подальше отседающих фашистов. Видимо, сказываются какие-то промахи и упущения в довоенном воспитании. Представлялось, что каждый советский человек, способный держать в руках оружие, будет сражаться до последнего патрона, до последней капли крови, до последнего дыхания, преграждая путь коварному врагу. При первом же суровом испытании это оказалось далеко не так. В человеческой среде, видно, тоже есть своеобразный мусор. Естественно. Но что-то очень уж много этого мусора. Наверно, мало словесного внушения ответственности, преданности Родине, готовности самопожертвования ради нее. Чтобы претворять в жизнь эти святые слова, нужна жесткая организаторская рука, единая железная воля для направления духовной и физической энергии людей на выполнение высокого долга. Страх перед опасностью, дикая боязнь смерти, обычная подлая трусость лишили некоторых горе-воинов самообладания, затмили разум, парализовали волю. Несомненно, в общей массе их не так уж много, но они есть. Я переживал чувства горькой обиды и злости, но не отчаяния. Уверенность в благоприятном в конце концов исходе для нас войны не покидала. Хотелось скорее кинуться в бой с зарвавшимся врагом. Только бы сосредоточилась армия!..

К Витебску мы подъехали, когда уже стемнело. Остановились на восточной его окраине у отдельно стоящего домика. Город горел. Зарево пожаров отражалось в небе кроваво-красным отблеском. Мы сошли с машин и построились в шеренгу.

И вот прямо перед нами из придавленной багряным небом темноты возник броневик. Из него устало выбирается человек в стальном шлеме, заросший щетиной, почерневший и весь в пыли. Узнаю знакомого по Ростову-на-Дону подполковника Ушакова. Как он здесь оказался, что делает? Из его короткого доклада командарму выяснилось, что немцы ворвались в Витебск и почти полностью заняли город. Наших войск в городе нет. Местные власти, милиция и часть населения поспешно покинули город. В некоторых местах какие-то люди грабят, как он выразился, магазины и склады. Немцы переправляют танки через реку по железнодорожному мосту, так как автомобильный мост выведен из строя.

Он, Ушаков, взял на себя обязанности коменданта города, но сделать ничего, кроме личной разведки, не может, потому что никаких боевых подразделений в его распоряжении нет. Из доклада следовало, что подполковник хорошо знает обстановку в городе. Все, что там происходит, ему известно не из чьих-то рассказов, а из личных наблюдений. В наших глазах Ушаков выглядел настоящим героем. Так оно, наверное, и было.

После короткого раздумья наш командарм оживился, загорелся жаждой деятельности. Заговорила военная струнка, запахло боем, ненавистью к врагу. И вот генерал Конев, худой и длинный, с бритой головой и белесыми бровями, обращается к начальнику инженерной службы полковнику Гайдуку. Тот молча выходит из строя и становится перед командующим. Маленький, щупленький, с подчеркнутой военной выправкой человек. В штабе округа он появился незадолго до войны, но все его успели узнать. Было известно, что полковник воевал в Испании. На груди у него красовались три ордена Красной Звезды. Имеющие столько орденов в те времена встречались редко.

– Надо сорвать переправу танков врага через реку, – спокойным, но твердым, не допускающим возражения голосом сказал генерал. – Отправляйтесь к мосту и взорвите его!

– Есть, товарищ командующий! Задачу понял. Разрешите выполнять? – бодро отчеканил полковник и пошел к машине.

Но тут его вдруг окликнул командарм, повысив голос:

– Задачу выполнить при любых условиях! Ценою жизни, но выполнить, полковник Гайдук!

– Ясно, товарищ командующий! – ответил Гайдук и ушел в темноту.

Что ему ясно? Как он выполнит эту задачу? – подумал я с досадой. Это же нереально. Один человек – без охраны и саперов, без взрывчатки. Немцы, несомненно, охраняют мост и не позволят к нему даже приблизиться, а не то что взорвать. Странно. Очень странно! Взрыв железнодорожного моста потребует сил, времени и много взрывчатки. Не может же инженер не знать этого. Почему он не доложил командарму о нереальности задачи? А может, опытный начальник инженерной службы рассчитывает на какие-то силы и средства, о которых мне неизвестно, – успокаивал я себя этой надеждой. И все же этот случай показался мне чем-то зловещим, тревожным, непонятным.

Спустя непродолжительное время появился шофер Гайдука и, еле переводя дух, доложил, что на пути к мосту машина была обстреляна пулеметным огнем в упор из окна дома. Полковник не то убит, не то ранен. Сам он выскочил из подбитой машины и, пользуясь темнотой, прибежал доложить. Командарм с удивительным спокойствием приказал послать к месту происшествия танк КВ, на котором кто-то из командиров приехал, и вывезти полковника Гайдука. Но танк вернулся ни с чем: в поврежденной машине Гайдука не оказалось. Через несколько лет после войны мне рассказали, что Гайдук был тяжело ранен, пленен немцами и находился в лагере военнопленных. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Вернемся, однако, к домику на восточной окраине Витебска. Ночное небо, как исполлинское зеркало, отражало горящую землю. Мы стояли в шеренге, а командарм, указывая пальцем то на одного из нас, то на другого, ставил каждому задачу. Поручения в основном заключались в розыске командиров соединений, прибытие которых ожидалось в намеченные районы с часу на час, и сопровождении их к командующему. Генерал хорошо знал, какие части должны были уже прибыть и какие ожидаются в ближайшее время; но где их искать в кромешной тьме на незнакомой местности, не указывал, считая, что штабные офицеры знают это не хуже его самого. Но в действительности знали далеко не все. Получившие задание молча выходили из строя и уезжали в темноту. Очередь дошла до меня. Генерал посмотрел в мою сторону, назвал меня по фамилии и вдруг, задумавшись на секунду, обратился к следующему. Я забеспокоился и с затаенной обидой подумал, что командующий на меня не надеется и поэтому воздержался дать мне поручение. Получили поручения почти все. Я же сконфуженно стоял и напряженно ждал указаний. Вдруг генерал порывисто подошел ко мне вплотную:

– А вам поручаю выбрать место для командного пункта армии в лесу восточнее Витебска. План размещения командования и отделов и схему охраны и обороны КП доложите на утверждение. К утру штаб должен прибыть и подготовиться к работе на новом месте.

С представителями отдела связи и отделением связистов я отправился в лес, через который мы только что проехали. Раньше мне не приходилось заниматься размещением командного пункта и выбором места для него, и я сильно волновался, не будучи уверенным, что справлюсь с задачей.

Километрах в шести юго-восточнее Витебска лес показался подходящим. И я приступил к работе. Но лес оказался битком набит людьми и машинами. Здесь были мужчины и женщины самых разных возрастов, дети и старики. Они поспешно покинули городские квартиры, убегая от страшного врага, и семьями, с наспех захваченным домашним скарбом, расположились на ночлег между развесистыми хвойными деревьями. Густо дымились приглушенные костры, пахло паром и печеной картошкой. Люди сидели у костров на лапнике, тихо разговаривали. Очистить нужный участок леса от человеческого муравейника оказалось непросто: никто не обращал внимания на уговоры перейти в другое место. Особенно упорствовали мужчины, которым бы не сидеть в такое трагическое время в лесу среди домочадцев, а с оружием в руках защищать родной город. С помощью офицеров и солдат-связистов с большим трудом удалось в конце концов перегруппировать разбитую на семейные

ячейки толпу на другую сторону дороги. Натыкаюсь на новенькую легковую автомашину М-1 с горой увязанных на крыше чемоданов. В кузове, прижавшись друг к другу, дремлют женщины и дети. На переднем сиденье, поджав ноги, спит средних лет мужчина. Это был глава семьи, одетый в измятую военную форму без знаков различия. Мое требование перегнать машину на другую сторону дороги хозяин отклонил, заявив, что я ему не указ, он мне, дескать, не подчинен, как лицо, занимающее высокое положение и не имеющее отношения к армии.

– Занимайтесь своим делом, а мою семью не беспокойте.

Я без вас знаю, где мне быть и что делать. Утром уеду в Смоленск, а пока ночью здесь! – отчеканил он воинственным тоном.

Это положило конец моему терпению.

– Вам следовало бы драться за свой город с врагом, а не сидеть в лесу дезертиром, – парировал я его самоуверенность. – Но у меня нет времени предаваться дискуссии. Освободите машину! Она изымается для нужд армии...

Он стал кричать, бросаться угрозами, заявляя, что освобожден от призыва по брони. Но потом понял бесполезность препирательства, заметив приближающихся двух связистов с винтовками, стал отвязывать и ставить на траву чемоданы. Машина нам пригодилась для дела.

К утру прибыл штаб армии и разместился на первом боевом командном пункте, выбранном мной. Командарм замечаний по расположению штаба не высказал.

2

19-я армия с крохотными силами различных соединений вступала в боевые действия с войсками немецко-фашистских захватчиков. Командующий армией генерал-лейтенант И.С. Конев был задумчив и молчалив. Он глубоко переживал случившееся. И его можно было понять: фактически он оказался командующим без армии, в создание которой вложил столько сил и нервов. Приходится собирать что попадется под руку и вступать в бои с врагом с незнакомыми, случайно собранными и малобоеспособными подразделениями. Но что поделаешь! Обстановка складывается не так, как бы хотелось.

В течение ночи к Витебску удалось подтянуть подразделение из нескольких танков 7-го танкового полка и неполный полк 220-й мотодивизии.

Решено было с рассветом послать офицеров на самолетах связи разыскивать должностные прибывать войска и направлять к Витебску подкрепления. Но случилась первая боевая беда. Имевшаяся эскадрилья самолетов связи, базировавшаяся в районе населенного пункта Яновичи (30 километров северо-восточнее Витебска), с первой утренней зарей подверглась налету самолетов противника, и все наши самолеты частью сгорели, а частью вышли из строя. У нас не осталось ни одного самолета связи.

Командарм решил, не теряя времени, атаковать противника в Витебске наличными силами. После жиденького огневого налета началась наша атака на юго-восточную окраину города. Бойцы поднялись дружно и с криком «ура» устремились на противника вслед за семью танками. Вначале продвигались успешно и после короткого, но напряженного боя заняли аэродром и ворвались в город. Аэродромные построения окутаны огнем; горели и ближайшие дома в самом городе. На этом наступление закончилось, бой стих. Мы ожидали, что противник возобновит наступление вдоль шоссе Витебск – Лиозно. Но этого не произошло. Ошеломленные нашим внезапным ударом, немцы здесь больше активности не проявляли. Тем временем начальник разведки полковник Кулешов доложил командующему, что противник, отказавшись от наступления со стороны Витебска, форсировал реку Западную Двину километрах в пятнадцати севернее города и устремился на восток, видимо намерева-

ясь прорваться к Смоленску. Немцы в любое время могут выйти на тылы армии и отрезать нам пути отхода. Указаний штаба фронта о дальнейших действиях не поступало, и командование армии теперь смотрело не вперед, а назад, обеспокоенное тем, что противник может выйти в районы выгрузки прибывающих войск и сорвать их сосредоточение. Когда стемнело, где-то в тылу вспыхнул вихрь пламени и до нас докатилось эхо мощного взрыва. Случившееся от личного состава скрывалось. Но мы, штабные операторы, быстро разобрались в происшедшем. На станции Плоская находился армейский склад боеприпасов, часть которых не была выгружена из вагонов. Опасаясь, что склад может попасть в руки противника, наши артснабженцы взорвали боеприпасы, оставив войска без снарядов. Впоследствии выяснилось, что снабженцы поторопились: склад мог функционировать еще несколько дней, так как противник обошел его севернее.

Несколько дней мы удерживали занимаемый район. Но противник глубоко обошел нас с севера и устремился на восток: его 3-я танковая группа двигалась в общем направлении на Ярцево, обходя Смоленск с севера. 2-я танковая группа немцев развивала наступление из района Орши, прорываясь к Смоленску с юга. Создавалась предпосылка окружения советских войск в обширном районе между Витебском и Смоленском.

Тем временем поступило распоряжение штаба фронта, гласившее, что какая-то дивизия (не нашей армии) под ударами противника рассыпалась. Командование дивизии растерялось, потеряв управление частями. Командарму 19-й армии приказывалось своим распоряжением назначить нового командира дивизии и начальника штаба, которых обязать немедленно выехать в район Демидова, разыскать упомянутую дивизию, арестовать ее руководителей, а самим возглавить командование. И.С. Конев назначил командиром неизвестной ему дивизии полковника Бурча, состоявшего в резерве, а начальником штаба – моего приятеля майора Б.М. Пономаренко. Дивизию они так и не нашли: полковник Бурч возвратился ни с чем, а майор Пономаренко пропал без вести. Уже в завершающий период войны дошли до нас слухи, что Пономаренко оказался в плену, потом бежал и воевал в партизанах, став начальником штаба партизанской бригады.

Поступил приказ отвести нашу армию за Смоленск. К этому времени как раз прибыла одна из наших дивизий под командованием генерал-майора Горячева. Она благополучно выгрузилась из эшелонов в районе Рудня и восточнее и походным порядком двигалась в направлении Витебска. Штаб армии в то время переместился к юго-востоку и размещался в лесу между Рудней и Лиозно. Командарм решил выдвинуть прибывшую дивизию вперед с задачей прикрыть отход войск, не допустив преследования их противником. Но вот среди ночи появляется заместитель командующего фронтом генерал А.И. Еременко. Он, горячась и матерно ругаясь, отменил решение командарма, приказал остановить дивизию и отправить ее за Смоленск. Конев настойчиво просил генерала Еременко не отменять решение на прикрытие отвода армии, ибо немцы в этом случае настигнут отходящие войска и врежутся в их колонны – тогда отход превратится в бегство.

– Ну и пусть бегут! Скорее отойдут, – подтвердил приказание Еременко. Он тогда не сказал генералу Коневу – чего не знать не мог, – что 19, 20 и 16-я армии Западного фронта фактически уже оказались в оперативном окружении в огромном районе западнее, севернее и восточнее Смоленска. 16 июля немцы ворвались в Смоленск с юга, и 19-й армии, силы которой значительно пополнились, в районе Витебска делать было нечего.

Меня послали найти генерала Горячева и передать ему приказание отходить. Но командир мне не поверил и выполнять приказание отказался, считая неразумным отводить дивизию в то время, когда находящиеся не впереди войска отходят. Их нельзя оставлять без прикрытия. Я предложил генералу остановить дивизию на привал, а ему поехать вместе со мной к командарму, от которого он получит исчерпывающие указания лично. Договорились на этом. Ему была подтверждена новая задача, и дивизия возвратилась.

3

Утром штаб армии группами поочередно начал перебираться в новый район за Смоленск, чтобы разместиться в лесу у станции Кардымово. Я должен был ехать с последней группой.

А пока сидел в закрытом кузове радиостанции и вел переговоры по радио со штабами, с которыми поддерживалась связь. Помехи заглушали слышимость, эфир был плотно засорен перебивающими друг друга русским и немецким языками. Поэтому даже короткий разговор занимал много времени. Связисты беспокоились и все настойчивее напоминали мне, что пора свертывать радиостанцию и уезжать. «Все уже смотались», – умоляюще предупреждали они.

Но я не хотел прерывать неоконченные переговоры, намереваясь отпустить радиостанцию в самый последний момент – и она догонит колонну. Недалеко от радиостанции в кустах я предусмотрительно поставил броневик БА-10, принадлежавший службе ПВО Витебска и задержанный мной накануне. Пожилому солдату-водителю было приказано без меня никуда не уезжать. Дверь радиостанции кем-то приоткрылась, и я услышал поблизости трескотню автоматных очередей. Выскочив из радиомшины, я разрешил радистам свертываться и уезжать, а сам ушел к броневику. Немецкие автоматчики проглядывались между деревьями: они ворвались на командный пункт и прочесывали лес. Броневика на месте не оказалось, – вероятно, водитель удрал, не дождавшись меня. Радиостанция успела смыться, и я остался один в лесу перед приближающимися немцами. Пригнувшись, стараясь ускользнуть незамеченным, пробираясь по густому кустарнику к опушке леса, где проходила полевая дорога. К счастью, на большой скорости мчится открытая легковая машина. Рядом с водителем сидит командир полка связи полковник Базилевич-Белый. Заметив меня, шофер притормозил, и я свалился в кузов машины. Вскоре мы выскочили на пустынное шоссе и помчались на восток. Через каких-то 10–15 минут догоняем и обходим колонны машин с людьми и всевозможным войсковым скарбом, в беспорядке обгоняющих друг друга. По обеим сторонам дороги, сколько видит глаз, движутся сплошные колонны артиллерии, глубоко врезааясь гусеницами тракторов и колесами орудий в размешанную пыль. То здесь, то там виднеются застывшие на месте орудия с тягачами, брошенные на обочинах дороги. Видно, кончилось горючее. С болью в душе, стараясь сдержать слезы досады и обиды, я представил, что все это достанется врагу.

А я-то думал, что при любых обстоятельствах каждое наше орудие будет вести огонь по противнику до последней возможности и при безвыходном положении оставшимся единственным снарядом будет взорвано. На деле это оказалось далеко не так.

В голубом утреннем небе проплывали на запад многочисленные стаи вражеских бомбардировщиков, между которыми проворно сновали маленькие истребители, сверкая на солнце ослепительными отблесками. Но они проплывали мимо, будто не замечая, что творится на дороге. Освободились от смертоносного груза где-то в глубине фронта, думалось, и возвращаются на аэродромы для новой зарядки. Бомбить нас им, видно, нечем.

Обгоняя колонны по обочинам дороги, наша машина стремглав несется вперед. Смоленск остается где-то справа. Подъезжаем к Соловьевской переправе. Как нас туда занесло? В глазах рябит от скопления машин, людей, конных повозок, артиллерии. Все вокруг сожжено и обуглено, щекочет в носу, и въедается в глаза смрад липкой гари. Месиво людей, лошадей и техники бросается в воду и вброд устремляется к противоположному берегу. Несколько тяжелых орудий, с залитыми водой двигателями тягачей, застряло в разных местах реки, мешая движению. На восточном берегу, у самой переправы на пригорке, где обглоданными кульями тянутся кверху три обрубленные бомбами почерневшие старые

березы, беспрестанно стреляет зенитная батарея. Молодой лейтенант, без головного убора, с расстегнутым воротником выгоревшей, мокрой от пота гимнастерки, стоит в рост на осыпавшемся окопе и подает команды боевым расчетам, неистово помахивая потерявшими цвет сигнальными флажками. Над переправой, как исполинские шмели, кружат вражеские бомбардировщики, выстраивающиеся один за другим, и, круто ныряя вниз, сбрасывают по четыре бомбы в каждом заходе. Порывистый рев их моторов заглушает крики людей и шум машин на переправе. Вода кипит, несет по течению какие-то предметы. Розово-мутными потеками медленно расплываются все шире и шире пятна человеческой крови на взбаламученной воде. Я ощущаю помутнение в глазах, подташнивание. И вот мы вливаемся в общий поток, вода переползает через капот машин, двигатель захлебывается, вот-вот заглохнет. Но машина с натугой выбирается на противоположный берег. Ад переправы остается позади.

В лесу, где копошится штаб, размещаясь на новом месте, разыскиваю полковника Волкова, неожиданно приступившего к исполнению должности начальника штаба, и докладываю о прибытии.

– Будешь моим адъютантом, – угрюмо объявляет полковник.

– Простите, товарищ полковник, но я на эту должность не подхожу. Такая роль мне не подойдет. Ведь я окончил академию не для того, чтобы быть адъютантом, – упрямо возражаю. В сердцах хотел еще заметить, что не могу выполнять холуйских обязанностей, но воздержался.

– А мне как раз и нужен адъютант с высшим военным образованием. Я же не заставляю тебя чистить мне сапоги, – грубо оборвал меня вновь испеченный начальник армейского штаба. – Поехали!

Группа офицеров во главе с Волковым спешно выезжает навстречу отступающему потоку. На высоте перед небольшим мостиком на шоссе между станциями Плоская и Рудня останавливаемся. Задерживаем танк «КВ», две отставшие от своей части 122-мм пушки и десятка два бредущих в беспорядке красноармейцев и организовываем оборону по обе стороны дороги: роем орудийные окопы, ячейки для стрельбы, создаем систему огня. Из направления Рудни больше никто не появляется: все отступающие, видно, уже прошли. Мы голодны, есть нечего. Посылаем в Рудню офицера и двоих рядовых в поисках продуктов. Вскоре они возвращаются с несколькими банками сгущенного молока и консервированной фасоли с мясом. Посланцы сообщают, что им с трудом удалось ускользнуть от немцев, вошедших в Рудню, скоро те появятся перед нами. Быстро темнеет.

– Адъютант, кончились у меня папиросы. Давай! – обращается Волков ко мне, точно дал мне свои папиросы на хранение.

– Я некурящий и папирос не имею, – отозвался я вызывающе, конфузясь перед товарищами.

– Да, видно, ты в самом деле в адъютанты не годишься, – пробормотал полковник недовольно. – Вот что, я немного посплю, а ты не спи и, если что, разбудишь. Только смотри не засни сам!

– А когда же поспать мне? – говорю.

– Выберешь время, когда не буду спать я. Не можем же мы спать оба.

Утомленные, все быстро погрузились в сон, расположившись рядом на теплой земле, прикрыв лица головными уборами. Кругом тишина, ни звука. Далеко на западе небо отсвечивается розовыми бликами.

Вглядываясь в окружающую темноту, я вдруг заметил на северо-восточном небосклоне нечто вроде ярко светящихся фонарей на разной высоте. На фоне освещенного ими неба вспыхивали один за другим белые язычки и плавно опускались к горизонту. Казалось, что это происходит совсем рядом. Разгадать впервые увиденное явление я не мог. Толкаю в плечо

крепко спящего Волкова и указываю на появившуюся иллюминацию. Полковник сердито протер глаза, подумал и говорит:

– Так это же парашютный десант! В каком это районе? На каком удалении от нас? Как ты думаешь?

– Трудно определить ночью. Наверное, далеко, раз не слышно гула самолетов, – ответил я неопределенно.

Все быстро проснулись и молча вглядывались в происходящее. Я развернул карту и с помощью компаса, при свете карманного фонарика, определил азимут. Получалось – в направлении Ярцево. Но на каком удалении от нас, сказать было невозможно.

Между тем наше внимание привлекла приближающаяся со стороны противника человеческая фигура. На оклик послышался немедленный ответ:

– Младший лейтенант Борискин! Свой!

Борискин приблизился и осмотрел каждого из нас в темноте, определил полковника и бойко отрапортовал:

– Товарищ полковник! Младший лейтенант Борискин охранял находящийся впереди мост. Прибыл доложить, что мост в порядке, противник не появлялся...

Маленький ростом и совсем юный офицер выглядел сугубо штатским мальчуганом; его можно было принять за переодетого в военную форму школьника старшего класса. На пояске у него висела кобура с пистолетом и две ручные гранаты: одна противопехотная, а другая противотанковая. Они круто оттягивали вниз брезентовый пояс на впалом животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.